

СМЕНА

№ 20 ОКТЯБРЬ 1981

**ИМЯ НАМ -
КОМСОМОЛ**

Один из праздников комсомола мне посчастливилось встретить на КамАЗе. Я оказалась в группе писателей-молодогвардейцев, которая приехала туда, чтобы принять участие в традиционной неделе молодежной книги. Было много встреч в цехах достраивающегося, но уже вовсю работающего завода, в общежитиях, в литературном объединении. Ну, а еще раньше — красивая, как в цветном кино, встреча в аэропорту, где девочки в национальных костюмах поднесли гостям традиционные хлеб-соль. В Набережных Челнах выпал первый ранний снег, а девочки стояли в расширенных сарафанах, словно бажовские огневушки-посакашки — действительно, хоть в кино снимай.

Все памятно и красиво в этой поездке, как и положено в праздник.

И вдруг... Вот ради этого «вдруг», ради этих мгновений озарения, какого-то непредвиденного эмоционального открытия, в тайной надежде на какую-то подвижку души, постигающей движение времени, думаю, и едут, и летят, и идут писатели на встречи с читателями.

Да, вот наша главная встреча — в огромном, только что сданном, совершенно стилистично киноконцертном зале. Зал оказался не просто полон — сидели в проходах на ковровой лестнице, стояли вплотную у стен. Три часа не отпустили писателей. Передавали записки, задавали вопросы. Яркие, нарядные, с открытыми лицами люди, со взглядами, в которых все так легко читается в хорошие минуты.

Вот тут и возникло это «вдруг». Не принято сейчас употреблять красивые слова — вдохновение, исповедь. Но было именно это. Исповедь поколений звучало все, что говорил каждый: и тоненькая девочка с черной косой в пояс, тогда еще не отмеченная наградами, только открывающая себя поэтесса Гуля Сафиева, и отмеченный славой и признанием Егор Исаев, который видел аудитории больше этой. В чем была тайна этого благодарного и благодарного, всегда одинаково удивляющего ощущения братства? Братства, не знающего возрастных пределов, в основе которого лежит общность — чего? Какая?

Общностью этой для всех нас был комсомол. Тогда, когда мы выходили под свет юпитеров, мы ощущали его не в прошлом — а вот сейчас, в себе, навсегда. И было бесконечно важно — для нас и, думаю, для всех сидящих в зале — ощутить это единство. Меняется конкретная задача: строить КамАЗ, а не Магнитку, КАТЭК, а не «Уралмаш». Но цель — растить в процессе этих свершений нового, незнаемого еще миром человека, крылатого человека, живущего заботами всего мира, а уж только потом своими личными. — цель-то эта и для них и для нас осталась сквозной. «Дашь «Уралмаш!» — «Дашь КамАЗ!».. Разве это не звенья одной цепочки, подтверждающей, что не распалась связь времен? Не берешь, а дашь! Нужное стране и только через нее — те-

ВЕТРЫ БЕСПОКОЙНОЙ МОЛОДОСТИ

Клара СКОПИНА,
лауреат премии
Ленинского комсомола

бе лично. Сначала ей — потом тебе.

И все-таки не только в этом счастливо-пронзительном ощущении единства с вечно юным, вечно обновляющимся союзом молодости было откровение этих минут. Нет, не только в этом.

Я смотрела в этот зал и сравнивала с другим — так же, как и Егор Исаев, наверное, и Аркадий Воробьев, — ведь у каждого своя точка отсчета в комсомоле.

Это были лихие пятидесятые годы — годы тесноты, скудости, несьютой еще жизни, годы азартных мечтаний и нашей молодой веры в новую эру, ибо опять возрожденным и обновленным вернулось звучное: «Ударная комсомольская!»

Наша первая комсомольская стройка — Свердловский завод железобетонных изделий. Заложили его на пустыре за городом, ни дорог нормальных, ни подъездных путей. Я «получила» эту стройку в качестве комсомольского подарка вместе с приказом без отрыва от основной работы в областной молодежной газете выпускать бесплатное приложение, спецвыпуск, который помог бы «перевернуть все порядки и сделать стройку действительно комсомольской», как сказал редактор.

Бедная и счастливая, безалаберная и бедовая наша первая! Девчачья бригада едет прямо к первому секретарю обкома комсомола — и он их принимает и заставляет руководство стройки обеспечить фронт работ. Он сидит на всех еженедельных трестовских оперативках и требует, и ругается, и защищает... право молодых на настоящую работу. От нас уже стоном стонет трест — от нашей бескомпромиссной газеты «Малютки», от наших ночных рейдов, в которых «за так», разожженные нашим азартом, участвуют маститый художник, поэт, фотограф. Бесплатно рисуют, снимают, пишут. Выпускают огромные сатирические листы, дают материалы в «Малютку». От нашей дотошности, от нашей способности распознать любую «липу» и добиться грамотной организации работ не знают, куда укрыться, хозяйственники. Смешно? Какие крохотные задачи?! Верно, с высоты КАТЭКа и КамАЗа. Но вспомните, кто работал на стройках после войны, когда и на заводы-то половина — выкошенная войной — не вернулась. Работали все. Образование — кто спрашивает? Строить-то надо. «Какие порядки, какие ночные смены, какой этикет, вы что, с ума

сошли?» — возмущался лучший прораб стройки.

Год понадобился, чтоб руководители поняли: ах, как хорошо с комсомолом! Потому что впервые выполнили план. Потому что получили ордена и знамена. И просто потому, что пришла жизнь. Ночными кострами отогревали каменную уральскую землю, чтоб бульдозер взял. Кто бы еще это делал, кроме комсомола? Всем городским комсомолом строили первый приличный поселочек около завода. Всем городом выходили на благоустройство. На подводу дорог, подъездных путей. Поделили на квадраты, на зоны — каждому району. За год неузнаваемо возмужали вчерашние десятиклассники, первые «краснопутевочники» с аттестатом зрелости. Впервые мы видели, что такое участие комсомола в управлении.

Я ходила к стройке от последней трамвайной остановки длинной грязной дорогой, мимо лагеря военнопленных. Из-за забора смотрели чужие нам люди, перебрасывались непонятными для меня репликами, играли на губных гармошках. Собирались домой, в Германию. А я иногда, неся под мышкой свежий выпуск моей крохотной газетки, жалела, что не могу им крикнуть: «А мы выжили!» Мы, обнищавшие за войну, потерявшие в каждой семье близкого человека. Мы, двадцати- и двадцатипятилетние, которым бы бесечно радоваться жизни, назначать свидания, шить красивые платья, ходить в оперу, — мы готовы переест друг другу шею за то, что не вовремя подвезли раствор. Мы, как наши близкие в войну, надели сапоги и все те же ватники. Мы не боимся ни начальства, ни друг друга, ни мамы родной, когда речь идет о судьбе дела, — значит, мы живы! Значит, душа наша просит, как и у тех, первых, наших комиссаров, большего, чем личная радость для себя одного. Душа наша ищет дела, значимого для страны, для всех нас.

Камазовское озарение свело вместе поколение тех, кто осваивал впервые после войны новые высоты комсомольской ответственности. Да, пространство в двадцать лет, всего в двадцать, оказалось таким «густонаселенным» — делами, событиями, героями, — что, глядя на этих сегодняшних, красивых и уверенных в себе, невозможно было не испытать гордость за них и ревнивое чувство — за тех, первых, поднимавших послевоенные ударные комсомольские.

Уроки комсомола... Сколько их было в каждом поколении? Не счастье. За жизнь не рассказать о потрясшем, оставшемся в сердце.

...Норильск. Комсомольский десант 1956 года. Дизель-электроходы везут по Енисею молодых, веселых, необстрелянных «краснопутевочников» — инженеров и рабочих из Москвы и Ленинграда. Цветущие июньские бульвары провожали их. А тундра встретила снегом и ледяными ветрами с океана. И барачной неустроенностью. И полным незнанием — кто есть кто рядом и над тобой. Они встретили страшную первую полярную зиму массой, а не коллективом, «рабсилой», а не специалистами, с крохотными заработками, без настоящей северной кормежки, без представления, как и чем здесь жить.

А вышли к весне, к первому солнцу мощным коллективом, со своей системой отношений: иерархией не должностей, а человеческого авторитета, и меркой его были простые понятия — честность, бесребреничество, бесстрашие, принципиальность. И к ним поехали за опытом. Из Красноярска и Москвы, из газет и журналов. Всей стране был известен их лозунг: жить без скидки на Полярный круг!

Как им это удалось? Лучше всех рассказали бы об этом сейчас заместитель министра сельского строительства Леонид Яковлевич Иванов — прораб и активист комсомольского десанта Ленья Иванов, выпускник Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, или начальник производственного объединения Росспецстрой, бывший ленинградский токарь-расточник, комсорг цеха, поставивший свою фамилию первой в списке добровольцев, покидающих родной завод, — Володя Бирюков. Могли бы рассказать, потому что у каждой молодежной бригады тех лет своя история. Каждый бригадир — личность. Кстати, избранная, а не назначенная. Оттуда, из Норильска, пошла идея выборности бригадиров. Ее поддержат Красноярский крайком ВЛКСМ и «Комсомольская правда», а годы спустя и диссертации ученые напишут... Вот и пошли первые уроки Норильска, новый стиль жизни.

Они построили — бесплатно — первый телецентр на Севере.

Они — Иванов, Бирюков, Женя Французов — создали — небывалое дело — «комсомольский ДОСААФ», построив, опять бесплатно, аэродром. Они

повесть, об этих уроках комсомола. Но плохие они рассказчики. Однажды я попросила другого «краснодесантника» — уже из следующего поколения, одного из первых комсомольских комиссаров Красноярской ГЭС, Виктора Плисова, рассказать о самых значительных вехах его работы в комсомоле, и он виновато сказал: «Знаешь, время жизни так уплотнилось, что уже с трудом выкапываешь то, что было вчера». И вроде извиняясь: «А наверное, еще не пришло для нас время вспоминать!» Не пришло это время и сегодня для секретаря Красноярского крайкома партии Виктора Васильевича Плисова, хотя он уже больше двадцати лет в крае. — вон

сотни и тысячи со своей жадной общественно полезными действиями.

И, конечно же, счастье в том, что видишь, как в твоём и в следующих поколениях растёт и растёт спрос на социальную активность молодости. Мы, привыкшие к этому, уже не всегда и понимаем цену одному из великих преимуществ нашей жизни: год за годом, поколение за поколением получает молодёжь социальный заказ. В тот самый момент, когда идет избирательный поиск души, когда кипят силы, жаждущие исхода, когда в силу самой природы молодости человек мечтает открыть, свершить, оставить след. Родина, государство доверяют важнейшие свершения комсомолу. Глобальные, недоступные ни одной стране другой социальной системы. Бесконечен список этих дел. Близок XIX съезд комсомола, и мы услышим отчеты КАТЭКа и Саяно-Шушенской ГЭС, и Оскольской Магнитки, и Нечерноземья, и нефтяной державы Сибири, и Таймырского Севера... И наверняка в каждом отчетном слове будет проследиваться главный урок всех комсомольских поколений — вечное творчество! Ведь не в том урок Плисовых и Ивановых, чтоб его принять за эталон работы и копировать, — это и невозможно. Нет, он в живом поиске — в каждой организации, в каждой точке государства — своей сегодняшней особой задачи, которая, конечно же, исходит из общих больших забот, из ясных решений XXVI съезда партии и все же полна своих конкретных подробностей. Уловить их — значит творчески приложиться к океану государственных дел.

Счастливые это люди — сегодняшние фронтовики комсомола. Каждый год Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ выпускает отряд комиссаров в двести человек. На карте страны, пожалуй, не останется белых пятен, если расставить флажки распределений. Какие они, сегодняшние? Каждая судьба — это свой рассказ. Серёжа Ищенко рекомендовал на учебу Балтийский флот. Учился отлично, отличным был секретарем партийного бюро, отличным командиром строительного и сельскохозяйственного отрядов. Несуетлив, серьезен, справедлив. Умница. Душа. Любил его ребята. Уважали преподаватели. В день выпуска в Верховном Совете СССР ему была вручена правительственная награда — медаль «За трудовое отличие».

Приняв для себя постановления XXVI съезда партии как руководство к решению собственной судьбы, он выбрал местом работы КАТЭК. Вот ведь какое символическое смыкание судеб: точно так же, по призыву партии, ехал когда-то в Красноярский край сегодняшний проректор Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ доктор исторических наук, профессор Юрий Афанасьев — выпускник МГУ с красным дипломом, и точно так же избрал этот край местом работы и верной долгой любви другой выпускник столичного вуза с красным дипломом — Виктор Плисов. Едут комсомольские комиссары на БАМ и Тюменский Север, на Бурятскую ГЭС и в Нечерноземье, в Карелию и Таджикистан, на Сахалин и Камчатку.

И как тогда на КамАЗе, глядя на этих, сегодняшних, торжественно напуганных в светлом зале ЦК ВЛКСМ, снова невольно думаешь: какую же мощь с тех пор набрал комсомол. И не только числом — ведь уже за сорок миллионов! — мощь в самом качестве жизни. В культуре. В масштабе. В достоинстве. А те, первые послевоенные, мои сверстники? Каково их место в этом новом строю?

Они остаются живой основой сегодняшнего опыта. Своей живой, непреходящей, душевной принадлежностью к комсомолу. Доказывая, что граждански активная молодость навсегда одаривает человека бесценным ощущением принадлежности к братству единомышленников.

*Зеленеют листья тополей,
Заливает солнце площадь светом.*

*Я хочу остаться на земле,
Дружбой комсомольскою согретой.*

*Не живу в довольстве и тепле,
Край любя таежный и зеленый.
Я хочу остаться на земле
Мужественной, ласковой, влюбленной.*

*Знают все: в походе веселей
С песней на подъемах и уклонах.
Я хочу остаться на земле
С песней комсомольских батальонов.*

*Тишина пройдет вдоль аллеи,
И дорогу день уступит ночи.
Я хочу остаться на земле,
Потому что вас люблю я очень!*

Автор этих стихов — один из любимых уральских комсомольских комиссаров моего поколения, строивший Качканар, переживший там и комсомольскую юность и партийную зрелость (это не значит, что юность его была незрелой).

Когда пытаешься рассказать о Селянине, чувствуешь, что пересказ фактов его жизни не передает самого главного, может быть, из уроков его судьбы. И Плисов, и Иванов, и Афанасьев, олицетворявшие для края целое поколение, и Селянин на Урале — с сотнями их товарищей — не просто делали дело. Сердце свое тратили они на каждого входящего в их двери. Встреченного с бедой на дороге. И сердце жгли в деле своем. И от молодости главный этот урок перешел в зрелость. В недавние годы в Красноярском крае в одной машине оказалась я со строителями. Начальник треста секретарю крайкома Плисову говорит: приедешь к Иванову в министерство — во всем разберется, все решит, чего бы ему это ни стоило. А в другое министерство приедешь (имярек) — с чем пришел, с тем ушел, зато длинную нотацию выслушаешь. А я и сама этого, сегодняшнего Иванова, видела: нервная была минута — годовые итоги подводили, а по дальневосточным объектам сведений каких-то не хватило, чтоб премию присудить, и тот, прежний Иванов, срывая сердце, вдруг с прежней горячностью вскрикнул: да ведь там же — люди! Нет сведений — запросите, посидите лишние часы, а вас, как ветром, всех с этажа в шесть сдувает. И вот люди остались без премии. На «фронтных», можно сказать, стройках.

Сегодняшний или прежний Селянин, защищая правое дело на Качканаре, прямо на собрании — представьте, такое случилось — на полуслове теряет сознание. И рабочие относят его на руках в ту самую больницу, которую когда-то его большими хлопотами «пробивали», — и не знаешь, что больше его спасает: больница или ежедневные «массовые» походы в его палату людей, для которых он навсегда остался тем же Федором Селяниным. Уже не худощавый парнишка с обездоруживающей улыбкой, а грузный, сильно нездоровый, щемяще-мудрый, беспощадно-трезвый в оценке людей и дела — он все такой же бесконечно сострадательный и добрый в самом изначальном смысле слова.

Тратить сердце — вот стиль их жизни и работы. Никакая система не срабатывает сама по себе, если не согрета человеком.

Председатель Свердловского обкома профсоюза металлургов, несущий огромный груз забот на плечах, человек широких практических и научных интересов, высочайшей социальной культуры, Селянин так и остался нашим комсомольским песенником.

*Где костры глухомань зажигает,
Где белеют палаток ряды,
Не нужна нам дорога другая,
Если сердцем всегда молоды.*

*Не пугают нас ветры тугие
И бескрайность таежных болот.
Комсомольцев, друзья дорогие,
Даже старость — и та не согнет.*

*Что вы сделали? — Родина спросит.
Мы в ответ: «Города возвели!»
И вот так комсомольские взносы
В наше общее дело внесли.*

Спасибо тебе, комсомол, за крылатую твою силу. За непреходящую жажду полета.

В ЦЕХАХ ПРЕДПРИЯТИЙ, НА СТРОЙКАХ И ОТДАЛЕННЫХ БУРОВЫХ — ВЕЗДЕ, ГДЕ ТРЕБУЮТСЯ ЭНЕРГИЯ И ЭНТУЗИАЗМ МОЛОДЫХ, ВПЕРЕДИ КОМСОМОЛЬЦЫ.

отлично понимали: чтоб не одуреть от северного одиночества, где болтовней ребят не займешь, где всякое слово должно подкрепляться делом, ребятам нужны занятия, дух захватывающие!

Они заразили всех ребят — до страсти, до остроты — северным туризмом (напрягите воображение — это в полярной ночи при соответствующих морозах или летом при тундровом гнусе и болотном непролазе).

Из крайкомовской справки тех лет: «С марта 1959 г. по август 1962 г. на различных курсах комсомольского клуба подготовлено 2892 специалиста, из них: шоферов — 758, трактористов — 1189, мотоциклистов — 355, радиотов — 390.

Создана материально-техническая база: автомашин — 8, тракторов — 2, мотоциклов — 12, катеров — 2, яхта — 1, аквалангов — 5 и т. д.»

А еще — два барака, гараж, аэродром. «Впервые на Севере развиты такие виды спорта, как планерный, парашютный, массовый туризм, подводный спорт, мотоспорт.

Под прямым влиянием этой работы в 1959 году в комсомол вступило в два раза больше молодежи, чем в 1957 и 1958 гг., вместе взятых».

Видели бы их в те годы — искры от них сыпались. Биополе их жизни заряжало все и всех вокруг — азартом, жизнелюбием, бескрайней верой в то, что человек может все.

Они бы должны об этом написать

какие заботы у Сибири. Уже и Норильск и Красноярская ГЭС далеко отодвинуты Саяно-Шушенской ГЭС, астрономическими параметрами КАТЭКа, да и ими ли только. Но уроки тех первых живут — уроки пристального внимания к человеку: как живет? Что на душе? Как растет? Чего хочет от жизни? И еще уроки обостренного профессионализма: поколение Иваново (и сам Иванов) впервые осваивало свайный метод строительства на мерзлоте, а поколение Плисова (и сам Плисов — в эпицентре событий) вошло в историю комсомола еще и знаменитой «непрерывкой» — исследованием возможности непрерывной укладки бетона. Ни риск, ни угроза инженерному авторитету не отпугнули его и сто пятьдесят его единомышленников, инженеров и рабочих-комсомольцев от последовательного, самоотверженного и принципиального проведения эксперимента. А наш Свердловский железобетонный? Это же было начало технической революции в строительной индустрии! Хотя и о теперешних комсомольских — Старый Оскол, КАТЭК, Саяно-Шушенская — справедливо говорят: впервые, впервые, впервые. Речь не только о небывалых масштабах, но и обязательно о технических экспериментах, освоении нового.

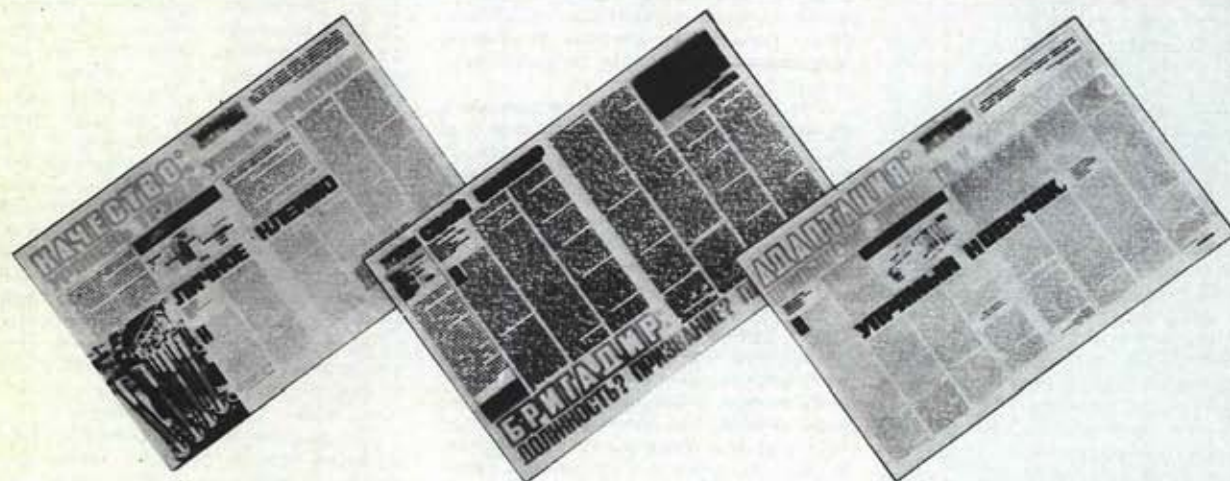
Наверное, это и есть счастье — иметь возможность видеть движение жизни через людей озаренных. Ведь они не сами по себе, не одиночки. Они квинтэссенция своего времени. За ними стоят

МОЛОДОДЕ

И ЭКО

**РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА КПСС-
В ЖИЗНЬ!**

ИНИЦИАТИВНОСТЬ, БЕРЕЖЛ

Нет темы более актуальной, более злободневной, чем та, о которой наш разговор.

Умение работать рачительно, по-хозяйски и умно вести дело должно стать целью каждого производственного коллектива, каждого труженика. Умение экономить — это показатель не только высокой компетентности в своем деле, но и гражданской ответственности, сознательности, нравственной зрелости. Если на производстве царят расхлябанность, беспечность, если уровень мастерства не соответствует уровню дела — разве можно вести речь о современном стиле труда?!

Рычаги экономики движут производством. Какие это рычаги? Соревнование и дисциплина. Качество и наставничество. Грамотное планирование, управление и справедливое распределение.

Пробурить в первом году пятилетки дополнительно 5 тысяч метров горных пород взяла

обязательство комсомольско-молодежная бригада делегата XVIII съезда ВЛКСМ В. Глебова из Нижнеартвовского управления буровых работ № 2. Добыть в 1981 г. 1 миллион 10 000 тонн угля решил молодежный коллектив горнорабочих очистного забоя шахты «Красный партизан» Ворошиловградской области, которым руководит делегат XXVI съезда партии В. Мурзенко. За счет чего? За счет выявления внутренних резервов, снижения простоев оборудования, строгого соблюдения технологии и дисциплины, бережного расходования материалов. Эффект экономного, по-настоящему государственного подхода к своему делу имеет множество примеров.

Давайте сообща подумаем, где мы еще теряем, где у нас еще не вскрытые резервы и как их нам использовать. Не просто бережливость, а подъем работы на новый, более высокий уровень во всех звеньях — вот где находятся резервы экономии.

Павлодарский алюминиевый завод разработал и успешно внедрил технологию получения высококачественного глинозема из низкосортного бокситового сырья. Первая продукция выдана 23 октября 1964 года.

Производство глинозема из такого сырья — дело крайне сложное и трудоемкое. Малорентабельное. Но и необходимое, потому что запасы бокситов в стране ограничены, а потребность в алюминии в наше время огромна. Многие иностранные специалисты, посетившие завод, не скрывали изумления:

по их представлениям, получать качественный глинозем из подобного сырья было фактически невозможно. А Павлодарский алюминиевый его все-таки получал, получает и наращивает мощности. Причем практически вся основная продукция выпускается сейчас с государственным Знаком качества, отвечает самым высоким международным стандартам. Растет не только выпуск глинозема. Завод постоянно повышает комплексность использования сырья — из низкосортных бокситов научились попутно извлекать редкие металлы и ряд других нужных народному хозяйству компонентов. В результате повысилась рентабельность производства. Предполагается ввести в строй установку для переработки отвальных шламов глиноземного производства в материал для заполнения шахтных выработок — он будет использоваться вместо бетона. Разрабатываются и другие планы предельно экономного использования поступающего на предприятие сырья, электроэнергии. Вот уже 19 кварталов подряд предприятие коммунистического труда Павлодарский ордена Трудового Красного Знамени алюминиевый завод имени 50-летия СССР становится победителем Всесоюзного социалистического соревнования.

СМЕНА

**Работа
как дело жизни**

Все богатства общества без исключения заключаются в его труде.

Из всех растрат, которые могут быть сделаны вами, самая значительная — это растрата труда.

Бережливость — самое большое богатство.

ЖИТЬ

ПОМОЩЬ

ИВЕСТЬ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

«Нужно еще настойчивее и последовательнее проводить в жизнь принципы социалистического хозяйствования, выполнять ленинский наказ — вести аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничать экономно, соблюдать строжайшую дисциплину в труде. Бережно расходовать сырье и материалы, сокращать отходы, устранять потери — значит экономить труд миллионов людей и капитальные вложения, увеличивать выпуск продукции, сохранять окружающую природную среду».

Из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении работы по экономии и рациональному использованию сырьевых, топливно-энергетических и других материальных ресурсов».

ЗАКОН ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

Анатолий КРАВЦОВ,
секретарь
партийного комитета
Павлодарского
алюминиевого завода

Недавно наш завод оказался перед очень непростым выбором. Ситуация сложилась следующая. Как выяснилось, Тургайское месторождение — наша рудная база — уже не может давать нам нужного количества руды. Нужно переходить на новое — Кустанайское месторождение. Как ни были низкосортны тургайские бокситы, они все-таки превосходили по содержанию окиси алюминия свои кустанайские аналоги. К тому же в кустанайских бокситах очень много примесей железа — самых неприятных для алюминщиков. Чтобы выработать из них глинозем должного качества, необходимо серьезно менять технологию производства. А для этого нужна его реконструкция.

ПАВЛОДАРСКИЙ ВАРИАНТ

У завода было два пути. Первый — значительно сократить производство и спокойно заниматься реконструкцией. Но тем самым мы поставили бы в очень сложное положение заводы, связанные на нашей продукции. А ведь они дают 20 процентов всего алюминия страны. Второй путь — незначительное сокращение производства на год-два, а потом возвращение на прежний уровень, но уже на новом сырье. Другими словами, реконструкция в условиях действующего производства. Путь, сулящий многие и многие нелегкие испытания.

Недаром против него выступили организации, разработавшие проект реконструкции. Даже им он казался слишком сложным. И все-таки завод избрал именно этот путь. Избрал потому, что уверен в силах коллектива, в его умении, творческой энергии, сплоченности, восприимчивости к новому. Потому что именно такой, а не иной выбор в традициях завода, среди которых одна из самых примечательных — хорошая, четкая организация и высокий накал социалистического соревнования. Оно определяло атмосфе-

ру строительства завода — Всесоюзной ударной комсомольской стройки. Оно позволило заводу стремительно набрать производственную мощь. Большую роль здесь сыграло то обстоятельство, что тон в работе молодого предприятия задали кадровые металлурги, приехавшие сюда с Урала, из Ленинграда, Запорожья, Днепрпетровска. Настоящие мастера своего дела, все в нем знающие, все умеющие, они азартно осваивали новое производство. Они чувствовали себя представителями рабочего класса Урала, Ленинграда, Украины, гордились этим. Уступать, отстаивать не хотел никто. Соревнование сразу заняло подобающее место в жизни завода. Организовать полноценное социалистическое соревнование можно только по определенному закону. Это своеобразная основа, общая для всех трудо-

РЕЙД ЗАКОНЧЕН. ОБНАРУЖЕНО НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ НЕРАЦИОНАЛЬНОГО РАСХОДА ЭНЕРГИИ. МЕЛОЧЬ? «ПРОЕКТОРИСТЫ» ВТОРОГО МОСКОВСКОГО ЧАСОВОГО ЗАВОДА ДУМАЮТ ИНАЧЕ. ПО ИЗВЕСТНОЙ ПОСЛОВИЦЕ: КОПЕЙКА РУБЛЬ БЕРЕЖЕТ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

вых коллективов. Я имею в виду гласность, массовость, конкретность обязательств, сравнимость результатов, материальное и моральное стимулирование и некоторые другие, в общем, хорошо известные моменты. Как раз именно они легли в основу действующего у нас на заводе стандарта предприятия «Комплексная система организации социалистического соревнования между

Наша обложка:
бойцы студенческих
строительных отрядов.
Фото
Виктора
САДЧИКОВА

Очерк
«Ветры беспокойной
молодости» читайте
на 1-й странице.

1 Клара СКОПИНА, лауреат премии Ленинского комсомола.
«ВЕТРЫ БЕСПОКОЙНОЙ МОЛОДОСТИ».

2 РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!
«МОЛОДЕЖЬ И ЭКОНОМИЯ:
ИНИЦИАТИВНОСТЬ, БЕРЕЖЛИВОСТЬ,
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ».

8 Рассказ Николая КАЛИНИНА
«СОВЕТ ДА ЛЮБОВЬ...».

10 НОВОЕ ИМЯ.
Стихи Абдулы СУЛЕЙМАНОВА.

11 ДАЛЕКИЕ БЛИЗКИЕ.
«БОЛЕВЫЕ МОМЕНТЫ» СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ».

12 «ЧУДЕСА БЕЗ ЧУДЕС».

15 Стихи Михаила БЕЛЯЕВА
и Валерия КУЗНЕЦОВА.

16 Михаил АЛЕКСЕЕВ, председатель колхоза.
«ЦЕНА ХЛЕБА».

18 «ОКТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ».
Обзор зарубежной печати.

20 Савва БРОДСКИЙ.
«ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ». Заметки книжного графика.

22 Андрей БАТАШЕВ.
«ИГРАЮ Я, ИГРАЮТ ВСЕ...»

24 Леонид ЖУХОВИЦКИЙ.
«КАК СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ». Статья вторая.

28 Братья ВАЙНЕРЫ. «КАРСКИЙ ПРОРЫВ».

32 КОНКУРС ЗРУДИТОВ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответствен-
ный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СА-
ЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный худож-
ник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник А. В. Крикунов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена», 1981 г.

цехами, отделами, участками, сменами, бригадами. Организация индивидуального соревнования». В стандарте предусмотрено практически все: место и задачи всех служб и организаций завода в развертывании соревнования, порядок подведения итогов (от квартального до ежедневного, а также за год и пятилетку), порядок награждения победителей и присвоения почетных званий, таких, как «Заслуженный работник ПАЗа» и «Ветеран труда завода», «Лучший рабочий по профессии», «Ударник коммунистического труда», меры поощрения ударников и коллективов коммунистического труда. Четко определены обязанности всех должностных лиц от директора до мастера и бригадира и руководителей всех общественных организаций.

Это, повторяю, основа, без которой соревнования на современном предприятии просто не может быть. Но одной ее мало. Нужно еще точно учитывать специфику производства, особенность сложившегося на предприятии коллектива, его сильные и слабые стороны, его подготовленность к конкретному почину; нужно знать требования дня завтрашнего и дня сегодняшнего, не путать их последовательность, исходить из этой последовательности. Наука соревнования не проста. Энтузиазм не единственная категория, которой она оперирует.

Но давайте перейдем от теории к практике. Рассмотрим вышеприведенные установки на конкретных примерах жизни завода.

Специфика Павлодарского алюминиевого. Мы поставляем полуфабрикат для предприятий, выпускающих металл, изделиям из которого предъявляются повышенные требования как у нас, так и на мировом рынке. Из этого следует: завод не может не выполнить план — потому что тогда он потянет за собой и другие предприятия-потребители. Завод не может выполнять план скачками и авралами — ритмичность поставок прежде всего. И — максимальное внимание качеству. Вот почему мы никогда не вели соревнование под лозунгом перевыполнения плана. Наш лозунг — работа строго по плану.

Качество. Еще в 1975 году завод не выпускал продукции с государственным Знаком качества. Сейчас практически вся идет с этим знаком. Как мы этого добились? Разработали и внедрили комплексную систему управления качеством продукции. Стали регулярно проводить «Дни качества на ПАЗе». Именно на качество была нацелена вся организация социалистического соревнования: ввели эффективную систему материального поощрения за выпуск качественных полуфабрикатов и готовой продукции, разработали систему оперативных совещаний, сосредоточенных на качестве. Качество стало ведущим критерием на заводе. Причем не только тогда, когда речь шла непосредственно о продукции. Но и когда дело касалось ремонта технологического оборудования, строительства, подготовительных работ. Ведь все взаимосвязано.

Так что не случайно руководство завода, партийная и комсомольская организации всячески поддержали почин бригады Александра Горохова из ремонтно-строительного цеха «Состоянию трудовой дисциплины и общественного порядка» — коллективную ответственность». Суть его заключалась в том, что бригада брала на себя ответственность за любое нарушение трудовой и производственной дисциплины. Если нарушение будет допущено, то бригада в полном составе отказывается от месячной премии из фонда заработной платы, а также от премий по внутрицеховому, общезаводскому и Всесоюзному соревнованию.

Какое отношение этот почин имеет к качеству? А из чего оно складывается, качество? Из точного соблюдения требований технологии, из ответственности за свою работу перед собой и другими. Разве не всему этому должен был научить людей почин бригады Горохова? К

тому же качество конечной продукции зависит от того, как сработают все звенья предприятия. А почин Горохова тем и привлек, что был обращен не только к лучшим — кстати, обычная судьба многих начинаний, — он вывел на новый уровень работы и отстающих и середняков. Он подтягивал большинство бригад, сплачивал их, рождая уверенность, что можно успешно взяться и за большое дело.

И тогда среди последователей бригады Горохова родились новые инициативы. Амангельды Туракбаев, прокатчик, предложил соревноваться под лозунгом «Каждому технологическому комплексу и агрегату — производительность выше проектной». А бригада спельщиков Николая Софьина выступила с инициативой «Производство отличного качества — с наименьшими электрозатратами».

Как видите, мы снова вернулись к качеству. Но уже с другой стороны. Научившись выпускать качественную продукцию, труженики завода стали думать о том, как делать это максимально экономно. Что это такое в условиях нашего чрезвычайно энергоемкого производства? Сопоставьте две цифры: 17 и 47 миллионов киловатт-часов электроэнергии. 17 миллионов сэкономил за пятилетку такой гигант индустрии, как Павлодарский тракторный, 47 миллионов сэкономил наш завод. И резервы здесь у нас еще есть.

Экономный, хозяйственный подход к делу все больше и больше выходит на первый план. Было время, когда из-за простоя вагонов мы ежегодно теряли на штрафах до 300 тысяч рублей в год. Сейчас, когда почин бригады Горохова широко распространился по заводу, эти потери времени из-за нарушений дисциплины сократились втрое.

Мы старались всячески содействовать тому, чтобы на заводе прижилась инициатива Героя Социалистического Труда Виталия Позднякова «Каждому рабочему — смежную профессию». Звучит как будто негромко, скромно, но когда овладение смежными специальностями стало одним из основных пунктов социалистического соревнования, выполнение которого особо привет-

Вот уже более десяти лет после окончания института я работаю в строительстве. Работать интересно, коллектив хороший. Все бы ничего, но вот все чаще и чаще всплывает в памяти гнетущим упреком эта история. Может, нужно было бы попытаться еще раз? Но ведь уступил чувству безнадёжности, уступил. Такое состояние должно быть знакомо врачу, который когда-то не сделал еще одной, последней попытки спасти больного жизнь. Не сделал потому, что посчитал дальнейшую борьбу бесполезной, не стал зря, как ему казалось, мучить больного.

Но расскажу по порядку.

Я работал мастером в студенческом строительном отряде. Не так уж много знает и может студент строительного вуза, перешедший на четвертый курс, но доверенная должность обязывала знать и уметь. Остальные в отряде со строительным делом были знакомы лишь по прошлой годней студенческой стройке или вообще новички в нем — студенты-водники.

Начали мы с нуля. Пока возводили фундаменты, дело шло неплохо. Да и мудрено ли установить в открытой траншее опалубку и перегрузить туда на носилках замешиваемый тут же у объекта небольшой бетономешалкой бетон? Все при деле. Все справляются. Результаты налицо: не по дням, а по часам растет серо-зеленая упругая лента фундамента. Настроение прекрасное!

Но вот фундаменты готовы. Что дальше? Кирпичная кладка. Тут дело похитрее. Как сделать, чтобы и горизонтально, и вертикально, и раствора вокруг кирпичика — ни мало ни много, и толщи-

ствовавалось, учитывалось и всячески поощрялось, результаты оказались впечатляющими.

За счет совмещения профессий и расширения зон обслуживания на заводе высвобождено 182 человека. Экономия заработной платы составила более 400 тысяч рублей. Мы смогли пустить новый цех редких металлов, не увеличивая штата работающих. Вдумайтесь — целый новый цех! А у тех, кто освоил смежные специальности, доплата к зарплате составила за это время в среднем 312 рублей. Мы теперь не ждем с опаской сезона летних отпусков, когда завод начинало лихорадить, когда оказывалась под угрозой ритмичность работы.

Как всякое живое дело, соревнование не терпит оков шаблона, формализма, монотонности. У него другая питательная среда. Ему нужна другая атмосфера. Оно движется не параграфами, пунктами и приказами, а людьми. Но не теми, кому его навязали, кого обязали соревноваться. А теми, для кого оно стало действительно своим делом, кто ясно понимает его цель и суть. Кто знает, что именно соревнование дает возможность раскрыть свои способности в споре с сильным соперником, помочь более слабому, взять ответственность за большое дело на себя. Наша задача — помочь каждому труженнику завода убедиться в этом.

НАЧИНАТЬ С НАЧАЛА

Валентина ЛАВРЕНОВА,
член комитета комсомола
Павлодарского алюминиевого завода

В прошлом году на заводе сложилась чрезвычайная обстановка. Осенью неожиданно сразу после дождей ударил мороз. И какой — за тридцать! Боксит, поступающий на завод в открытых вагонах, смерзся так, что его не брал и отбойный молоток. На заводских складах запасов сырья оставалось всего на несколько дней... Надо было спасать боксит. Специально созданные бригады без

выходных, днем и ночью, отогревали вагоны огромными паровыми грелками. Мороз, горячий пар, окутывавший все непроницаемым туманом, потоки размякшего боксита на вагонах, на земле, на людях... И так почти месяц. Но ритм работы завода не был нарушен. Вместе с ветеранами в борьбе против потерь ценного сырья в аварийных бригадах добровольно трудились вчерашние новички. А те, кто остался в цехах, работали за тех, кто ушел на бокситы. Это было тоже соревнование. Соревнование в том, кто больше на себя возьмет. Сочет необходимыми взяты в создавшемся положении.

Это было в общем-то необычное испытание. Но не менее серьезным испытанием на прочность, зрелость, сплоченность для многих наших коллективов стали самые обычные рабочие будни, которые начались у них после того, как они по примеру бригады Горохова подписали договоры о коллективной ответственности за трудовую и производственную дисциплину.

Комитет комсомола делал все от него зависящее, чтобы это начинание распространилось как можно шире. Но никакого давления на бригады и смены не оказывалось. Так было и остается до сих пор — договор считается действительным, пока его не подписал хотя бы единственный член бригады. Чем же так привлек нас этот почин? Тем, что в таких бригадах молодые рабочие сразу попадали в атмосферу взаимной заинтересованности, уважения к общему делу, ответственности друг перед другом. В бригаде, скрепленной таким договором, перед каждым открывается возможность стать мастером, заслужить уважение своими делами, отношением к работе. Мы на заводе уделяем огромное внимание наставничеству. Но тут наставничество поднялось на качественно новую ступень — оно действительно становилось коллективным.

И еще один из главных уроков молодым — они видели, что ответственное отношение к делу, хорошая работа приводят и к моральной и материальной отдаче. В большинстве тех бригад, что до подписания договора числились среди средних и отстающих, через определенное время выросла производительность труда, стали выполняться и пере-

выполняться производственные задания, а значит, увеличилось и премии.

Вот какие закономерности открывали для себя новички с первых дней работы.

А потом они узнают и то, что завод никогда не остается в долгу у тех, кто трудится действительно на совесть. Тщательно продуманная система моральных и материальных поощрений — среди которых, например, и предоставление вне очереди жилья неоднократно победителям социалистического соревнования — не оставляет тут места для сомнений.

Они также обязательно поймут, что призы работать экономно не просто звонкие слова. За ним — отношение к делу всего завода. И, например, громадные шлаковые поля, отходы производства, от которых на иных предприятиях не знают, как избавиться, у нас ждут своего часа. Завод обязательно вернется к ним — подготовка к этому упорно ведется, — чтобы выбрать из отходов ценности (редкие металлы, другие нужные народному хозяйству вещества), которые в них еще остаются.

Начало, первые шаги — от них зависит многое. Хорошо, если рядом люди, знающие им цену, знающие правильный путь. Товарищи по совместному делу, которые могут научить делать его хорошо. Недавно мы подводили итоги соревнования на звание «Лучший молодой рабочий». Среди победителей оказались ребята, совсем недавно пришедшие на завод из профтехучилища, — газозлектросварщик энергоцеха Сергей Буц, прокатщик цеха кальцинации Владимир Лебеденко. Только в прошлом году наши новички подали 45 рационализаторских предложений. Год на год, конечно, не приходится, но я бы не назвала эти факты случайностью или событиями из ряда вон. За ними работа всего коллектива завода по скорейшему вовлечению молодых рабочих в напряженную жизнь предприятия. Жизнь, которую нельзя по-настоящему почувствовать, понять, не окунувшись в творческую атмосферу соревнования.

Поэтому мы стараемся сразу увлечь идеей соревнования и тех ребят, которые еще только учатся в нашем ПТУ, приходят к нам на практику. И строим соревнование так, чтобы была возможность заметить и отметить каждый, да-

вал: «Поди сам покидай в него кирпичи полную смену, узнаешь, почему». Разговор с бригадиром, с мастером тоже ничего не дал.

И вот прошло уже несколько лет с тех пор. Много раз за это время я задавал себе вопрос — почему же не прижился на стройке шаблон? И чем острее я чувствую свою собственную вину — не проявил достаточной энергии, — тем более строго оцениваю и отношение всех, кто так или иначе затормаживал внедрение в жизнь вещи, полезность которой отчетливо сознавали.

Да, шаблон значительно больше позволяет уложить в кладку кирпичей по сравнению с обычными методами работы. Но ведь каждый кирпич все равно в руки взять нужно. Тяжело. Конечно же, администрация должна была бы найти способ повышению оплачивать работу на шаблоне. Но она не пошла на преодоление трудностей. Нужно было бы пересматривать расценки, нормы времени, увеличивать норму выработки, да и рабочие не больно-то жалуют приспособление. Значит, и с рабочими нужно идти на обострение. И осталось все по-старому.

А ведь немалый эффект можно было бы получить, внедрив в широкую практику это новшество. Вот так недостаточная принципиальность перерастает в убытки. Вернее, в упущенную выгоду для народного хозяйства.

Компромисс с собственной совестью не приводит ни к чему хорошему.

Владимир ИВАНОВ,
ведущий инженер
Главленинградстроя

СМЕНА

Работа
как дело
жизни

же не очень значительный успех начинающих рабочих. Доверяем им серьезные дела, поддерживаем и воспитываем вкус к самостоятельности. Жаль только, иногда работа с молодой сменой не доходит до логического результата: разница между требованиями медицинской комиссии при поступлении в училище и комиссии при приеме на работу оказывается столь значительной, что некоторых ребят не принимают на завод.

По собственному опыту я знаю: человек, активно участвующий в соревновании, — это человек, уже прочно прижившийся на заводе, уже неравнодушный к его заботам и проблемам. Это работник, на которого предприятие может во всем положиться.

ШКОЛА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Тамара ЗАВАЛИНА,
аппаратчица, член
комсомольского бюро
гидрометаллургического цеха

У нас в цеху есть правило: приходят на работу новички — их стараются не ставить рядом. Даже если они друзья — водой не разольешь, учились вместе, живут рядом. И неправильно, скажут мне; рядом друг с другом им наверняка было бы легче, чувствовали бы себя не так одиноко в цехе, к которому еще не привыкли. Когда-то и мне так казалось, а теперь я знаю: правильно делают, что на какое-то время разводят ребят, ставят их между мастерами, умно.

Давайте разбираться. Особенности нашего завода вам уже известны. Самое первое требование — ответственность, личная дисциплина. Нет их, какая может быть речь о ритмичности, качестве, экономии? Что-то случилось на одном узле, ломается нормальный ход работы всего участка, всей смены. Конечно, тебе обязательно помогут — смена в беде не бросает, — только показатели дня уже у всего участка станут хуже.

Никакого секрета нет в том, что у большинства молодых чувство ответственности развито еще недостаточно. Хотя есть и ребята, кому его прививать в принципе и не требуется — видимо, так их воспитали родители или жизнь так сложилась. Но их даже не меньшая часть. А другие могут даже не то что не успеть, не суметь сработать как надо, могут заболтаться друг с другом и просто забыть о технологическом процессе. Или вспомнить о поручении мастера, когда время уже безнадежно упущено. Я не собираюсь паниковать по этому поводу. Дело это вообще-то естественное: переход от школьника, вчерашнего волшебной палочки. Ответственность, дисциплину нужно воспитывать. А сделать это проще, когда вокруг новичка люди, в которых эти качества, так сказать, въелись намертво.

А без этих качеств какое может быть соревнование? Соревнование — вещь серьезная, жесткая. Чтобы добиваться в ней успехов, нужен настрой, причем не односменный, а долговременный. Нужно в каких-то вещах ограничить себя, если хотите, зажать. Это — для взрослых людей. Не годами — отношением к делу. Не слишком веселая получается картина? Совсем наоборот. Если пристроиться к рабочим нашего цеха, нетрудно заметить, что радость от работы получают как раз те, кто умеет полностью отдать себя делу. У кого нет времени и желания отвлекаться во время работы на постороннее. Какое это

УБЫТОЧНЫЕ КОМПРОМИССЫ

ну стены выдержать, и «перевязку швов» обеспечить? Большой навык нужен, не говоря уже о специальной подготовке. А дело ответственное, ведь на стены перекрытия укладывать. Замерла практически работа. Подсобников хоть отбавляй, а каменщиков ни одного. Как тут не задуматься студенту — строителю — мастеру! Задумался. Разные мысли были. И вдруг — идея! А что, если приспособление вроде опалубки? Переставное! Две «щеки», скрепленные между собой на расстоянии друг от друга, равном толщине стены, скребок, который, проходя вдоль «щек», оставит на уже уложенном ряду кирпича ровную «постель» из строительного раствора, отвес. Все.

Быстро собрали образец из досок, испытали в работе. Здорово! Понравилось всем. Приезжали из штаба областного строительного отряда. Смотрели, засакали время. Выигрыш — в несколько раз против нормы! Проверили качество — не придерешься. Изготовили несколько штук приспособлений, работа закипела. А в результате наш строительный отряд по объему и качеству кирпичной кладки занял твердое первое место среди студенческих строительных отрядов области. Это при полном отсутствии специалистов-каменщиков! Все предвещало широкую дорогу приспособлению.

Но отзвенело лето, простился с гостеприимными заказчиками студенческий отряд. И все. Подождать я немножко. Тишина. Посоветовался с преподавателем кафедры строительного производства. «Толкать, молодой человек, надо, пошевеливать. Сами только сорняки в огороде растут!» Как толкать? Кого? Куда? Так незаметно потух костер.

Во второй раз я попытался внедрить в производство шаблон для кирпичной кладки через несколько лет, когда по распределению попал на строительную площадку и столкнулся с проблемой нехватки специалистов-каменщиков. Во второй раз вспыхнул костер! Приспособлением заинтересовались. Разработали чертежи и изготовили пробную партию легких раздвижных усовершенствованных приспособлений. Испытания показали очень хорошие результаты. Кроме всех ранее отмеченных достоинств, обнаружилось, что рядом с возводимой стеной не растет вал потерянного раствора. Нет потерь!

Ну, уж теперь, думаю, пошел в дело шаблон!

Но вот прошло две, три недели, и я узнал, что на шаблоне уже никто не работает. Как? Почему? Прибежал на объект. Где шаблон? Нет шаблона. Почему же не используете? Мнутя рабочие, молчат. Наконец один из них ска-

было удовольствие работать рядом с комсомольско-молодежной сменой Анатолия Буртового! Сменой, которая была постоянным лидером соревнования, навечно завоевала переходящее Красное знамя ветеранов труда. А как интересно выходить в одну смену с лауреатом премии Ленинского комсомола Вадимом Альжановым! Ребята не жалеют себя в работе, но и их никому в голову не придет жалеть, хотя сил они кладут много. Потому что видно, какое удовольствие получают они от своей напряженной и нелегкой работы.

Между прочим, смена Буртового сложилась из ребят, которые примерно в одно время окончили наше ПТУ, все вместе живут в нашем общежитии. Значит, нарушили здесь наше хваленое правило и вон какие результаты это дало? Нет, не значит. Начинали ребята в разных сменах и сошлись в одну, когда уже прошли хорошую школу ответственности, когда были уже настоящими алюминщиками. А недавно из-за изменения технологического процесса в один участок объединили бывшие пятый и третий участки. Возглавил объединенную смену новый мастер Сенокосов. Основу ее составили ребята из смены Буртового. По результатам работы в первом же своем квартале (первом — в новом составе) смена сразу заняла высокое второе место, хотя еще и не притерлись друг к другу достаточно, и новая технология еще не отработана в полной мере. Зато рационализаторы смены, у которых есть свой лидер Чеблаков, успели уже подать шесть рационализаторских предложений и внедрили пять из них. Экономический эффект составил почти полторы тысячи рублей.

Убеждена: самое главное для успеха любого дела (соревнования в частности) — люди. Люди, которые и сами на многое способны и своим примером могут вести за собой других. Пытаться стронуть с места большое дело без таких зачинателей, если хотите, заводил — попытки без шансов на настоящей успех.

Когда в нашем цехе решался вопрос, поддержать или не поддержать почин бригады Горохова, сомневающихся, колеблющихся было вполне достаточно. Были и такие, что просто отмалчивались, делали вид или искренне считали, что к ним всякие такие починки не имеют отношения. Но когда самые уважаемые рабочие, обычно берущие на себя больше других, решили, что почин стоящий, — за ними потянулись и остальные.

Да, соревнования нет без лидеров, которые тянут за собой других, но откуда они берутся, лидеры? Не с неба же спускаются в цехи! Лидеры воспитываются в ходе самого соревнования из тех, кто приходит на завод. И чем больше людей мы вовлечем в соревнование, тем больше будет у нас тех, кого у летчиков принято называть ведущими.

А значит, и больше крепких коллективов: ведь коллективы-то и складываются вокруг таких людей. Коллективы, где чувство ответственности объединяет всех в одно. Которым по плечу любые испытания.

У нас, например, в сменах не принято уходить с работы, если что-то произошло. Не уследил один, перелился раствор — убирать участок остается вся смена. А бывало, что приходилось и по полторы смены работать, когда какой-то период мучили неполадки на подстанции. Подача электричества прерывалась на несколько минут всего-то, но у нас это остановка перемешивающего устройства, раствор тут же осаждается. Приходится брать в руки лопаты и мешать его уже вручную. Ломается график. Значит, надо оставаться и вместе со сменщиками навестывать упущенное, пусть и не по нашей вине. Никто нас не заставлял это делать. Никто нам не приказывал. Сами знали, что так нужно. Как знаем, что точно так же поступят в случае необходимости и наши сменщики. Наши друзья и соперники по социалистическому соревнованию.

Валентин Павлович СТРЕЛЬНИКОВ,
генеральный директор
производственного
объединения
«Коломенский завод»,
делегат XXVI съезда КПСС,
депутат
Верховного Совета РСФСР

Василий ПАНФЕРОВ,
бригадир
комсомольско-молодежной
бригады,
делегат XVIII съезда ВЛКСМ,
депутат
Коломенского горсовета

ЧТОБЫ НЕ СРАВНИВАТЬ С ПАРОВОЗОМ

В. СТРЕЛЬНИКОВ. Больше ста лет назад с Коломенского завода вышел первый отечественный паровоз...

В. ПАНФЕРОВ. Сейчас паровоз представляется почти музейной редкостью.

В. СТРЕЛЬНИКОВ. Я по другому поводу вспомнил этот факт. Какова характерная особенность паровоза? Очень низкий коэффициент полезного действия — пример, известный из начального курса физики. Большая часть энергии уходит, как говорится, в трубу. Разумеется, по мощности, экономичности тепловозы, что мы сейчас выпускаем, даже сравнивать с паровозом трудно. И речь не о том. Такое понятие, как коэффициент полезного действия, наверное, можно применить не только к машине.

В. ПАНФЕРОВ. Но и к человеку?

В. СТРЕЛЬНИКОВ. К станочнику, бригаде, цеху, к любому производственному коллективу. Чтобы построить тепловоз, мы затрачиваем огромное количество труда, сырья, материалов, времени. Главное сегодня — сделать так, чтобы все наши усилия были направлены именно на строительство машины, а не «вылетали в трубу», как энергия у паровоза. То есть речь о том, насколько экономично, с наибольшей отдачей мы используем рабочее время и труд человека, энергию и металл — словом, все ресурсы. Не расходуется ли часть их впустую? Вы знаете, как остро были поставлены на съезде партии вопросы экономики. Недавно об усилении режима экономии принято постановление партии и правительства. Экономия — очень емкий показатель. Она-то и определяет, каков коэффициент полезного действия нашей работы. Мы выпускаем самую современную технику, но нам важно и то, какой ценой эта техника дается.

Планы десятой пятилетки объединение выполнило по всем показателям, в том числе и по экономии. Но новая пятилетка на многое заставляет взглянуть по-иному. То, что нас устраивало вчера, уже не удовлетворяет сегодня.

В. ПАНФЕРОВ. На лицезом счету нашей бригады две тысячи сэкономленных за год рублей. Как эта сумма сложилась? Путем совмещения профессий высвободили одного слесаря, дали сверхплановую продукцию...

В. СТРЕЛЬНИКОВ. Кстати, вашу бригаду можно поздравить: она признана лучшей в министерстве.

В. ПАНФЕРОВ. Спасибо. Но победа в соревновании по отрасли не очень радует, если в цехе, на заводе создается трудное положение. Наша бригада сдает свою продукцию с первого предъявления, без брака, а рядом, в цехе, стоят блоки дизелей, возвращенные на переделку. Значит, кто-то сработал в убыток заводу. Может, как раз наши две тысячи и растратил... Это я к тому, что одна или несколько сильных бригад погоды не делают. В современной машине заложен труд тысяч людей, и стоит одному допустить промах, как общее дело пойдет на смарку, все окажутся в проигрыше. Те же переделки — ненужная, лишняя работа... Когда подводили итоги нашего соревнования с объединением «Ворошиловградтепловоз», то оказалось, что хотя по итогам десятой пятилетки мы победили, но в начале одиннадцатой отдали переходящий приз смежникам.

В. СТРЕЛЬНИКОВ. С ворошиловградцами мы соревнуемся тридцать три года, и всегда соревнование шло напряженно, с переменным успехом — соперники у нас сильные. Но я согласен с вами — повод для размышлений есть, и серьезный. Тем более, что в новой пятилетке в наш совместный договор с партнерами внесен как один из основных пункт об экономии. Зависит она практически от всего: от качества работы и ее организации, ритма, производительности труда... Всем нам — от рабочего до директора — надо посмотреть, где и в чем мы еще теряем.

В. ПАНФЕРОВ. Я на своем рабочем месте потери чувствую очень осязательно — металл непосредственно че-

рез мои руки идет, через руки моих товарищей. Один токарь как-то сказал: «Завод взял обязательство сэкономить восемнадцать тонн цветного металла, а я уже тонну в стружку пережал». Он не виноват. Просто заготовки получает размером вдвое больше нужного, да и то не всегда вовремя. Что в результате? Потери металла — раз, но это только видимая сторона. Потери времени — на обработку детали его требуется больше — два. Потери режущего инструмента — быстрее изнашивается — три. А в целом потеря производительности труда. У каждой бригады в лицезом счете есть обязательства по экономии. Но при такой системе расхода металла кто-то может и подумать: «А что мне, больше всех надо?»

В. СТРЕЛЬНИКОВ. А вы у себя на участке искали способы борьбы с потерями?

В. ПАНФЕРОВ. Искали. Предложили не растачивать втулки, а выдавливать на прессе. Получается практически без отходов. Но то, что экономим на втулках, сами же «съедаем» на других деталях.

В. СТРЕЛЬНИКОВ. Вы затронули очень серьезный и большой вопрос нашей производственной жизни. Думаю, он касается не только нашего, но и большинства машиностроительных предприятий. Мы вынуждены давать вам, другим бригадам неподходящие заготовки — то, что получаем с металлургического завода. Много уже говорилось о том, что металлурги не обеспечивают промышленность прокатом экономичного профиля. Мы вправе рассчитывать, что в новой пятилетке поставившей на первое место задачу экономии, произойдут перемены к лучшему. Завод начинает развивать связи с тульским институтом экспериментальной металлургии, хотим добиться, чтобы ученые работали на конкретные производственные нужды, разрабатывали прогрессивную, экономную технологию металлургического процесса. Но и пассивно ждать помощи

со стороны мы не можем. Вот вы сейчас сами рассказали только об одном способе экономии, найденном самой бригадой. Есть вещи, которые человеку у станка видней, чем кому бы то ни было: мастеру, начальнику цеха, директору. Собственно, в том и смысл соревнования рабочих, бригад, чтобы каждый на своем месте проявлял максимум инициативы. Из ваших предложений складывается большая экономический эффект — это миллионы рублей ежегодно.

В. ПАНФЕРОВ. Верно, но не все зависит от рабочего. Надо, чтобы его инициатива быстро находила поддержку, распространялась, тогда эффект будет куда большим. Однажды я изменил технологию изготовления детали: смог одновременно обрабатывать две поверхности. Экономил время, режущий инструмент. Показал технологию обработкой другим токарям, кого знаю, — они тоже так стали работать. Но это всего несколько человек, а большинство о новой технологии не знают, потому что распределение полгода лежит в БРИЗе — значит, широкой информации нет. А разве так уж редко хороший опыт пропадает даром? Пользуются им несколько человек, а сотни остаются на уровне вчерашнего дня.

В. СТРЕЛЬНИКОВ. К сожалению, бывает и так, как вы говорите. Пусть это и не массовое явление, но каждый подобный случай должен рассматриваться как чрезвычайное происшествие. Судьбу вашего предложения я обязательно проверю. Дело в том, что в дальнейшем мы не сможем позволить себе роскошь — снижать эффективность труда даже из-за мелочей. С каждым годом заводу будет все сложнее выполнять планы и обязательства. Ведь к концу пятилетки мы должны более чем в полтора раза увеличить объем выпуска продукции. Как за счет чего? Путь один — повышение производительности труда. Широко известна инициатива московских предприятий по внедрению достижений науки и техники. Мы на собственном опыте знаем, какие поразительные результаты может дать деловое сотрудничество науки и производства. На заводе установлен созданный в институте имени Патона контактно-сварочный комплекс. Он **повысил производительность труда в семьдесят раз! И качество сварки стопроцентное.** Это лишь один из множества примеров, какую громадную экономию дает новая техника. Но технические новинки должны подкрепляться и новой организацией труда, тоже наиболее экономичной. Такая форма найдена — комплексные бригады. Бригада — это культура работы, эксплуатации оборудования, коллективная ответственность, взаимозаменяемость, экономия трудовых ресурсов... Поскольку рассчитывать на большой приток новых рабочих нельзя, то ставим задачу выполнять планы меньшим числом. В бригаде и это осуществимо.

В. ПАНФЕРОВ. Я уже говорил, что когда организовалась наша бригада, мы сразу решили высвободить одного рабочего, а прежние задания выполнять меньшим числом. И сделали это.

В. СТРЕЛЬНИКОВ. Представьте, если вашему примеру последуют другие бригады — а на заводе их сотни, — сколько мы сможем сэкономить человеческого труда...

В. ПАНФЕРОВ. Но тут приходится говорить о такой стороне дела, как материальная заинтересованность. В первый год после высвобождения рабочего средняя зарплата в бригаде, естественно, возросла. А во второй, хотя мы еще на восемнадцать процентов подняли производительность труда, осталась на прежнем уровне. Мы не рвачи, но разве это справедливо?

В. СТРЕЛЬНИКОВ. Если с вами так поступили — значит, зажали инициативу других бригад. Видно, на практике могут возникать неожиданные сложности. С оплатой мы будем вносить коррективы. Хорошо, что вы обратили на это внимание.

В. ПАНФЕРОВ. У некоторых мастеров и других инженерно-технических работников в личных планах записано, что за год они должны высвободить по одному рабочему. Но кое-кто из мастеров считает, что высвобождать рабочих им невыгодно. Чем больше штат участка, тем мастеру спокойней: есть резерв на разные непредвиденные случаи. Я вот думаю: а если попробовать приблизить инженеров и техников к бригаде? У нас на участке пять бригад. Объединить их в бригаду-участок, включить в него мастера. Мысль такая — чтобы ИТР не на окладе сидели, а получали вознаграждение в зависимости от экономической эффективности работы бригад. Так же, как мы, — по коэффициенту трудового или творческого участия.

В. СТРЕЛЬНИКОВ. Надо подумать над этим предложением. Правда, существует мнение, что большая бригада трудноуправляема, что в ней легче затеряться лодырям. Тем не менее надо посмотреть, где ваше предложение можно осуществить.

В. ПАНФЕРОВ. Я так понимаю, что инициатива бригады прежде всего отражается в ее обязательствах. В них она записывает то, чего планирует достичь, какую дать экономию. Так должно быть, так оно вроде и есть. Каждая бригада защищает обязательства перед общественной комиссией цеха, каждая должна тщательно обосновать свои обязательства по всем пунктам. И мы проходим такую защиту. А я-то знаю, что наша бригада работает где-то на девяносто процентов своих потенциальных возможностей. Коэффициент полезного действия не то чтобы как у паровоза, но все же... Как мы разрабатываем обязательства? Берем за основу сделанное в прошлом году и немного добавляем. Словом, «от достигнутого». А достигнутое — далеко не предел. Почему мы не можем брать по-настоящему напряженные обязательства? Страхуемся. Мы не уверены, что инженерно-техническая служба полностью обеспечит выполнение таких обязательств. Ведь надо будет четко, ритмично обеспечивать занятость бригады, совершенствовать технологию, исключить простои: иначе мы не сможем работать в полную силу.

В. СТРЕЛЬНИКОВ. На заводе есть опыт такой четкой, организованной работы. Я имею в виду цех М-4. Сейчас он у нас в числе лучших по всем показателям, а раньше отставал, сдерживал все другие цеха. И ничего не помогало, пока не разработали систему ежесменного анализа выполнения заданий. В центре системы — сменный мастер и закрепленные за ним рабочие. Установлен ежедневный учет работы участков по выполнению плана в нормо-часах, в номенклатуре. Мастер отвечает за выработку каждого рабочего, бригад, несет полную ответственность за выполнение сменного задания. А это задание — основа ритма. В цехе постоянно следят за показателем ритмичности — сколько процентов месячного плана должен сделать участок в каждой декаде. Наверное, не надо объяснять, сколько убытков приносит авралы, штурмовщина. Без нормального ритма работы трудно говорить об экономии. Правда, такого контроля, такого учета труда во многих других цехах пока нет. Но обязательно будет: мы уже начали обучение всех мастеров завода новой системе.

В. ПАНФЕРОВ. Я интересовался опытом этого цеха. Система, мне думается, особенно хороша для молодого рабочего. Бывает так — выясняется, что новичок не выполнил задания. Но узнает он об этом только в конце месяца, когда поздно что-то исправлять. А почему раньше не разобрались? В цехе М-4 такого не бывает. Мастер смотрит: вот в этой декаде у парня меньше нормочасов, чем в прошлой. Начинает разбираться, ищет причины, помогает. Поэтому нет страха перед нормой.

В. СТРЕЛЬНИКОВ. Многие наши потери, о которых мы сегодня говорим,

оттого происходят, что завод долгие годы развивался некомплексно, решались лишь локальные вопросы. Сейчас разворачивается реконструкция, она затронет практически все цеха. Вы, вероятно, видели, как обновляется металлургическое производство. Когда строительство здесь завершится — поправится положение с заготовками и в вашей и в других бригадах. Это даст немалую экономию металла.

В. ПАНФЕРОВ. С реконструкцией связано много надежд. Каждый понимает: чем скорее удастся завершить ее, тем скорее решим наши проблемы. Заводской комсомол шефствует над реконструкцией, организовал комсомольский стройотряд, в нем попеременно работает молодежь всех цехов.

В. СТРЕЛЬНИКОВ. Однако практическая отдача пока недостаточна. Отчего так? Строительные организации очень неохотно идут на реконструкцию действующего производства, и нам пришлось создать собственный трест. Иначе мы не сделали бы вообще ничего. Но коллектив еще молод, неопытен, переживает болезни роста. Какой видится реальная помощь комсомола нашей общезаводской стройке? Организация стройотряда — это хорошее начало. Важно еще сколотить у строителей крепкий комсомольский актив, ядро толковых бригадиров, активной вмешиваться в процесс организации труда.

...Вообще-то проблеме экономии надо рассматривать несколько шире, чем экономию сырья, материалов — то есть материальных ценностей. Самая большая ценность — это человек... Значит, нужно экономить не только металл, но и такие нематериальные вещи, как свободное время работника, его нервы, наконец, здоровье. Ну, допустим, установили в цехе новую автоматическую линию... А рабочему негде переодеться, принять душ, вентиляция в цехе не работает, очередь в столовую за час занимать надо; приходится отпрашиваться с работы, так как ребенка дома не с кем оставить... Будет ли полноценным эффект от нового оборудования, если голова у человека совсем другими заботами занята? Поэтому, планируя реконструкцию, мы поставили условие — обязательно начать со строительства жилья, детских садов, общежитий, бытовых помещений и так далее. Чтобы рабочий мог за пятнадцать минут пообедать, принять душ после работы. Чтобы он не терял лишнее время на поездки по городу, на стояние в очередях — для этого рядом с заводом, кроме действующих магазинов, стола заказов, аптеки, строятся и новые торговые учреждения. И хотя нам пока выделили средств меньше запланированного, доля, отпущенная на социально-бытовые объекты, не уменьшилась.

В. ПАНФЕРОВ. Вы напомнили об условиях труда... Благодаря заводским инженерам и рабочим неизменно изменились условия, в которых работают машинисты. Ну разве можно представить, чтобы машинист паровоза мог отправиться в рейс в галстук и светлой рубашке, как сейчас, на тепловозе? Да и ремонтникам не приходится возиться в немыслимой саже и копоти. И потому особенно обидно, когда сталкиваешься с неуважением к новой технике, к нашему труду... У нас в бригаде каждый знает: чтобы станок долго и надежно работал, его надо постоянно протирать, смазывать, иначе быстро в металлолом загоним.

В. СТРЕЛЬНИКОВ. Давняя поговорка: «Станок любит ласку, чистоту и смазку».

В. ПАНФЕРОВ. И тепловоз тоже любит. Он-то подороже станка. Сейчас на новые, более мощные и экономичные дизели переходим. Казалось бы, они особой заботы, бережного отношения заслуживают. Но случается, что одни делают, а другие портят. Знакомые ре-

бятя бывали в командировках в железнодорожном депо Тюмени, рассказывали, что там иногда происходит. Профилактические осмотры делают не вовремя, некачественно — и дизель раньше времени выходит из строя. На завод как-то пришел тепловоз для ремонта. Рабочие заглянули в дизельный отсек, а там грязь, мусор. Впечатление, что дизель даже ни разу не протерли. Соединения не подтягивали, масло из них текло — в таких условиях и до пожара недалеко. Наши слесари говорили, что дизели на тепловозе «отрегулированы» так, что один работает с перегрузкой, второй недогружен. Эксплуатируют не по-хозяйски, а мы получаем рекламации и несем убытки...

В. СТРЕЛЬНИКОВ. Да, по нашему мнению, железная дорога оказалась не вполне готовой к работе с новым дизелем. Но, согласитесь, мы не можем всю вину перекладывать на смежников. Есть еще и конструктивные недоработки, необходима модернизация дизеля. Этим занимается все технические службы завода. Но сейчас хотел бы сказать о другом: об интересной инициативе заводского комсомола. Я постоянно имею информацию, как выполняется четырехсторонний договор о соревновании, который заключили комсомольцы завода, тюменского депо, научно-исследовательского тепловозного института и лаборатории Госназдора. Этот договор ценен тем, что объединяет усилия всех, кто так или иначе связан с качеством, эффективностью нашей работы. Например, молодежь лаборатории помогла создать метрологические посты качества — они следят за соблюдением стандартов на многих участках, где качество дизеля зависит прежде всего от точности исполнителя, добиваются, чтобы не стало разных переделок — лишней работы.

В. ПАНФЕРОВ. И все же, если тепловоз попадет в недобросовестные руки, то и наши меры результата не дадут.

В. СТРЕЛЬНИКОВ. Эта проблема уже обсуждалась на самых высоких уровнях. Как правило, наши замечания принимаются во внимание. К сожалению, положение не везде исправляют быстро. Но нам обязались помогать в рамках заключенного договора комсомольцы-железнодорожники — они уже начали контролировать, как эксплуатируются дизели и тепловозы, как хранятся и насколько экономно расходуются запчасти. Наша молодежь, в свою очередь, взяла под контроль технологию сборки дизелей, отправку готовой продукции — здесь тоже бывали потери. Комсомольцы объявили шефство над специально созданным участком восстановительного ремонта. И, наконец, связь с институтом. Мы заключаем с ним договоры по доводке отдельных частей дизеля, а комитет комсомола следит, чтобы научные разработки велись оперативно, экономилось дорогое время.

Каждый квартал выполнение четырехстороннего договора проверяется всеми четырьмя участниками. Хотелось бы, чтобы эта инициатива развивалась: ведь пока сделаны только первые шаги. Практические результаты, коэффициент полезного действия такой формы работы комсомола могли бы быть весомей — в этом направлении много предстоит думать, искать. Но одно несомненно: договор о сотрудничестве комсомольских организаций предприятий, научно-исследовательского института и Госназдора — новый, важный этап в развитии соревнования молодежи за экономию и бережливость, за хозяйское отношение к делу.

Итак, ваше мнение, дорогие читатели!

СОВЕТ ДАМОБОВЬ...

Николай КАЛИНИН

РАССКАЗ

В поговорках — временем проверенная людская мудрость, а не до каждого доходит весь смысл привычных словосочетаний. Совсем немного могут сказать подростку или вдовому человеку, например, такие слова: «Малые дети — малые заботы, большие дети — целая беда». Двадцать лет не вдумывался в их смысл и отец двоих детей Иван Плашкин, привычно тратя свои душевные силы лишь на малые заботы. А теперь понял все. Понял, когда младший, Юрка, заежил жениться.

Старший женился на стороне — Плашкиным ни переживаний, ни хлопот, ни траты на свадьбу. Молодые окончили институт и приехали показаться родителям. Пара подходящая, равная по образованию — что тут плохого скажешь. Иван хоть и знал цену своим детям, а и то втайне позавидовал сыну: женушка обходительная, видная лицом. Со стороны любо посмотреть.

Все рядом шло и у Юрки: техническое училище, техникум, армия. Пока отдыхал дома после службы, все собирался в город, на свою стройку. Подошло время отъезда, а он что-то приумолк. Потом стал говорить про Сибирь и якутские алмазы, про свои ходовые специальности: дескать, если уж ехать, так туда, где приличные деньги можно заработать. Но отъезд все откладывал. Понял Иван, куда ниточка тянется: с Танькой Кузякиной малый стал возжаться. А у нее еще сквозняка в голове, на три года моложе Юрки, и образования кот наплакал. Восемь классов кое-как одолела — и подалась в доярки. Слышал Иван, «чувырлой» звали ее ребята. Что это означает, не допытывался, но слово какое-то неприятное. Видно, за дурной характер так окрестили.

Не стерпел Иван, поинтересовался:

— Что, Юра, нас с Геркой Кузякиным породнить хочешь?

Юрка отшутился:

— Да вы и без меня родней родных, куда уж больше.

И давай присказывать: дескать, вот какой народ, ни с кем из женского пола поговорить нельзя, сразу тебе этикетку жениха приклеят.

Иван с Герой и вправду как родные. Праздник ли, гулянка какая — всегда вместе. А уж по делу если, подавно все одни руки у них. Огороды садят да убирают по очереди, что-нибудь на машину нагрести — тоже сообща. Но уверен был Иван, что Кузякин не умеет жить по-хозяйски. Хоть и тудяга и на все руки спец, а нет у него хозяйской жилки, нет бережливости, живет одним днем. Пройди теперь по деревне, почти у каждого сберкнижка, а у Герки никогда в запасе нет лишней сотни. Поедет куда, обязательно с покупками вернется. А с женой, Машкой, вроде бы и характерами сошлись, а мирно жить не умеют. Привез ей раз сапожки, она и давай нудить: такие деньги ухлопал, а сапоги не очень-то, жмут, и «молния» туга. Дошло до того, что Герка схватил эти сапожки — и в коридор. Топором по носкам тянул, говорит: теперь носи, мозолей не будет.

Единственное, за что уважал Иван Герку, — за его безотказный характер. Потому и дружили. Но удивлялся Иван, как это Кузякины живут двадцать лет, а все не разберутся, кто хозяин в доме. Он свое гнет, она свое. Дети все это берут в голову — яблочко-то далеко не укатывается. Да и вообще не нравилась Ивану вся «породь» Кузякиных. Отец Герки был скандалист, а дед, говорят, и того чище, первый в округе конокрад.

Иван поговорил со своей Клавдией: какой настрой давать сыну? Она, конечно, пожалела, что так дело оборачивается, но не посоветовала что-либо предпринимать. Зачем спешить, может, Юрка еще одумается. А может, ничего особого меж ними и нет. Так по крайней мере хотела она думать, хотя сама не раз замечала переживания сына, если Кузякин скандалил дома. Выйдет Юрка в палисадник, устроится под окнами и сидит, сидит, пока шум не утихнет.

— Видно, околдовала, тут теперь по-своему не повернешь, — однажды высказала Клавдия мужу.

— Бросьте вы свои бабы предрассудки, надо головой думать, а не пятками, — вспылил Иван.

— Предрассудок не предрассудок, а так, Ваня, нельзя. Пусть сами... как знают.

Иван стал ходить по комнате и вдруг остановился, заговорил решительно и безудержно:

— Даю тебе гарантию, Юрке с ней житья не будет. Он смирный, а она язвина такая. Да и уровень сознания... Хитрое ли дело — коров доить. Это можно и без образования. Мало ли невест кругом. Вон, езжай на все четыре стороны, бери любую, какая первой глянет... Что, Танюха ему богом наречена? Или на ней свет клином сошелся? Одно слово: чувырла...

Плашкин был уверен, что отстоит сына. И все-таки исподволь его тяготили недоброе предчувствия. Сам Юрка по-прежнему отшучивался, а Ивану хотелось думать, что все разговоры о женитьбе преждевременны.

Происнилось все в один день. Пришел Кузякин к Ивану заколоть поросенка. Пока опалили да распотрошили, Клавдия сходила в магазин, приготовила печенку. За столом разговорились, Герка и высказал:

— Дак что, Иван, будем теперь своими?

— Как своими? — У Ивана кольнулось под сердцем, но вида не подал.

— Ну как? Свьятнями.

— А, ты про Таньку с Юркой. Несерьезно это. Во-первых, года у них разные, а потом — я что-то не замечаю, чтобы на женитьбу был какой намек.

— Не знаю, Вань, может, ты замечать не хочешь? Моя, к примеру, про свадьбу намеки делала.

— Убей не знаю.

— Ты что, серьезно?

— Ничего не пойму, он же все собирался на Север.

— На какой Север? — насторожился Гера и даже перестал жевать.

— На обыкновенный. А, в общем, я и сам толком не знаю, у них разве добьешься.

Гера отстранил от себя еду, решительно встал.

— Слушай, что-то я не пойму, кто из вас темнит: ты или Юрка? Или вы все такие мудрецы? Вот что, Вань: хоть мы с тобой и друзья, но ты не из своих. Ваши дети — это дети, а мои — барахло? Так, выходит?

— Да что ты, Гер, расшумелся, тоже мне — сват, — как мог выкручивался Иван. А Гера сгреб картуз, натянул его на голову с силой, как на ураганном ветру.

— Ты не думай, Иван. Танька моя на шею не повиснет, она не из таких.

— Ну и ладно, на меня-то что взъелся? Я тут при чем?

— А при том, что ты самолюб хороший. Ты для чужого kota своего мыша пожалеешь.

— Иди ты к черту, сами разберутся, — слегка возмутился Плашкин и тоже вылез из-за стола.

Так и оборвалась дружба у Ивана с Герой. Они больше не ходили друг к другу, даже не здоровались на работе. Ивану было неловко за это перед людьми, но он утешал себя, что без худа не бывает и добра. «Черт с ним, лишь бы малый не потерял голову из-за этой чувырлы», — решил Плашкин.

Юрка ходил молчаливый, отцу про скандал ни слова, а тот тоже помалкивал, будто ничего и не случилось. Вообще-то они не умели откровенничать. В семье все было гладко, мать отцу не перечила, ребята росли послушными. Свято соблюдался закон единого подчинения. И даже теперь, став взрослым, Юрка не хотел ломать этот закон — слишком все устоялось. От родительского гнезда отошел — тогда и можно все сделать по-своему, без возражений. Но Иван после разговора с Герой заволновался и выбрал момент, чтобы основательно проверить сына. Спросил прямо:

— Юра, ты всерьез с Танюхой узелок завязал?

— Почему это она у тебя Танюха, у нее имя нормальное есть, — решительно поправил сын, и отцу все стало ясно.

— Виноват, виноват, старая привычка, — уступил он. — Значит, всерьез?

— А вы против?

— Дело-то не в том, кто «за», а кто «против», надо как-то обговорить в семье. Люди болтают, а мы ничего не знаем, — уклонился Иван.

— Можно и обговорить, — холодно согласился Юрка.

— Мое мнение такое: погулял бы ты еще годок-другой, успеешь этот хомут на шею набросить. Ну что ты тут, в колхозе, будешь околачиваться? На работе укрепиться, а уж там можно и семью завести.

— Можно и подождать, — опять же легко согласился Юрка. — Как вам лучше.

Иван понял, что сказано это не из уважения к нему, родителю, а в насмешку, понял, что тут ничего уже не поправишь. Но и поворачивать на сто восемьдесят, настраиваться на свадьбу не хотел. И неудобно поворачивать, и была еще надежда, что перерогит у молодых, обойдется.

Будто в подтверждение этой мысли Юрка засобиравшись уезжать. В Сибирь, как и говорил раньше. Отправил запрос в какой-то леспромхоз. Скоро оттуда затребовали трудовую книжку и удостоверения по специальностям. И вот теперь Плашкины ждали вызова. Мать — с недоверием к этой далекой стороне, отец — с надеждой, а Юрка — с мыслями, как все получше совместить: и Север и женитьбу.

Когда вызов пришел, Иван побежал на почту, снял четыре сотни на дорогу и на проживание в первый месяц. Укатил Юрка, и отступила тягость от сердца у Ивана. Теперь ждал только письма.

Скоро по деревне прошел слух, что Юрка вызывает к себе Танюху и даже прислал денег на билет. И верилось и не верилось Плашкину. Сперва утешал себя: народ любую сплетню пустит, чтобы поиздеваться. А сердце болело. Хотел спросить у почтальонши, да гордость не позволила. И Клавдии не велел ни у кого спрашивать.

Как-то незаметно, за день-два смирился Иван с таким слухом: если уж так случилось, ничего не попишешь. Но покальвала мысль, что сын прислал деньги не собственные, а отцовы. Вот что было самым неприятным — негоже так, не по-мужски.

Через неделю Танька выехала в Сибирь. Тут уж не мог Иван с собой ничего поделата, пошел к Кузякиным за адресом. Хотелось поскорее разрядиться, дать несуразному сыну родительское благословение.

Едва поздоровавшись, Плашкин начал без всяких оговорок да так простецки, будто меж ними ничего плохого и не было:

— Вишь вот как оно с детьми-то. Мы друг друга чураемся, глаза отводим в сторону, а у них свое.

— С детьми так, — отвлеченно сказал Гера. Он сидел на стуле, набросив ногу на ногу, и курил.

— Значит, уехала?

— А что ей тут делать?

— Ну и вот, — непонятно зачем сказал Иван. — А я что пришел-то? Адрес Юркин хотел взять, надо валенки ему выслать до холодов.

— Ты, Иван, что-то не тово... Откуда у нас адрес?

Плашкин опешил:

— Она что, не к нему?

— У ней свой курс, — тихо, но многозначительно проговорил Гера. — К дядьке в Иркутск поехала.

Иван все понял. В самом деле, в той стороне живет где-то Машкин брат. Значит, это его приняли за Юрку, будто бы замаскировавшегося под чужой фамилией.

Момент был напряженный. Кузякин как сидел с папирсой, нога за ногу, так и продолжал дымить, спокойный и безразличный. А Иван был в таком положении, откуда ни вперед, ни назад. Что-либо уточнить — унизишь себя окончательно, сразу вернуться назад, не оправдавшись, — тоже не очень-то красиво. Решился на последнее — уйти. Только сказал:

— А я думал, мой малый затеял что. У них теперь все делается запросто.
 — Жизнь такая,— миролюбиво согласился Гера, так и не выдав своего отношения ни к Ивану, ни к его сыну.
 — Ну, пока,— попрощался Плашкин и захрохотал по коридору сапогами.
 На второй день, не успели еще Плашкины остыть от одних неприятностей, Кузякин принес телеграмму:
 — Вот теперь вам адрес. Все тут.
 Иван взял телеграмму, прочитал: «Приезжай, получил квартиру». Ниже шел адрес леспромхоза.
 — Минутку, я запишу,— в растерянности сказал Иван.
 — Зачем, пусть у тебя остается. Я сам переписал. А Машка уж на почту побегала отбивать телеграмму девке.
 — Путаница какая-нибудь выйдет,— для порядка сказал Иван.
 — Не выйдет,— заверил Гера.— А если что, сами друг друга найдут. Ты не думай, не такие они простачки. Я посмотрел карту— этот леспромхоз с Иркутском рядом. Может, она уже там. Думаешь, так просто поехали в одну сторону?
 — Постой, у меня где-то была карта.
 Иван полез в шкаф, стал искать. Рылся в бумагах беспорядочно, перекладывал одну и ту же стопку несколько раз. Наконец решительно закрыл шкаф.
 — Да разве ее тут найдешь. Пойдем к тебе посмотрим.
 Молча они пошли рядом.
 Дома Кузякин достал с полки большой географический атлас и перед носом Ивана стал перебрасывать листы.
 — Где-то тут, на середине видел...— И тут же спохватился:— Слушай, а что мы с тобой как два столба посреди хаты? Давай сюда.
 Они присели к столу.
 — Сейчас найдем,— пообещал Гера и перекинул сразу несколько листов.— Ага, вот. Значит, смотрим Сибирь. Так, Иркутск— вот он, вверху. А Усть-Витим... Усть-Витим... Это пониже. Вот Витим.
 Иван заглянул в телеграмму.
 — Так нет, в адресе Усть-Витим указан. А тут просто Витим.
 — Одно и то же. Мог бы и без этого «Усть» обойтись. Там, в Сибири, рек до черта, вот и приклеивают разные «Усть». Смотри, действительно Витим стоит в самом устье.
 — Но Юрка в леспромхозе, какой там тебе город. По-моему, Витим сам собой.
 — Да ладно— Витим или Усть-Витим. Все равно там недалеко. Еще тебе лесхозы на карте укажут.
 — Ладно, а где Иркутск?— поторопился Иван.
 — Это сюда, к югу. Вот Байкал, вот Иркутск. Сюда намного ближе, чем до их столицы, до Якутска.
 — Ого!— воскликнул Иван.— Целый лапоть по карте.
 — Там самолетом, мил-человек.

С минуту молчали, глядя на карту.
 — В общем, если лететь, только через Якутск,— сказал Гера.
 — Смотри, какой крюк,— засожалел Иван.— Если б напрямую.
 — Что сделаешь, крюк— он в любом деле есть. Иной раз можно и напрямую, да не получается.
 Иван этот намек принял к сердцу, но смолчал, загасил обиду. Удерживало чувство неловкости за свои прошлые промахи, да и знал, что подвинувшуюся судьбу уже не выправишь и— хочешь не хочешь— надо сходитьсь под единый знаменатель.
 Напоследок он подытожил:
 — Что ж, будем сватями, если им так заблагорассудилось. Наше дело побочное.
 Гера сказал, будто уступку сделал:
 — Можно и сватями, эта должность неответственная. У них бы все похорошему.
 — Да уж теперь не малютки, сообразят, как лучше.
 С этого дня их отношения стали выправляться. И хотя растаяла прежняя доверительность, зато появилось в этих отношениях что-то от сознания ответственности, от родства. Из Усть-Витима пошли частые письма с коротким обратным адресом: «Плашкины». Родители наставляли всяк по-своему, но общим было одно: живите дружнее, там мирить некому.
 Не стало в деревне никаких судов-пересудов, сватья зажили по-родственному. Вместе управлялись с канительными сезонными делами, вместе отмечали праздники и тайно надеялись, что самый большой праздник впереди— именины первенца-внука. Радостно и озабоченно заговорили об этом, впервые поделились своими соображениями, когда молодые написали, что у них ожидается прибавление в семействе. Эта новость по-настоящему сблизила две семьи.
 Истекал примерный срок, и теперь сватья со дня на день ждали главного известия из Усть-Витима. Ждали, а телеграмма все равно оказалась неожиданной. Иван как только взглянул, тут же, при почтальонше, подцепил Клавдию под плечи, раскрутил ее, как в молодости, и, кружась с нею, шумел:
 — Клавдюха, внук! Внук у нас, старушечья!
 Еле отбилась, с трудом пришла в себя: и больно, и чудно, и непонятно как-то. Свои дети рождались— тоже радость, а все по-другому, радость была чистой, без примеси тревоги.
 Иван тут же с телеграммой к Кузякиным. Спешил и воображал, как рванет дверь, какое сделает присловье, прежде чем скажет новость, а налетел на Машку у самого порога— та кормила молодых гусят. Подхватил ее, дегонькую, и подкинул, как ребенка, распугав гусят. Она растерялась совсем— таким взбалмошным Ивана никогда еще не видела.
 — Что ты, сдурел? Да что это с тобой, сваток?
 — А то, что ты бабка теперь! Старая, значит. А я дед. Внук у нас, ясно?!
 На шум выскочил Гера, подоспела и Клавдия. Перечитали короткий текст,

расшифровали каждую цифру телеграммы, повздыхали с сочувствием к далеким горемычным детям и пошли в дом. Маша стала собирать на стол. Разговор пошел степенный, вполне осмысленный. Тут и условились: как только придет Татьяна, закатить такие именины, чтобы в космосе было слышать. Это месяца через полтора-два, как сын маленько окрепнет. С ним там не разгуляешься, а сидеть-проедаться вдаль от матерей нечего.

Приехала Татьяна в конце августа среди дня — тихо и незаметно, будто вернулась обыденкой с покупками из областного города. Иван узнал об этом тут же от людей, но к Кузякиным не пошел, ждал самого Геру. Тянулись минуты, а его не было. И защемило сердце недобрый предчувствием: опять, что ли, старое возвернулось? Значит, не зря подумывал всерьез над этим: к кому невестка придет? Конечно, в его молодые годы этот вопрос никого не мог тревожить, дорога одна — к родителям мужа. Но и понимал Плашкин, что времена теперь вольные, хотя старые традиции никто и не отменял.

Иван был озадачен вдвойне. Что приехала не в его дом — одно, это он еще как-то допускал, делая скидку на молодость. Больше возмущало то, что вот уже прошел час, другой, а никого от Кузякиных не было, ни с кем не передали новость. И вина в этом сватова, с невестки какой спрос.

Хотел Иван сделать все так, будто ничего и не слыхал о приезде невестки, и подождать хотя бы до вечера, хотел посмотреть, что же будет дальше, но засевшая в душу тревога не допускала никакой отсрочки. И ему и Клавдии было неспокойно. Они оделись почти по-праздничному и пошли на встречу с внуком. По дороге Клавдия поостерегла:

— Ваня, не вздумай ничего затевать такого... Надо все по-хорошему. В другое время лучше поговорить.

— Как же без скандала, если я такой изверг, — обиделся он.

— Ну все-таки поосторожней надо, а то опять пойдет...

— Спасибо, убедила.

Но когда вошли в дом, у Плашкина сорвалось:

— Если Магомет не идет к горе, то она идет к Магомету.

— Разницы нет, лишь бы вместе сошлись, — невесело отозвался Гера. Он сидел на диване, дочь на стуле у окна, а Маша занималась у плиты. Бабка копалась под окном на грядках.

— Да и то верно, — опомнился Иван.

Он поздоровался с Татьяной, поздравил ее и с приездом и с сыном. Поздоровался за руку со сватом.

— А где же наследничек?

— Там, — кивнула Татьяна на занавесь.

Клавдия обошлась без поздравлений, только сказала:

— Худющая-то какая.

Расцеловалась и вслед за мужем к внуку.

— Спит. Спит богатырским сном, — отметил Иван.

Клавдия, едва взглянув, определила:

— Твой портрет, Вань. Нос твой, прямой, толстый. Юркины вроде губы. Нет, губы Танины. И щеки ее.

— Это неважно, был бы ум собственный, — не без гордости за такое сходство сказал Иван.

— Вот-вот, умом бы пошел подальше нас, а нос всяк будет к месту, — поддержал Гера.

Полюбовались внуком, сплонули трижды через левое плечо, чтобы не спазить. Выйдя из спальни, Иван спросил:

— А вы что такие?

Ему никто не ответил, и все посмотрели на Татьяну. Она этих взглядов не выдержала, отвернулась к окну и стала вытирать глаза. Отвлекая от нее внимание, Маша выглянула в открытое окно, закричала бабке:

— Мам, хватит, иди полудновать!

Ивану показалось, что опять что-то он сделал не так, где-то дал промашку. Спросил ненастойчиво:

— Вы напрямую можете? Без фокусов.

— Разошлись мы, — сказала Татьяна. Всклипнув, закрыла лицо руками и скорей за занавеску.

— Как разошлись?! — взволновался Иван. — Оформили все уже?

— Кто их там оформлял, — разъяснил Гера. — Села да поехала. Чуть что — разошлись. Хворостина по ним плачет. Гордецы какие.

— И что, не проводил даже? — спросила Клавдия.

— Проводил, — отозвалась Татьяна.

— Нет, слушайте, это какое-то наваждение, — развел руками Иван. — От этого можно одуреть, честное слово.

Он решительно о чем-то поразмыслил, глядя в ему одному ведомую точку, и, сообразив, сказал:

— Вот что, Татьяна: ты переходи к нам. А с ним мы еще побеседуем. — И направился к двери, приговаривая: — Ах, ты, архаровец! Ах, ты, лиходей!

Он пошел, и вид его был такой, будто решил тотчас же ехать в Сибирь. А Клавдия не знала, что делать: идти вслед за ним или остаться. Задержалась. Надо же как-то смягчить положение, хотя бы выяснить, что и отчего получилось.

В своем пустом доме Иван Плашкин долго ходил взад-вперед, раздумывал над такой ситуацией. Как же так: отцовского согласия не спросил, когда свадьбу надумал, — любовь, мол, и никто перечить не смеет, теперь куда эта любовь делась? Раз женился, два женился... Конечно, встал на ноги Юрка, подзатыльник не дашь — а дал бы Иван, ох бы дал! Ведь где это видано, когда это было, чтобы Плашкины собственными детьми бросались: какой из Юрки отец, ежели он где-то там, а ребенок — и его, Ивана, между прочим, кровь — здесь?!

Танюшка... И Плашкин вдруг удивленно обнаружил, что впервые так ласково назвал невестку. Так вот Танюшка — чем плоха она этому паршивцу? Говорят, негоже в жизнь молодых вмешиваться — ну и встретитесь тогда, сядьте, поговорите. Только как люди, тогда и толк будет. «А не будет если... Может, и вправду порушилось у них все». И Плашкину стало страшно. А как о внуке вспомнил — и того страшнее. Нет, он должен что-то придумать, сделать. Должен! В волнении мысли Ивана шли торопливо. Он собрался уж сесть да написать сыну злое письмо, но подумал: а нужно ли злое? Юрка не мальчик, окриком не возьмешь теперь. Надо как-то по-доброму, доверительно.

Иван решительно взял бумагу, ручку, да передумал: никакого письма, лучше телеграмму. Написал: «Юра, объясни причину». Хотел еще что-то добавить о том, что сын подвел родителей, но заменил все три слова: «Немедленно рассчитывайся. Отец». Сложил листок вчетверо, бросил на стол и стал собираться на почту. Надел свежую рубашку, брюки от нового костюма, пихнул в карман деньги. Взяв листок, расправил его и добавил слово «мать». Но и этого показалось недостаточно, приписал еще два слова. Получилось совсем солидно: «Немедленно рассчитывайся. Отец, мать, теща».

В этих шести словах были и просьба и приказание.

Абдула Сулейманов родился в большом высокогорном аварском ауле Телетль, в Дагестане. С ним познакомился я в романтическом «Орлином гнезде» у гунибских высот на литературном вечере. Абдула читал свои музыкально звучные стихи землякам. Они слушали его зачарованно. И это повторялось во многих аулах Гунибского и Чарадинского районов, где мы проводили литературные встречи с читателями.

И вот теперь передо мной стихи Абдулы Сулейманова в переводе Н. Дардыкиной на русский язык, читая которые видишь знакомые картины живой природы родимых гор, чувствуешь аромат долин Дагестана.

Когда о чем-либо добром, приятно услышат горцы, они говорят: «Лучше один раз увидеть и почувствовать самому». Познакомившись со стихами А. Сулейманова, читатель сам оценит их достоинство. Я же хочу сказать молодому поэту: «Доброго пути тебе, Абдула из Телетли, да осилишь ты трудную дорогу!»

Юсуп ХАППАЛАЕВ,
народный поэт Дагестана

Абдула СУЛЕЙМАНОВ

Зов прошедших лет

*Идет ли дождь — в мою приходишь память,
Я слышу зов давно прошедших лет.
Идет ли снег — твержу, что было с нами;
И словно лет, нас разделивших, нет.*

*Пришла весна, цветы разбредили
Былой огонь, вернули наши дни.
Какими полными для нас те годы были,
Желанным сном в моей судьбе они.*

*Не оттого ли время вопрошаю,
Что ты вдали, тебя со мною нет?
Когда в мечтах твой образ воскрешаю,
Я слышу зов давно прошедших лет.*

Ночь

*Тень тянула свой огромный рост,
Солнце село, погасив лампы,
А на небе слабый просверк звезд
Обозначил купола громаду.*

*Обступила горы темнота,
Будто бурку черную надели.
Спит природа, словно в колыбели
На плечах уснувшего хребта.*

*По ущельям ветер просквозил,
Пролетел, играя, путь далекий,
С ним прислали реки и потоки
Вечный зов своих дремавших сил.*

*Спит аул под говор ручейка,
Грудь откоса положив под ухо,
Птичий хор в горах звучит под утро,
А сейчас — лишь звук издали.*

*Поглотила все сплошная тень,
Звездный свет один, как обещанье,
Что бессильно черное мерцанье,
Там, среди звезд, родится новый день.*

Перевела с аварского
Наталья ДАРДЫКИНА.

Осень

*Средь скал, где пастбища олени,
Раздолье для крутых ветров.
Где летом буйствовала зелень —
Снега в предчувствии оков.*

*Где горный ключ сверкал кристаллом,
Остался пересохший след.
Под тенью листьев чуть шептала
Река: «Веселых песен нет».*

*На общем фоне запустенья
Краснеет одинокий куст,
На поле — ни цветов, ни пеня
Весенних птиц, над полем грусть.*

*Лишь молодеет ветер горный,
Меж скал скользит над пустотой.
Он одинок, ему просторно —
Природа смотрит сиротой.*

*У скал, тропой оленьих стад,
Идет осенний снегопад.*

*Друг мой, задержись без сожаленья,
Пропусти спешащего вперед,
Может, в это самое мгновение
Светлая звезда его взойдет.*

*Помоги ему при первом взлете,
Чтоб порыв высокий не угас.
У победы собственные сроки —
Пусть свое свершится в добрый час.*

Рисунок Елены УЛЬЯНОВОЙ

"БОЛЕВЫЕ МОМЕНТЫ" СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

В редакцию продолжают поступать многочисленные отклики на материалы нашей дискуссионной рубрики «Далекие близкие». Авторы их делятся своим жизненным опытом, поднимают общественно значимые вопросы, предлагают пути укрепления родственных связей.

Предлагаем вашему вниманию новую подборку читательских писем и вновь приглашаем вас к размышлению.

ОТ ДЕДОВ К ВНУКАМ

По характеру своей работы (сейчас преподаю в педагогическом институте, а до этого девять лет был учителем средней школы одного из целинных совхозов) я сталкивался с явлением, которое меня беспокоит. Многие мои ученики затруднились назвать полные имена своих дедушек и бабушек. Некоторые не могли ответить на вопрос, где те живут. И совсем плохо внуки и внучки знали их биографии. Повинны в этом родители ребят, которые, сами того не подозревая, разрушают связь поколений в узком, родственном плане.

Утрата духовных связей между родственниками наносит в конечном счете ущерб и патриотическому воспитанию молодежи. А ведь это забота не только школы, но и семьи. Одно дело, когда ребята знакомятся с историей страны по учебнику, и другое, когда они слушают рассказы о стройках первых пятилеток, о коллективизации, об испытаниях Великой Отечественной войны из уст своих дедушек и бабушек.

Не так давно в 109-й школе города Челябинска был открыт музей «Судьба семьи в судьбе страны», который знакомит с трудовыми и ратными подвигами родных и близких ребят. Материалы музея заставляют задуматься о причастности каждой семьи к судьбе Отечества. Как педагог, могу сказать: инициатива полезная и своевременная. Уверен, что такая форма коммунистического воспитания укрепит взаимопонимание между членами каждой отдельной семьи, послужит упрочению родственных связей.

Иван ОБУХОВ,
Кокчетав

РОДНАЯ КРОВЬ

«Мать для дома престарелых». Пишу под впечатлением этого письма Михаила Петрова, опубликованного в 17-м номере «Смены».

Начать хочу со сказки.

Летела галка с галчонок. Галка вначале была впереди и все время оглядывалась: не отстал ли ее сыночек? Затем галчонок вырвался вперед, и уставшая мать едва успевала за ним. Сколько они ни летели, галчонок так ни разу и не повернул головы. Сели отдохнуть. Галка и спрашивает: «Почему, когда я летела впереди, все время на тебя оглядывалась, а ты, обогнав меня, ни разу не оглянулся?» Галчонок отвечает: «Потому что во мне есть твоя кровь, а в тебе моей нет».

Старому человеку доживать жизнь в одиночестве страшно. И тем, кто не имел детей, и еще обиднее тем, у кого они есть. Дети вырастают, уезжают кто куда. Приятно, когда время от времени они слетаются к родному очагу. Но ведь это бывает не часто. Пока старики вдвоем, они согревают друг друга. Но пройдут годы, кто-то — отец или мать — умирает раньше. И

остается пожилой человек со своими слабостями и беззащитностью при живых детях один-одинешенек. Хорошо, если у кого-то из детей есть малыши, — значит, ты желанный гость. Но внуки подрастают, и старики становятся ненужными. А бывает и так: женился сын — невестка сразу же заявляет, что у нее есть своя мать. Выходит, мать мужа лишняя...

Многие из молодых не задумываются над тем, что старость придет и к ним. Понимаю, что сфера семейных взаимоотношений деликатна и только двоим есть туда вход. Но если отец семейства пьет или сын в угоду своей карьере отправляет мать в дом престарелых, — это разве только двоих касается?

Анатолия, оставившего мать в интернате для престарелых, волнует вопрос, повлияет ли этот его поступок на оформление заграничных документов. Что ж, в заграничную командировку он, может, и уедет. Но вот куда уехать ему от себя? Нет, не будет Анатолию покой, значит, и счастья не будет. И не помогут тут ни большая зарплата, ни престижная должность. Потому что, отказавшись от старой больной матери, он отказался от себя, от самого лучшего в себе.

Н. М. ЧАУС,
Одесская область

ЧУЖИЕ СТЕНЫ

Я живу с родителями, но не люблю их, а только жалею. Отец — слившийся человек, у которого не осталось за душой ничего святого. Мама — трудолюбивая и, в общем, неплохая женщина, но у нее почти полностью отсутствует душевный такт. Мы с сестрой ей неродные. Мы — палины. Они поженились, когда у каждого было по двое детей. Мама нас воспитывала с семи лет. Оба мы — я и моя сестра — на себе испытали муку, когда просто невыносимо было идти домой после занятий. А ведь это ужасно, когда отчий дом — только четыре стены, а не место, где тебя ждут и любят.

Мама за всю жизнь ни разу не приласкала, не поцеловала меня, ни разу не назвала Олей или Ольенькой. Я для нее только Ольга. В моих отношениях с мамой всегда было отчуждение. Эта стена росла постепенно, от мелочи к мелочи: случайно услышанный мною разговор мамы с соседкой, которой она рассказывала о моих недостатках, прочитанное ею письмо на мое имя.

Я никогда не забуду одну фразу, которую она часто повторяла, когда мы с сестрой были маленькими: «Навязались вы на мою шею!» И порой жалеешь, что отец взял нас из детдома. В нашей семье постоянны ложь, притворство, ругань. Какая тут может быть родственная близость? К тому же родители часто повторяют: «Мы вас кормим, одеваем».

Единственный человек в родне, которого я люблю, это дядя (брат отца). Ему 70 лет, тетя умерла несколько лет назад. Детей у них не было. Он,

конечно, не идеальный человек, и у него много недостатков (как и у любого из нас). Но он очень добр ко мне, всегда готов помочь. Если я болею, то предпочтительно оставаться у него: мои родители не умеют быть заботливыми и ласковыми. А от дядюшкиной ласки я даже выздоравливаю быстрее. Если бы вы слышали, как он заботливо ворчит по поводу очередной моей простуды. Я его так и зову «ворчишкой».

С ним мне и говорить интересно. Хотя у него всего семь классов образования, но знания его очень обширны во многих областях. Только дядю я бы и назвала своим родственником. Ему я помогаю, чем могу, убираю в его квартире, иногда хожу в магазин. Впрочем, он мало нуждается в моей помощи. Он получает пенсию и еще работает. Не из-за денег, а потому что не хочет сидеть дома.

Знаю, что жить в доме с родителями, которых не любишь, безразлично, поэтому я скоро уеду. Если родители будут нуждаться в моей помощи, обязательно ее окажу, но никогда не буду жить с ними. И воспитывать своих детей никогда бы им не доверила.

По-моему, именно в наш век проверяется истинность родственности — не по крови, а по духу. Я не против родственников вообще. Я против родственников, с которыми нет духовной близости, которые стремятся только поучать, диктовать свой стиль жизни, которые забыли о доброте в отношениях.

Ольга Р.,
Кемерово

ПОПЫТАЙТЕСЬ ИХ ПОНЯТЬ

Уважаемая редакция!

В моей жизни было немало случаев, когда приходилось самой бороться за сохранение родственных отношений. Расскажу об этом.

Более тридцати лет я живу со свекровью. Для меня она — тяжелый человек, мы почти никогда не приходим к согласию. Она, в свою очередь, считает, что у меня тяжелый характер. Видимо, мы несовместимые люди. Однако живем вместе. Вырастили детей и внуков, а для нее уже правнуков. Ей сейчас 79 лет. Почему я не ушла из семьи? Вероятно, потому, что очень люблю ее сына. А он у нас единственный. Я знала, что он пошел бы за мной, куда я захотела бы. Но ведь это жестоко: оставлять одну мать, сознавая, что сын для нее — все на свете! Так поступить я не могла. И потому терпела. Видя, что муж очень переживает разлады между нами, старалась меньше говорить ему о наших конфликтах. Свекровь часто ворчала. «Не хочешь со мной жить — можешь уходить». А я, сдерживая обиду, отвечала: «Зачем мне уходить? У меня есть муж, дети, квартира — что еще нужно для счастья?» Сейчас свекровь относится ко мне с уважением. Наверное, она оценила то, что я не разлучила ее с сыном. А я стала намного сильнее, и, может, те невзгоды, которые выпали на мою долю, я преодолела благодаря выдержке, терпению.

Время летит быстро, и вот уже в мою семью пришла сноха. Так получилось, что вскоре мы разошлись: сын остался в Ногинске, а мы переехали в Подольск. Несмотря на все трудности взаимоотношений в нашей семье, дети (кроме сына, у меня есть еще дочь) выросли честными, трудолюбивыми. Жаль, что мы, родители, не всегда могли им помочь даже советом. У сына в последние годы участились конфликты с женой, но нам об этом ничего не говорил — боялся расстроить. У него двое детей, и он не хотел разрушать семью. О горестях его я узнала слишком поздно. В прошлом году после тяжелой болезни сына не стало. Перед смертью, когда я ухаживала за ним, он мне все рассказал. Жена все время старалась отдалить его от родителей и сестры. Она никого не хотела признавать, не понимая, что этим причиняет боль прежде всего своему любимому человеку.

Молодым, создающим семью, хочется пожелать, чтобы они думали не только о своем счастье. У каждого из них есть родители, которые живут по своим законам, и переделать их характеры уже невозможно. Но это люди, которые готовы отдать своим детям, внукам все. Нужно учиться чувствовать чужую боль, мириться с недостатками старших. В семейных баталиях тяжело сыну, если сноха не мирится со свекровью, или дочери, если зять не мирится с тещей. Я думаю, жалеть нужно не словами, а душой, поступками, тогда больше будет счастливых семей.

Сейчас моя сноха часто навещает нас, советуется и старается сделать что-нибудь приятное. Жаль, что она поняла все слишком поздно.

Александра О.,
Московская область

ЧУДЕСА БЕЗ ЧУДЕС

Мария БОГДАНОВА.
Фото Альберта ЛЕХМУСА
и Юрия УСТИНОВА

Стояли яркие, безмятежные дни южного лета. Курортная Ялта мирно золотилась под солнцем. Пестрый поток отдыхающих тянулся к морю. И никто не подозревал, что в нескольких десятках километров, среди древних Крымских гор, этой ночью начнут рушиться дома, заполыхают резервуары с горючим, понесутся селевые потоки, земля разверзнется и в глубокую трещину провалятся машины.

Правда, все эти катастрофические события произойдут в масштабе 1:20, и устроит их съемочная группа фильма «Экипаж» во главе с оператором комбинированных съемок Григорием Зайцевым и художником Виталием Клименковым. Одеты они в телогрейки, на голове — защитные каски, оператора будет прикрывать прозрачный огнеупорный щит: ему приходится снимать все эти взрывы, пожары и огненные потоки почти вплотную.

Ночное время было выбрано неспроста. Это позволяет более точно по фактуре и цвету совместить комбинированные и некомбинированные кадры, изображающие катастрофу на аэродроме в вымышленном городе Бидри. Туда прилетает советский самолет, чтобы оказать помощь пострадавшим от землетрясения и вывезти своих соотечественников. Там, на этом аэродроме, разворачивается яростная схватка людей с разбушевавшейся стихией. Показать при минимуме риска и затрат масштабность и героичность этой борьбы можно только при помощи комбинированных съемок.

Гибель поселка, взрывы на нефтехранилище, повергнутый в руины гигантский завод — все эти трагические события, за которыми зритель следит с болью, ужасом и состраданием, были сняты в макетах. Но в них сохранены не только пропорции объектов, но и фактура их поверхности: бетона или камня, дерева или пластмассы. При окраске учитывается и возраст имитируемого здания, иллюзорная удаленность предмета. Такая работа требует от художников и макетчиков не только богатой фантазии, но очень точного реального видения воображаемых предметов.

Крупным планом — фасад аэропорта Бидри. Глаз не улавливает, что перед камерой раскрашенный макет. А через несколько мгновений гигантские буквы рекламы срываются с крыши, стены строения оседают и рассыпаются, вверх взлетают снопы электрических искр и обломков — подземный толчок дошел до аэродрома, и здание, только что возвышавшееся в блеске ярких огней, лежит теперь в руинах. Чтобы придать взрывающемуся и рассыпающемуся макету полную иллюзию тяжести и масштабности гибнущего дома, съемка должна вестись быстрее обычного. Тогда при нормальной скорости пленки в проекционном аппарате падение, всполохи огня, летящие обломки обретут на экране естественность. Ускоренная съемка ведется специальной камерой «рапид», делающей до 150 кадров в секунду, тогда как скорость проекции — 24 кадра. Вот потому-то падающий в небольшую яму макетный автомобиль воспринимается зрителями как летящая в пропасть настоящая машина.

Но не все при макетных съемках изготавливается бутафорами и макетчиками. Комбинаторы умело используют и созданное самой природой.

Для съемки макета аэродрома и всех трагических событий, разворачивающихся там, был найден пустыющий карьер. К его каменистым склонам пристроили деревянные помосты, на которых и разместили макеты. А в это же время пиротехники ломали головы, как бы позффектнее их взорвать, поджечь, затопить селем... Для этого изобретались специальные взрывчатые и горючие смеси. Нередко пиротехнические эффекты разыгрывались комбинаторами при помощи самых безобидных предметов, например, детского воздушного шара. Оказалось, что он может великолепно передать взрыв газгольда, надо только всыпать внутрь порох да окрасить шар в соответствующий цвет. А для взрывающихся нефтяных цистерн вполне подходит сырая резина, которую применяют для вулканизации.

...Среди рушащихся зданий, в дыму и огне стоит белая птица — советский лайнер, который должен спасти гибнущих людей. Экипаж самолета прилагает героические усилия, чтобы выполнить эту задачу. И вот преследуемый буквально по пятам пылающим потоком самолет все же взлетает.

В 1897 году один из первых французских кинооператоров и режиссеров, Жорж Мельес, заметил странный эффект, возникший при обычной съемке. В тот день перед камерой была одна из парижских улиц. Когда Мельес начал снимать, по ней двигался омнибус. Через несколько минут по какой-то причине Жорж прервал работу, а когда начал снова, на месте омнибуса оказался катафалк. Так как при съемке

МНОГИЕ ПОМНЯТ КАДРЫ КАТАСТРОФЫ ИЗ ФИЛЬМА «ЭКИПАЖ» — ЕЕ ИНСЦЕНИРОВАЛИ КИНЕМАТОГРАФИСТЫ В МАСШТАБЕ 1:20.

камера находилась на одном месте, то на экране изображение улицы осталось неизменным. Лишь с омнибусом произошло «таинственное превращение»: он «сделался» катафалком. Так возник столь популярный ныне кинотрюк — «стоп-кадр».

Но как снять не модели, не макеты, а живых актеров среди пожаров, взрывов и крушений? Ведь на экране мы не раз видели людей, бегущих по горящему городу, на них рушатся стены домов, их окружают охваченные дымом и огнем горы.

Конечно, работа актеров трудна, и порой им приходится рисковать своим здоровьем, плавая в холодной воде или пробираясь по болоту. Но есть предел риска. Если в воду им приходится прыгать, то в огонь — никогда! Здесь уже слово за мастерами комбинированных съемок.

Есть такой «волшебный» экран — инфракрасный, который позволяет актеру войти в любой город, не выезжая из Москвы, оказаться на дне океана, не выходя за территорию «Мосфильма», висеть над пропастью, лежа на полу...

А разыгрывает эту ситуацию актер на фоне светящегося экрана, покрытого особым светофильтром, пропускающим только инфракрасные лучи. Съемка ведется специальной камерой ТКС (трюковая кино-съемочная), куда заряжаются сразу две пленки: обыкновенная и другая, чувствительная только к инфракрасным лучам. Установленная сзади объектива расщепляющая призма посылает изображение артиста одновременно на обе пленки.

На обычной пленке получают изображения только действующих актеров, все пространство вокруг них остается незасвеченным, так как инфракрасные лучи на обычную пленку не действуют. Вторая же пленка, наоборот, чувствительна только к этим лучам. Подвергнув ее специальному процессу обращения, мы получаем на прозрачной пленке черные силуэты артистов. Это так называемая «блуждающая маска». Теперь в обычную камеру снова заряжают две пленки: ближе к объективу ленту с «блуждающей маской», позади нее — с заснятыми актерами. Они совмещены так, что фигуры актеров на той и другой полностью совпадают. На обычной пленке пространство вокруг актеров еще свободно, и на нее можно теперь снимать любой фон — действующие макеты, фотографии, ранее снятые кадры. Изображение же актеров защищено «блуждающей маской».

Этот поистине всеильный инфракрасный экран был изобретен старейшим специалистом по комбинированным съемкам Борисом Константиновичем Горбачевым.

Именно благодаря его мастерству совершаются все те чудеса с превращениями, исчезновениями и появлениями, которые так поражают детвору в фильме «Золушка». Но даже среди нас, взрослых, найдется немало таких, для кого волшебная палочка феи не теряет своей магической силы, несмотря на всю нашу осведомленность в секретах кино. Ведь сказка есть сказка, в нее нельзя не верить, как нельзя не верить в силу добра и красоты. Глядя на экран, мы забываем тогда, что волшебство совершается при помощи комбинированных съемок, и мы не запоминаем имена их создателей, промелькнувшие в титрах. Эти «фокусники» не знают зрительских аплодисментов, их

труд не рекламируется, так как с их работой связаны те секреты, которые зрителям не стоит знать: вдруг им станет неинтересно... Но все же некоторые кадры мы осмелимся «разоблачить», так как уверены: зрители не станут меньше сопереживать происходящему на экране, если узнают, «как это делается». Мастерство комбинаторов в данном случае сильнее «разоблачения».

Помните устрашающий смерч в фильме «Директор»? Его гигантская воронка несется с бешеной скоростью по степи... Так вот этот смерч был сотворен в съемочной мастерской оператором Александром Степановичем Ренковым и художником Зоей Алексеевной Моряковой. Они вызвали этого «джинна» из обыкновенной воронки. Но для этого надо было знать не слова заклинания, а природу смерча, особенности его движения. Вихревой поток воздуха поднимает огромный столб песка, расширяющийся в виде воронки. Создать такое закручивающееся движение песка вверх даже в уменьшенном масштабе очень сложно. Да, вверх трудно, а вот вниз—

довольно легко. Для этого надо сыпать песок через обыкновенную воронку. А снимать перевернутой камерой. Тогда при проекции на экране появится песчаный столб, расширяющийся на конце, как и должно быть у смерча.

Но существует еще один «волшебный» экран — жемчужный, как его образно называют операторы. Он покрыт мельчайшими стеклянными призмами размером в одну десятую миллиметра. Отражающая способность такой поверхности во много раз выше любой другой. На этом свойстве и построен метод комбинированных съемок — фронтпроекция.

Актеры разыгрывают перед экраном какую-то сцену, а из проекционного аппарата подается необходимый для нее фон. Он может быть любым: тут фантазия создателей фильма не ограничена. При помощи полупрозрачного зеркала изображение фона проецируется по одной оси с киносъемочным аппаратом, что обеспечивает чистоту иллюзии, и никаких предательских теней от актеров не возникает. Правда, при этом операторам приходится работать с довольно громоздким и малоподвижным сооружением, состоящим из киносъемочного и проекционного аппаратов, зато актеры видят фон, на котором разворачивается действие. И съемку можно производить в одну экспозицию.

Владимир Васильев, оператор второй группы комбинированных съемок «Экипажа», должен был снять последний захватывающий момент фильма: несмотря на аварийное состояние, самолет все-таки долетает до Москвы, в дождь, с поврежденным хвостом идет на посадку, шасси касаются земли, но это еще не спасение — из-за повреждения в хвостовом отсеке

ВЕЛИКАНАМИ КАЖУТСЯ СТРОИТЕЛИ РЯДОМ С ВОЗВЕДЕННЫМИ ИМИ КИНОСТРОЕНИЯМИ.

ТАК БЫЛ СНЯТ ОДИН ИЗ САМЫХ ЗАХВАТЫВАЮЩИХ ЭПИЗодОВ ФИЛЬМА «ЭКИПАЖ».

АКИРА КУРОСАВА НА СЪЕМКАХ ФИЛЬМА «ДЕРСУ УЗАЛА» ЛЕГКО ПОДНИМАЛ «МНОГОПУДОВЫЙ» КАМЕНЬ.

ЭТИ СОЛДАТЫ, «ИГРАВШИЕ» В ФИЛЬМЕ «ВАТЕРЛОО», СДЕЛАНЫ ИЗ ПЛАСТМАССЫ.

торможение самолета было связано с большим риском. Он несется со страшной скоростью по посадочной полосе, она вот-вот кончится, и тогда... Все же командиру удастся спасти пассажиров.

Это были очень важные кадры для всего фильма: заключительный аккорд гигантской симфонии борьбы людей со стихией. Нужно было достичь самой высокой степени достоверности и выразительности. Посадку и аварию снимали при помощи модели перед инфразкраном. Но как создать единство изображения настоящего аэродрома под дождем с действующей на его фоне моделью самолета? Инфразкран лишь позволяет дать эти два объекта в одном кадре. Но в павильоне нет дождя, нет того особого размытого света, тех мелькающих огней и скользящих бликов, без которых разыгрываемое в павильоне действие выпадет из изображения реальной среды аэродрома. Но комбинаторы изобретательны. Нужен отражающий эффект? Поставили модель на зеркало. Нужна водная пелена? Сделали специальное устройство, создающее ее перед объективом кинокамеры. Нужно мелькание огней и силуэтов аварийных машин, встречающих самолет? Изготовили огромный обруч, на котором из фанеры вырезали силуэты аэродромных машин, повесили его над камерой и во время съемок вращали с нужной скоростью, создавая необходимое мелькание.

Но результаты всех этих «чудес» в законченном комбинированном кадре при использовании инфразкрана можно увидеть лишь через несколько дней, а то и недель. Поэтому в арсенале кинематографистов есть еще и другой прием, позволяющий при одновременной съемке совмещать в кадре актеров, декорации и макет. Этот метод называется «перспективное совмещение».

Все знают на опыте, что предметы кажутся нам большими или маленькими не только в зависимости от их величины, но и от того, насколько далеко они от нас находятся. Вот это свойство перспективы и

НА ЭКРАНЕ ИГРУШЕЧНЫЕ ТАНКИ ПРЕДСТАНУТ ГРОЗНЫМИ БОЕВЫМИ МАШИНАМИ.

положили в основу своего метода мастера комбинированных съемок. Перед началом съемки все элементы декораций, макеты различного масштаба, актеры расставляют в пространстве перед кинокамерой таким образом, что в ее объективе все вместе воспринимается как нечто целое, естественное и перспективно правильное. Такой метод позволяет снимать одновременно, скажем, макет вагона, расположенный близко к объективу, и людей, прыгающих в отдалении с какой-нибудь площадки. В объективе колеса макетного вагона и край площадки совмещаются, и в кадре получается, что люди выпрыгивают прямо из горящего вагона. Помните тот момент из «Двух капитанов», когда железнодорожный состав попадает под бомбежку? Фашистский танк идет прямо из поезда. Раненые с ужасом наблюдают за его приближением. Танк все ближе, люди начинают в панике прыгать из вагона. И вот танк врезается в него. Эта трагическая сцена была снята при помощи перспективного совмещения макетов и людей.

Беря за основу какой-то уже известный прием, мастера комбинированных съемок разрабатывают для каждого фильма, для каждого момента специфические особенности его применения. Но бывает, что операторы и сами изобретают новые виды комбинированных съемок.

Фантастический разум, живущий по своим нечеловеческим законам, не имеет ничего общего с земными формами жизни. Как его изобразить? Необходимость в таких фантастических образах возникает у кинематографистов «космического» века все чаще. И вот на экране появляется невиданное гигантское движение разноцветных масс, взаимопроникающих друг в друга, распадающихся и вновь сливающихся в хаотичном и вечном ритме своей жизни. А среди этого великолепия движущихся красок и линий — неподвижный зритель. Так изображается в фильме «Молчание доктора Ивенса» фантастический глаз. Эта невероятная стихия движения была создана в маленькой кюветке при помощи глицерина и разведенных масляных красок. Оказывается, что их слияние дает потрясающе красивый и бесконечно меняющийся рисунок. На это свойство смесей обратил внимание Борис Тихонович Травкин, один из ведущих операторов комбинированных съемок «Мосфильма». Он разработал способ съемки активно смешивающихся веществ, определил наиболее интересные для кинематографа смеси, и в целом ряде фильмов («Звездный инспектор», «Молчание доктора Ивенса») есть впечатляющие кадры, снятые именно этим способом. Великолепные закаты, вулканические лавы, космические облака — все это было создано в маленькой кюветке... А в широком искусственном бассейне, специально выстроенном в одном из павильонов «Мосфильма», Александр Степанович Ренков устраивал «подводные съемки» при глубине самого водоема всего в несколько сантиметров. Каким же образом удавалось это сделать? Вверх ногами! Да, да. И камера и снимаемые объекты располагались по отношению к водной поверхности как бы вниз головой, но не под водой, а в воздушном пространстве над ней. Поверхностный слой воды в бассейне при легком воздействии ветруду изображал морскую зыбь, якобы видимую из глубины. И все, чему полагалось быть внизу, под волнами (мины, подводная лодка, днища кораблей), находилось в пространстве над гладью бассейна.

Именно при таком положении кинокамеры, экспонируя киноплентку, а затем перевернув эту пленку в нормальное положение при проекции на экран, получили изображение плывущей под водой среди минного заграждения лодки.

Такой на первый взгляд забавный способ съемки позволил создать великолепные подводные кадры в фильме «Командир «Счастливой щуки». Зыбь, блики морской поверхности передает вода в бассейне, а особенности изображения водной стихии были достигнуты благодаря применению всевозможных линз и дыма перед объективом. Так как макеты находились не в воде, а на суше или, вернее, в воздухе, сделать и снимать их было гораздо проще, чем если бы пришлось их поместить на самом деле под воду. Но потребовалось немало размышлений и расчетов, чтобы создать такое освещение, такую цветовую гамму и окружающую среду, где висащие в воздухе макеты выглядели бы на экране, как настоящие.

При макетной съемке надо было учитывать даже пузырьки воздуха, которые поднимаются вверх, когда подлодка ложится на дно. Мы, может быть, и не помним, что так происходит, но если на экране их не будет, то сейчас же в нашем сознании мелькнет: что-то не так, неправдоподобно. Да, трудно «обмануть» зрителя, но необходимо, так сказать, для его же блага: у него должно создаться полное ощущение достоверности происходящего, необходимое для сопереживания событиям фильма.

Иногда по замыслу фильма требуется то, что невозможно «ни в натуре сыскать, ни в макетах создать». В таких случаях пользуются методом дорисовки. Та часть кадра, куда надо дорисовать какой-

ТАК РОЖДАЮТСЯ «ЧУДЕСА» В КИНО.

нибудь пейзаж или интерьер, кашируется (закрывается черным картоном), а на остальную часть пленки снимается актерская сцена будто на натуре или в павильоне. Затем на незасвеченную (кашированную) часть пленки экспонируется заготовленная художником дорисовка. Этим методом воспользовались постановщики фильма «Как царь Петр Арапа женил». Петровская эпоха... Время ломки жизни российской, время причудливых совмещений отжившего и нарождающегося, искусственно «насаждаемого» и исконного... Как создать соответствующий зрительный образ фильма? После долгих поисков было найдено интереснейшее решение, которое позволило наконец достигнуть стиливого единства фильма. Помог его найти один из мастеров комбинированных съемок, Игорь Алексеевич Фелицин. Он предложил ввести в кадр путем дорисовки изображение окружающей героев обстановки. Улицы, набережные, дома, парки были изображены в стиле старинных гравюр. Сочетание живых людей и рисованного фона отвечало общему настрою фильма.

Оператору комбинированных съемок нужно поистине шерлокхольмсовское внимание к деталям и подробностям окружающего нас мира, ведь он должен знать, например, как ложится тень при свете фонаря, а как при свете луны, как выглядят предметы в разреженном горном воздухе, а как в низине, как отражаются огни в мокром асфальте, а как на стекле...

Классическим примером сложных, тщательно разработанных комбинированных кадров стал эпизод из фильма «Руслан и Людмила» (встреча Руслана с Головой). В этой сцене нужно было решить сразу несколько трудных задач. Объединить в одном изображении Руслана на лошади с несравненно большей по отношению к ним говорящей Головой. Нужно было показать эти неоднородные элементы во взаимодействии друг с другом. Руслан не только будил копытом спящую Голову, но и реагировал на ее пробуждение, вел диалоги с ней... Оператору Игорю Фелицину важно было так решить эти кадры, чтобы экранная правдивость взаимоотношения Руслана с Головой не вызвала сомнений у зрителей.

И он строит кадр, в котором Руслан на коне объезжает вокруг живой (актерской) головы, а лунная тень от него и лошади медленно движется по лицу исполина, реагирующего на этот проезд.

При просмотре материала невозможно было поверить в то, что весь кадр строился из многих внесенных в разное время элементов.

Отдельно перед инфразкраном снимался всадник на коне, точно выполнявший движения под записанные на магнитную пленку команды. После этого кинокамера переносилась в помещение, где на стуле сидел актер, играющий Голову, вокруг его шеи смыкалась отфактуренная под поле фанерная плоскость. При вторичном проигрывании уже звучавшей раз для Руслана фонограммы Голова точно и вовремя выполняла ответные движения: чихала, открывала глаза, надувала щеки и т. д. Таким образом достигалась синхронность работы двух актеров.

Зная временные фазы движений того и другого объекта, на лицо актера, играющего Голову, проецировали в нужный момент снятое ранее масочное (силуэтное) изображение проезжающего на лошади всадника. А полученное масочное изображение стаи черных ворон дало возможность усилить сказочный образ. В те кадры, где Голова открывала глаза, впечатывали это изображение, и получалось, что с бровей и ресниц пробуждающегося великана слетали эти зловещие птицы. Важную роль при соединении различных элементов изображения выполняют тональность и цветовая композиция кадра. Впечатанный в дальнейшем лунный диск усиливал восприятие сказочной ночи с серебряными бликами и однородными тенями.

Так постепенно от одной экспозиции к другой, от одного трюка к другому складывалась единая картина сказочного боя. Работа «волшебного фонаря» кинематографа полна парадоксов, как жизнь в Зазеркалье. Большое может оказаться маленьким, а маленькое большим, можно в огне не гореть, в воде не тонуть, можно вернуть прошлое, замедлить настоящее, заглянуть в будущее.

Когда-то великий фантаст Герберт Уэллс изобрел вместе с одним инженером нечто похожее на машину времени. Именно кинематограф дал основную идею этой грандиозной конструкции. Но она осталась лишь в чертежах и воображении их создателей: никто не взялся субсидировать столь невероятное предприятие.

Теперь каждая киностудия — это своего рода машина времени. И то, что мы видим на экране, создано долгой работой, требующей богатства фантазии, точного расчета, кропотливого труда и творческого порыва.

У постановщиков фильмов нет никакой волшебной палочки. Но есть художники, операторы, бутафоры, макетчики...

Шесть вишен

Шесть вишен качаются грустно
И поле собою томят,
И клонят их ягоды грузно...
Откуда тут маленький сад?

Откуда в разливе пшеницы,
Где даже дорог не найти,
Шесть вишен стоят, словно птицы,
Что сбились с большого пути?

Какая в них кроется тайна,
Как свет в одинокой душе?
Наверно, родились случайно
В крапивнике на рубеже.

Одни повалило морозом,
Другие вззошли из корней.
И так же качаются косо
В раздумчивой грусти своей.

Но вот, в озираниях странен,
С корзиной, с зонтом голубым,
Явился седой горожанин
Из дальнего города к ним.

Как будто в том городе лишний
Он жил, не имея родных,
Как близких, оглядывал вишни,
Рвал бережно ягоды с них.

Домой возвратился согбенный.
В кругу своей взрослой семьи
О вишнях сказал он смятенно:
«Родные!
Земные!
Свои!»

Садовая тишина

Застыли в доме
Тишина и сны:
Ушли,
Как в воду канули, сыны.

Что шепчет дверь?
Над нею шепчет клен,
Скворцы на шепот
Свой сменили звон.

Хоть онемей
От шепота дождей!
Они лишились радуг
Без детей.

Они сбивают
Яблоки в саду—
А дом молчит.
И летом как во льду.

А дом глядит
Куда-то мимо них.
И каждый плод,
С ветвей упавший, тих.

Его не тронут
И не подберут.
Шмели не ищут,
Птицы не клюют.

С травой сольется,
Свой отдаст ей сок
И превратится
В черный уголек.

Хозяин слепо
Ступит на него.
И ничего.
И больше ничего!

И станет
Из-под яблони глядеть,
Пока зари
Не потускнеет медь.

Хозяйка выйдет
Старика позвать—
А зов, как шепот,
Рядом не слышать.

И прут возьмет
И к рельсе подойдет,
Но вместо грома—
Шепот поплывет.

И прут железный
Выскользнет из рук...
В саду недвижен
Яблоневый дух.

Друг подошел.
Моей защиты ищет.
Неужто стал с годами я сильней?
Открою дверь тяжелую верней
И оживить сумею
Пепелище.

Неужто я нырял
В нутро стихии
И перьев там не растерял своих?
Неужто залетал
В края такие,
Где не бывает
Слабых и седых?

Двадцатой солью
Просолили встречи,
Пружины соль ослабила в шагу.
Мой друг пришел.
Неужто я на плечи
И боль его
Еще поднять могу?!

Иду по зною. Через поле. Прямо.
Взметнулся заяц.
Пляшет в зеленях.
Я оглянусь:
Вослед мне машет мама,
Но лишь на миг
Задумается шаг.

И тишь!
Как будто нету грозам места.
И видно маме,
Как вдали тону.

Юбилей—огни на дороге!
Что они озаряют в пути—
Наши радости или тревоги?
Подойди.
Цвет огня разгляди.

Столько белого в глуби криничной!
Двери к маме своей отвори—
И застонешь в дверях непривычно
Даже в долгие годы твои.
Зримый мир или милые тени

Со мною клен ушел в дорогу
И только взял листву с собой.
Доверился судьбе одной,
Как будто солнечному вздоху.

Безостановочно идем
Мы по годам
По незнакомым,
А клен то красным,
То зеленым
Меня касается крылом.
Что замечаешь ты со мною?
Каких небес страшишься ты?
Иль той предельной высоты,
Что задеваешь ты листвою?

Заденешь—листья опалишь
И кинешь их,
Меня тревожа.
Но мы идем,
Хотя, похоже,
Ты впереди меня летишь.

И ширь ко мне
Такой прильнула с детства—
Никак навек ее не огляню.

В дорогах я
Пока не поутихнул,
Вновь от пути
Себя не уберег.
Начальный шаг!
Он возле мамы вспыхнул,
Чтоб шаг конечный
Вспомнил про исток.

Видишь ближе?
Что это за свет—
Над нескладом забот и волнений
Высота разгорается лет.

Набирает ли годы те слава
Или мудрость,
Подвластная нам?
Юбилей! Это каждого право
Выйти в светлых одеждах
К друзьям.

Тульский самовар

Двухведерный самовар—
Огневик столетий!
Реки он прокипятил
В гулком чреве меди.

Словно с палицей герой
Почудит в бытине,
Разгорится—пар он свой до луны
Докиннет.

Он ударит кипятком
В чашки без промашки—
Словно курицы с яйцом, станут
Квохтать чашки.

Приходи. Садись. Дымись!
Страхивай усталость!
Бей крылами, если в них
Хоть перо осталось.

Ох, застолье! Пожелай!
Он без церемоний
Паром дунет—и вспорхнут
В том пару гармони.

Упоенно с кипятком
Кружат в танце блюда,
Так он дедов подстегнет—
В молодость метнутся.

Засверкают по векам
После прыти этой
То ли сказки домовых,
То ли сказки деда.

Между сказок сам рожден
Он, как видно, печью.
Польхает кипятком,
Словно русской речью.

Запоет—и снег зимой
Сбрасывает крыша.
Как поет его душа—
За морями слышат.

Волна за волною, волна за волной—
Темнея, торопится хлебное поле
И, кланяясь ветру на солнце, на воле,
Сливается с небом чертой золотой.

Волна за волною, волна за волной
Тебя укачают восторгом знакомым.
И стены степного небесного дома
Обнимут сияющей голубизной.

Вот солнце сверкнет из темнеющих туч,
Ты в поле увидишь бегущие тени—
И сердце поймает себя на движеньи
Пролиться, как этот сияющий луч!

Над колеиной вязкой грязью
Осень пишет легкой вязью
Охрою по голубому
Лес и поле возле дома.
Свеж и весел в ярких чащах
Дух грибной, день приходящий...
И березка держит снова
Купол воздуха лесного.

Окраина моя степная.
Зеленые мои поля!
Горит к тебе, не утихая,
Любовь негромкая моя.

В полднем мареве колосьев
Торопится моя стезя—
Ни потерять ее, ни бросить,
И позабыть ее нельзя.

Пусть суховеет мает лето—
Всегда любовь моя со мной.
В любой грозе достанет света
Дороге и траве степной!

Смотри: июльская истома
Проходит облаком над ней—
И поле ожидает грома.
И травы пахнут все сильней!

Туесок

Руки дрожащие, белый висок...
Старый якут мастерит туесок.

Снял он с березы лоскут бересты:
Дело не просто—движенья просты.

С плашки березовой слой сострогал,
Вырезал доньшка ровный овал.

Опытном древним, работой-игрой
Дерево снова дружит он с корой.

Нет ни гвоздя—вся душа ремесла
В теле березовом произросла.

Лентой берестяной кору скрепил,
Крышкой березовой туес закрыл.

Чтобы любому он радовал взор,
Лег на бересте привычный узор...

Светится нежной корой туесок—
Мастер второму рожденью помог.

Михаил АЛЕКСЕЕВ,
председатель колхоза «Красное знамя»
Пристенского района Курской области,
кавалер ордена Ленина,
ветеран Великой Отечественной войны

ЩЕ ЖЛЕ

Закончилась хлебная жатва. Ясно помню тот августовский день. Пышущий жаром каравай солнца на лазурном рушнике неба. Сияющие лица механизаторов. Только что они проводили с поля последнюю машину, груженную зерном. Утром я прочитал в свежем номере районки стихотворные строчки. Подумал тогда: точно про нас написаны. Послушайте: «Люди поработали на совесть. Убран хлеб... И как в награду им, наша степь раскрылась, словно повесть, набранная шрифтом золотым».

Действительно, под моими ногами ерошилась будто золотом обрызганная стерня, которая вдали, у горизонта, уже переходила в глянцеви́то-черный цвет—то мощные «Кировцы» тянули за собой ровные нити поднятой зяби. Покойно было на душе и радостно. Так всегда себя чувствуешь, когда сделано доброе дело. Убран хлеб. На токах и в элеваторах оседало червонное золото зерна. В государственных закрома шел хлеб—главное богатство страны. Шел, чтобы накормить, одеть и обути миллионы и миллионы людей. Недаром говорят: будет хлеб—будет и песня. А еще будут наше с вами благополучие, изобилие, наша мощь. Потому что хлеб—исходная позиция всей нашей экономики.

И вновь я смотрел на продубленные на ветру лица механизаторов, на их потемневшие от загара и солярки руки. И вновь думал, какой же ценой достается это главное богатство страны, сколько же сил и умения, сколько любви надо положить, чтобы вырастить, выхестовать и собрать хлеб! Особенно в нынешнем году, когда с весны и до середины июля не пролилось ни единой капельки дождя над полями. Сушь стояла неимоверная. Обезумевшее от жажды солнце выпило все мелкие речки и озера. Воздух обжигал тела, как раскаленный песок. Вороны раскрывали свои луженые глотки и давились собственным криком. Жарко было. И золото хлебов на глазах темнело, покрывалось ржавчиной. Никли к земле колосья, пропадал труд сотен людей...

Июльский дождь пал на истомившуюся почву, пролил на нее благодать. И прикипшие к земле колосья, как солдаты под шквальным огнем, стали выпрямляться. Не всем, правда, удалось встать в полный рост, не все уцелели после этой беспощадной атаки пронизывающих насквозь солнечных лучей...

Страшная это картина—выжженное поле, искалеченная земля. Мне, к сожалению моему, не раз доводилось видеть такое. Ах, эта память! Выжечь бы иные воспоминания каленым железом, а то ведь и по сей день спать не дают, мучают почище ран. Помню, как уже после войны стали выходить из раненой ноги осколки. Зубами скрипел, месяца три с постели встать не мог. Но боль, в сердце залегшая, куда тяжелей. Да, много зубурин оставила на моем теле война, а в душе, пожалуй, еще больше.

Отчетливо, словно кровь сквозь бинты, проступает в памяти эта картина. Ведем изнурительные неравные бои здесь, в родных местах, под Курском. Лето сорок второго. Я рядовой боец неполных восемнадцати лет, добровольно ушедший прошлой осенью на фронт. Но не от разрывов мин и снарядов сжимается мое сердце. Вижу, как огонь жадно пожирает пшеницу. С сухим треском шрапнелью

**НЕМАЛО ТРУДА
НУЖНО
ЕЩЕ ВЛОЖИТЬ,
ЧТОБЫ
СОБРАННОЕ ЗЕРНО
ПРЕВРАТИЛОСЬ
В БУЛКИ,
ПРЯНИКИ, ПИРОГИ.**

**ВЕЧНЫЙ СИМВОЛ
ЖИЗНИ.**

вылетают из колосьев зерна. Изуродованное тело земли покрывается новыми и новыми шрамами. Каково все это видеть мне, крестьянскому парню, сыну колхозного председателя! Каково это было видеть другим уроженцам села! И не спасти было этот хлеб, не помочь земле. Вот что особенно угнетало. Бежим, низко согнувшись, по хлебному полю. Грохают взрывы, яркий свет брызжет в глаза. И потом из темноты проступает уткнувшийся головой в землю солдат. Руки судорожно скребут спешщиеся комья, жесткие, вповал лежащие колосья. Кулак разжимается. И в нем окровавленные зерна пшеницы... А рядом, лязгая броней, мнут, давят нашу землю чужие танки.

Вспоминаю послевоенные встречи с командиром нашей дивизии Басаном Бадминовичем Городовиковым, племянником легендарного красного командира Оки Городовикова. Его, тогда первого секретаря Калмыцкого обкома партии, и меня, председателя колхоза, тоже жгли эти воспоминания. И разговор наш всегда сводился к хлебу. Одни думы нас тревожили: как больше дать государству этого драгоценного продукта.

С детских лет привык я мерить людское счастье достатком или недостатком хлеба. Отец учил нас, детей, всегда и везде относиться к нему с уважением. Случалось, и перепало кому из нас. Это когда он увидит, что кто-то недоел кусок, оставил его на столе. Нахмурит брови, поглядит тяжело, скажет веско: «Это, сынок, силы и здоровье народа, труд его. Негоже выбрасывать, стыдно...» Давно не говорил он мне эти слова. В 1943 году погиб мой отец, парторг роты, в боях под Смоленском, а до сих пор звучат они в сердце.

Правда, в то довоенное время кусками не разбрасывались. Не было их попросту, этих лишних кусков. Не то что сейчас... К хлебу у нас отношение святое. Слышал я, как один агроном, став солдатом, через всю войну пронес с собой аккуратно завернутые в чистый холст и надежно упрятанные в вещмешок зерна какого-то чудесного сорта пшеницы. А потом посеял их своей рукой на послевоенной пашне. А героический поступок нашего современника Анатолия Мерзлова, сгоревшего в огне, когда спасал от пожара пшеницу?! Разве эти и сотни других примеров не говорят о том, как ценят в народе хлеб?

**ОБВИНЕНИЕ
В РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ
И РАВНОДУШИИ.**

Но вот заходишь иной раз в городскую столовую и видишь на столах среди гор неубранной посуды, а то и под столом обгрызенные куски хлеба. Верите, сердце кровью обливается, кулаки сжимаются. Сижу как-то, обедаю, а мимо с тележкой молодая женщина движется, весь хлеб с объедками в глубокую миску смахивает.

— Куда же теперь его?—спрашиваю.

— Известно, куда,—ответила без тени смущения,—на помойку. А может, кто из хозяев придет, свиньям своим заберет.

— Э-эх,—говорю.—Не жалко? Совесть не мучает?

— А мне-то что,—равнодушно пожимая плечами и скрывая зевоту, ответила она.—Не мое, государственное, пусть оно и печется. Да и завалился хлеба-то у нас. Ел бы лучше, а не указывал,—уже сердито оборвала она меня.

Дальнейшая дискуссия была бесполезна. Говорили мы на разных языках. Я—на языке хлебороба, колхозного председателя (кстати, тридцать второй год возглавляю хозяйство), она—на языке обывателя, оценивающего хлеб по восемнадцать копеек за буханку, а значит, не знающего совершенно его истинную цену. А кстати, многие ли горожане знают эту цену? Увы. Мне порой кажется, некоторые думают, что растут булки да буханки на деревьях и стоит лишь потрясти их, как они сами посыплются вниз—подставляй мешки. Иначе почему же такое небрежное отношение к хлебу?! Как-то привелось встретиться с одним директором совхоза Оренбургской области.

— Понимаешь,—кипятился он.—Еду по дороге вдоль хлебного массива посмотреть, поспела ли пшеница, где уже можно убирать. И вдруг обмер. Через все поле два широких следа от гусениц. Не своим голосом крикнул шоферу, чтобы мчал по следу. Догоняем вездеход, сигналим. Бегу к нему, как сумасшедший, ей-богу, последние слова с языка срываются. Рву на себя ручку дверцы. Там полно здоровых мужиков сидит. Оказывается, разведчики газовых недр. Так они себя громко представили.

ХЛЕБ

ХЛЕБ ДА СОЛЬ! ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕ КРАЮХИ СВЕЖЕГО ДУШИСТОГО ХЛЕБА!

скудным на урожай. Трудный был год. Люди пухли от голода. И вот сидят они у сельсовета с жадным блеском в глазах. Десятка три собралось, остальные и дойти-то не смогли. Сидят, ждут хлеба. А на все село привезли полсотни буханок. И надо разделить поровну между всеми едоками. Режу хлеб ножом на ломти и боюсь, что не удержусь, схвачу целиком эту буханку и тут же съем. Осенью сорок седьмого дождался—таки неплохого урожая. Убрать бы теперь дочиста.

А машин-то никаких нет, все вручную. Да и люди еле ходят, пережив голодные зиму и лето. Но хлебу пропасть не дали. Инье еле добирались до поля, лежа или сидя срезали колосья пшеницы. Ох и тяжел был труд! Ох и сладок же был хлеб!

Нынче машины, конечно, в поле. Но труд хлебороба не сахар. Я говорил о засухе, которая постигла нас в этом году. Мало того, ударил град. С яйцо величиной градины, упавшие днем, пролежали на земле всю ночь до утреннего солнца. С пяти полей выбило посевы пшеницы и ячменя, считай, тысяча гектаров пропала. С каждого можно было бы собрать по 20 с лишним центнеров зерна. Вот и прикиньте убытки. Собрали мы на круг по 15 центнеров зерна с гектара. Это выше среднерайонной урожайности, но все-таки мало.

Да, стихия здорово еще треплет нервы хлеборобам. Однако не слишком ли мы часто на нее сылаемся? Причину сыскать легко. Найти средства, как преодолеть беду, труднее. Статистика—вещь упрямая. А она говорит: из последних ста лет почти половина были засушливыми. Не пора ли отыскать надежные контрмеры в борьбе с засухой? Отдельные коллективы и в самую сушь берут рекордные урожаи. Большой хлеб начинается с хорошего ухода за землей. И мы, хлеборобы, в долгу перед ней. Это и нашего колхоза касается. Район наш черноземный. Правда, у нашего хозяйства почвы самые бедные—примешиваются супеси, суглинки.

Но и на нашей земле можно при толковой агротехнике, рациональном использовании технических средств получать по сорок и больше центнеров зерна с гектара. А мы и до тридцати в целом по хозяйству не доходим. Не умеем еще по-настоящему с органикой обращаться, да и техники не хватает, чтобы вывезти все удобрения, вовремя и с точной дозировкой внести их в почву.

Не всегда, честно говоря, и отношение наше к делу хозяйское. Есть у нас в колхозе один комбайнер. Не стану сейчас фамилию называть. Молод, энергичен, но в погоне за лишними гектарами и

центнерами может и схалтурить. А земля халтуры, небрежности не прощает. Тут, надо сказать, в обиду ее не дают. Ветераны наши Гуторов Леонид Константинович, Емельянов Виктор Григорьевич, Леонидов Алексей Николаевич и другие строго спрашивают за любую халтуру. Огрех заметят—переделывать заставят, на люди виновных выведут, чтобы при всех за позор свой ответили.

Так везде и всегда делать следует. За хлеб, за потери его надо наказывать по всей строгости, всех виновных наказывать—и морально и материально,—какой бы пост человек ни занимал. Тогда и ответственность люди будут больше чувствовать. А то махнем рукой: ладно, мол, пусть его...

Отсюда и отношение соответственное. Тут зерна в колее песком заносит, там куски плесневеют. Не помню, у какого писателя читал про американцев. Там они берегут хлеб. Лишнего не купят, не выбросят. Останется же если, сложат аккуратно в целлофановый мешочек—потом хлеб пойдет на вторичную переработку. У нас же пока не так. Да и дело с вторичной переработкой, прямо скажем, плохо поставлено. А ведь и сухари из хлебных остатков можно напечь и другие вкусные вещи приготовить. В столице, бывало, зайдешь в жаркий день кружку пива выпить, попросишь к нему соленых сухариков, так на тебя как на чучело гороховое смотрят. Откуда, дескать, браток, такой свалился? Где же мы их тебе найдем? Бери вон шоколадку и будь доволен, другого нет.

Когда люди купленный в магазине хлеб скоту скармливают—это куда не годится. А вот отбросы хлебные можно и нужно в пищу животным употреблять. Тоже достойное применение. И не частным порядком, мол, кто-то придет (если придет) и заберет, а организованно. Людей стоит заинтересовать, чтобы не выбрасывали хлеб куда попало. При столовых и других общепитовских заведениях посоветовал бы больше заводить подсобных хозяйств. Ценный корм для тех же свиней. А хорошо откормленные свиньи—это уже мясо на нашем столе.

О выпечке хлеба еще хочу сказать. Очень верно писал в свое время знаменитый украинский хлебороб Александр Васильевич Гиталов, что надо больше выпекать малые формы хлеба. Для селянина это не столь важно, он обычно помногу хлеба берет, семьи большие, да и в магазин нет времени часто наведываться, если он тем более далеко находится. Горожанам же малые формы хлебной выпечки, думаю, просто необходимы. Этим самым мы хлеб сэкономим. Сколько ведь его черствого выбрасывается! День пролежит недоеденная буханка в килограмм весом, другой... В пору покупать новую, а старую—ясно куда... Словом, предложение дельное, однако не видно, чтобы работники хлебопекарной промышленности им всерьез заинтересовались.

У всякого хлеба один вкус, один запах. Это вкус счастья. Это запах породившей его землекормилицы, смешанный с запахом пролитого над ней рабочего пота. Старики наши так говорят: хлеб на стол—и престол, а хлеба ни куска—и стол доска. Преступно им сорить. На XXVI съезде партии подчеркивалось, что одна из важнейших задач сегодня—это хозяйское отношение к народному добру. А хлеб—первейшее достояние народа. Потому что хлеб—это жизнь.

«Да вы что делаете!—не помня себя от гнева, кричу им.—Это же хлеб. Понимаете, хлеб!»

Улыбаются снисходительно.

«Чего шумишь, папаша? Подумаешь, хлеб. Мы вот газ ищем».

«Под суд,—не унимаюсь,—пойдете!..»

«Ладно,—глазом не моргнув, ухмыльнулся старший,—сколько там тебе заплатить?» —И небрежно взялся за чековую книжку.

«Нет,—говорю уже спокойнее,—ты из собственного кармана заплатишь, а не из государственного. И не мне, а народу. Его это хлеб».

— Заплатил, что ли?—спрашиваю.

— Заплатил. Да разве только в том дело? Меня преступное отношение к хлебу убивает. Все думаю, откуда он.

Действительно, откуда? Не от сытости ли, черствости душевной? У иных людей, особенно молодых, не хлебнувших лиха голодных лет, душа вроде заплесневелой горбушки. Что для них зерно, выпавшее из бункера комбайна, потерявшееся на дороге? Что для них брошенный в помойное ведро кусок хлеба? Ведь и сам наблюдал, как мальчишки на городской улице забавы ради хлебом друг в друга бросались. Пристыдить их хотел, да куда там. Засмеялись и разбежались по дворам.

Многое с воспитания в семье начинается, если не все. Как родители к хлебу относятся, так и дети их будут. Не научат их сызмальства уважать труд земледельца, плоды его работы, плевать им тогда с высокой колокольни на все наши рассуждения о том, что надо беречь хлеб. У нас, мол, изобилие его. И понимают они это изобилие как возможность набить до отвала желудок. Такое иждивенчество порождает потребительское отношение к действительности, а вместе с ним—духовную слепоту и глухоту.

Не просто, конечно, ценить то, чего много, стоит лишь руку за ним протянуть. Но нельзя забывать, что так было не всегда. Оглянитесь назад, послушайте, поразмыслите. На дворе стоял 1946 год. Во многих краях нашей страны он выдался крайне

ОКТАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Смертоносная медицина

Один из самых доходных видов бизнеса на Западе — бизнес на здравоохранении. Если в 1950 году из карманов американцев ушло по этой статье 12 миллиардов долларов, то к 1979 году эта сумма возросла до 200 миллиардов. В сущности, ничего странного в этом нет, поскольку в 1950 году один день пребывания в больнице обходился в 40 долларов, теперь же за это приходится выкладывать 200. Для больных, проходящих курс так называемой интенсивной терапии, эта сумма еще выше.

Здравоохранение является своего рода рынком, где покупателю-пациенту практически не приходится делать выбора. Он может лишь пойти к врачу или не пойти к нему. В первом случае «продавец» (врач, больница) оказывается в привилегированном положении, что в конечном счете не обходится без разного рода злоупотреблений. Врачи направляют пациентов на ненужные обследования, увеличивают без надобности время пребывания в больнице, производят не вызванные необходимостью операции. Так, например, в 1978 году было сделано свыше двух с половиной миллионов со-

вершено излишних операций. 1200 из них закончились смертью.

Фармацевтические корпорации выбрасывают на рынок все новые и новые лекарства, которые зачастую не только не имеют лечебного эффекта, но и опасны для здоровья. Более 500 видов лекарств, продажа которых запрещена в США, продолжают производиться и выпускаться за границей. В Западной Европе очередной скандал произошел с медикаментом под названием «ленотан», напомнив всем зловещую историю с пресловутым «контерганом». «Ленотан» усиленно рекламировался как универсальное средство при любых жалобах и недомоганиях во время беременности. Однако вскоре выяснилось, что женщины, принимавшие «ленотан», нередко производили на свет изуродованных детей. В США лекарство было запрещено продавать, а производившая его фирма была присуждена к крупному штрафу в пользу родителей, у которых родились дети-калеки. Однако в Англии, ФРГ и ряде других стран «ленотан» можно купить в аптеке без всякого рецепта!

«КАМБИО-16», ИСПАНИЯ

МЕМОРИАЛ В ЧЕСТЬ... БАБОЧКИ

В Австралии существует единственный в своем роде мемориальный дом, посвящен он не какому-то известному деятелю, а простой бабочке из семейства *Sactoblastis cactovium*. Что побудило австралийских фермеров оказать ей такую честь?

На нашей планете известно 350 разновидностей кактуса Опунция, произрастающего в самых различных местностях. Когда этот кактус находит благоприятные условия, его быстрое развитие поглощает огромные территории, при этом гибнет другая растительность, включая и посевы. В начале XIX века несколько саженцев кактуса были завезены в Австралию из США — местные жители рассчитывали с его помощью защитить посевы от суровых и грызунов. Однако Опунция начала стремительно разрастаться, захватывая все новые и новые районы. За десять лет посевные площади превратились в сплошные заросли кактусов.

В 1912 году была создана специальная комиссия по борьбе с «нашествием» кактусовых зарослей, которые занимали к тому времени огромную территорию площадью в 50 миллионов га и ежегодно продвигались по пахотным землям на 500 тысяч га. Химические препараты оказались малоэффективными. Были завезены специальные насекомые, питающиеся кактусами, но и они не смогли остановить шествия Опунции по плодородным землям. И только в 1925 году Австралия получила 2750 личинок бабочки *Sactoblastis*, которые пошли в буквальном смысле на штурм обширных зарослей кактусов. Личинки начисто выедали сердцевину растения, а остальное разрушали солнце и ветер. К 1935 году в Австралии не осталось ни одного «опасного» кактуса.

И тогда в городе Бунариа, где были высажены первые саженцы кактуса — субители посевов, признательные фермеры возвели мемориальный дом в знак глубокого уважения к маленькой бабочке-спасительнице.

МАГАЗИН, РУМЫНИЯ

МУЖЕСТВО И ТОЧНОСТЬ

Действуя хладнокровно и смело, швейцарец Петер Йомини, двадцатилетний студент архитектурного факультета и парашютист-любитель, спас жизнь человеку.

Его приятель Шарль-Андре Ру совершил над аэродромом вблизи Ивердона свой первый прыжок с парашютом. Он, однако, имел несчастье раскрыть парашют слишком рано и зацепился за руль высоты самолета. Йомини, наблюдавший драму с земли, сразу понял, что при приземлении у его приятеля нет шансов остаться в живых. Он знал, что у самолета хватит горючего еще на 90 минут.

Немедленно дав сигнал спасательной службе, он уже через 20 минут выполнял в воздухе невероятный сложный маневр: привязанный канатом, он выпрыгнул из спасательного вертолета, смог приблизиться к самолету и, умело сотрудничая с пилотом, несмотря на сильный ветер, поймал своего приятеля. Прокричав, чтобы тот через три секунды раскрыл запасной парашют, Йомини отрезал стropy парашюта, зацепившегося за хвост машины.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ», ШВЕЙЦАРИЯ

РАЗГОВОР С КОМПЬЮТЕРОМ

Еще сравнительно недавно эта проблема считалась трудноразрешимой, но быстрое развитие микроэлектроники с применением принципа цифровой записи позволяет надеяться на ее скорое разрешение. Речь идет о непосредственном разговорном контакте человека и ЭВМ. На стыке между интеллектом живого и интеллектом искусственным возникает проблема их непосредственного общения. Многие виды информации можно ввести в машину или получить от нее с помощью клавиатуры, аналогичной клавиатуре пишущей машинки. Но это далеко не всегда бывает удобно, отсюда и попытки научить машину понимать голос человека.

Одной из удачных систем является система американской фирмы «Трейтолд технолоджи», обеспечивающая понимание речевых команд. Компьютер «узнает» людей, даже когда у них от волнения, простуды или иных причин меняется голос. В проходных некоторых американских предприятий уже не нужно показывать служебное удостоверение вахтеру (да и самого вахтера, естественно, нет). Достаточно лишь назвать свою фамилию, и компьютер тут же установит, кто перед дверью — свой служащий или постороннее лицо. В период «обучения» компьютера нужно назвать себя машине раз десять — этого бывает вполне достаточно.

Система прямой голосовой (или, как ее еще называют, вербальной) связи между человеком и машиной

может найти себе применение всюду, где при вводе данных необходимо иметь свободные руки, например, при измерении деталей, при обслуживании некоторых механизмов и в других аналогичных

случае. Очень эффективно эта система может применяться при самообслуживании инвалидов, особенно тех из них, которые не владеют руками. С помощью словесной команды можно приводить в движение инвалидную коляску, печатать на электрической пишущей машинке и выполнять много других операций. Световая или звуковая сигнализация с панели управления покажет, правильно ли машина поняла данную ей команду.

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

Как обезвредить лавину

В Альпах имеется много лавноопасных мест, которые представляют постоянную угрозу для горных селений, дорог, для спортсменов — лыжников и альпинистов. В нескольких таких местах, где периодически накапливается опасное количество снега, по рекомендации специалистов поместили вибрационные устройства, прочно укрепленные на горных склонах. Когда включается ток, все эти устройства начинают сильно вибрировать —

напластованный снег скользит вниз, увлекая с собой снежные массы с горных склонов. Такие «микроразрывы» препятствуют скоплению больших масс снега, вызывающих опасные лавины. Первые два года работы вибраторов дали положительный результат.

НАУКА И ТЕХНИКА
ЗА МЛАДЕЖТА,
БОЛГАРИЯ

ЛЕТАЮЩАЯ НОВИНКА

Этот новый английский самолет, предназначенный для различного рода наблюдений с воздуха, соединяет преимущества «нормального» самолета и вертолета. Его минимальная скорость — 80 километров в час. Такое исключительно медленное передвижение аппарата «гибрида» обеспечивает защищенный специальным кожухом пропеллер, приводимый в движение мото-

ром в 160 лошадиных сил. При этом самолет со сверхдлинными несущими плоскостями потребляет значительно меньше топлива, нежели вертолет.

ЮНГЕ ВЕЛЬТ, ГДР

БОЛИТ ЛИ ГОЛОВА У ДЯТЛА?

Вопрос этот не праздный — ведь клюв дятла во время «работы» действует как высокочастотное долото, развивая на небольшом расстоянии чудовищную скорость в 2 тысячи километров в час. Непосредственно во время удара голова птицы подвергается неимоверной перегрузке.

Группа ученых Калифорнийского университета решила выяснить, почему дятел не повреждает себе голову. С помощью скоростной киносъемки было установлено, что дятел вначале делает несколько слабых «опытных» ударов, высккивая правильное положение. Затем птица напрягает шейную мускулатуру, и непосредственно в момент удара все ее тело является жесткой системой. Голова и клюв движутся туда и обратно строго перпендикулярно дереву без малейших боковых отклонений. Именно это исключение каких-либо боковых отклонений, по мнению калифорнийских ученых, и защищает шею и голову птицы от повреждений. Проведенные исследования имеют практический смысл: полученные результаты могут быть использованы при конструировании новых типов автомобильных и самолетных сидений, отличающихся высокой степенью безопасности при авариях.

МЛАДИ СВЕТ, ЧЕХОСЛОВАКИЯ

«ТРАНСПОРТ XXI ВЕКА»

Да, именно так то ли в шутку, то ли всерьез стали теперь именовать хорошо известный нам велосипед. Почему растет его популярность? Многих конструкторов к усовершенствованию педального транспорта привел поиск средств, которые не оказывают вредного влияния на окружающую среду и не требуют значительных расходов на горючее и материалы. Немаловажное значение имеет и тот факт, что все большее число людей старается придерживаться рационального образа жизни, избегая спутника современной цивилизации — гиподинамии.

Не сегодня-завтра появится велосипед третьего поколения (второе поколение — это хорошо известные нам современные велосипеды, конструкции которых уже не менялись, по существу, в течение почти ста лет, а к первому относятся экстравагантные и неудобные «жиппажи», на которые сейчас уже нельзя смотреть без улыбки).

Какими же они будут, эти новые

велосипеды? Появятся трех- и даже четырехколесные машины. Но, конечно, будет продолжаться развитие и традиционная двухколесная схема. Новые машины будут иметь низко расположенный для обеспечения большей устойчивости центр тяжести и обтекаемую форму. Коренной модернизацией подвергнется система передачи, в результате чего для вращения педалей (а в некоторых конструкциях для нажима на педали) нужно будет прилагать меньшие усилия.

В соответствии с прогнозами, к 1990 году новые велосипеды начнут вытеснять своих собратьев второго поколения, а к 2020 году, когда энергетический кризис, как считают, достигнет особой остроты, велосипед третьего поколения станет одним из главных средств передвижения на небольшие расстояния внутри города.

НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС МЭГЭЗИН, США

Транспорт будущего? Велосипедисты на Елисейских полях в Париже.

Тайна древних каналов

История государства майя, существовавшего в начале нашей эры в Центральной Америке и внезапно исчезнувшего около 900 года, до сих пор таит ряд загадок. Известно, что майя строили большие города, создали развитую и действенную систему управления, достигли значительных успехов в математике и астрономии. Но как, например, на сравнительно небольшой площади удавалось прокормить два миллиона человек?

Недавно эту загадку удалось разрешить. Оказалось, что майя построили сложную сеть дренажных каналов, благодаря чему болотистые места стали плодородными районами, где выращивались кукуруза, бобы, тыква и другие сельскохозяйственные культуры. При рытье каналов вынутую землю насыпали в промежутках между каналами. Это обеспечивало растения необходимым количеством воды, лишняя же влага, из-за которой могли загнить корни, отводилась. Применение каналов было значительным шагом вперед по сравнению с примитивной практикой тропических племен, которые обычно выжигали участок леса, чтобы почва получила необходимые минеральные вещества, затем на этом участке выращивали растения в течение одного-двух лет, а потом выжигали лес на другом участке.

Система каналов майя была обнаружена благодаря применению космической технологии. При поиске с самолета остатков поселения майя археологи пользовались радарным устройством, первоначально предназначенным для картографирования поверхности Венеры. И вот на экране — огромная разветвленная сеть серых линий. Это и были каналы, расположенные в тех местах, где в настоящее время простираются густые джунгли. Двумя археологам на легких, выдолбленных из дерева лодках удалось проникнуть в район, где некогда процветало сельское хозяйство майя. Каналы были обнаружены точно на тех местах, где их и показывала сделанная с помощью радарного картографирования карта.

По мнению специалистов, новое открытие может помочь разрешить другую загадку, связанную с внезапным исчезновением цивилизации майя. Содержание сложной разветвленной системы каналов требовало наличия хорошо функционирующей централизованной власти. А падение этой власти то ли в результате войны, то ли вследствие стихийных бедствий означало конец существования системы каналов, кормившей весь народ.

НЬЮСУИК, США

СТАДИОН В НЕМЕЕ

Олимпийские игры, как известно, берут начало в древности, их родина — Греция. Наряду с ними подлинными спортивными праздниками представляли и другие игры. Начиная с VI века до нашей эры в Древней Греции не было ни одного года без какого-либо крупного спортивного праздника, а в некоторые периоды эти соревнования проходили дважды в год, весной и осенью. Такие игры проводились, например, в городе Немее, расположенном в 130 километрах к юго-западу от Афин. Здесь завершились археологические раскопки, которые выявили большой спортивный комплекс. Археологи открыли стадион с беговой дорожкой протяженностью 177 метров, на которой могли состязаться одновременно 13 бегунов. Стадион вмещал 40 тысяч зрите-

лей — поскольку в то время население такого города, как, скажем, Спарта, не превышало 5 тысяч человек, можно сделать вывод, что на играх могло присутствовать все население весьма обширной области.

Особенно интересен обнаруженный туннель длиной около 50 метров, через который атлеты выходили на стадион. Это сооружение, по оценке специалистов, является самой старой сводчатой конструкцией в Греции. На стенах сохранились надписи, начерченные спортсменами, вероятно, когда они ждали выхода на стадион. Среди надписей — и «автограф» Телестаса Мессенаса, одного из знаменитых кулачных бойцов того времени.

ШТИНЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ, РУМЫНИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

ШЕРРЕР ЗЕРКАЛОМ

Заметки книжного графика

У меня в мастерской, на чердаке обычного московского жилого дома, над столом, за которым я работаю, висит зеркало. Это может показаться странным, не правда ли? Ведь я же не актриса, ежеутренне обозревающая свое лицо, словно полководец вверенное ему войско. Внешности своей, по крайней мере в смысле обыденном, житейском, я особенного значения не придаю, по возрасту причисляю себя к людям давно уже не юным, и тем не менее посетитель, неслышно проникший в мастерскую, возможно, увидел бы меня, художника, иллюстратора книг, гримасничающим, прямо-таки корчащим рожи перед зеркалом...

Зачем это нужно? Попробую объяснить тем, у кого достанет терпения и снисходительности, чтобы пройти вместе со мной сравнительно недолгим крутом размышлений и воспоминаний. Ситуация эта для меня не очень привычна, поскольку обыкновенно в моей работе рисунок следует за текстом, пытаюсь его осмыслить и как-то прокомментировать, а здесь все получается наоборот: сначала я рисовал и лишь теперь пробую словами проиллюстрировать изображение.

Последние несколько лет я был занят большим и необычайно ответственным трудом — иллюстрированием книги произведений Шекспира, готовящейся к выходу в издательстве «Молодая гвардия». В этот торжественный, в хорошем смысле подарочный, отнюдь не рассчитанный на чтение в трамвае том войдут две пьесы великого драматурга: «Гамлет» и «Ро-

мео и Джульетта», а кроме того, его сонеты. Здесь, на журнальных страницах, напечатаны некоторые рисунки к каждому из трех разделов книги. По-подробнее я расскажу об этой работе несколько ниже.

Первую книгу — «Белый пудель» Куприна — я сделал почти тридцать пять лет назад и вспоминаю ее потому только, что она была первой. А начал я как архитектор. Окончил после войны Московский архитектурный институт и довольно долго занимался проектированием зрелищных зданий. Работал в Гипротее, чертил фасады клубов, кинотеатров, дворцов культуры. Самой интересной моей постройкой стал республиканский музыкально-драматический театр Карельской АССР в Петрозаводске. Этот проект остался в памяти еще и потому, что мне пришлось не только чертить, но и рисовать, например, эскизы гигант-

ских хрустальных люстр и даже лепить маски персонажей Сервантеса и Шекспира. В ту пору я, невзирая на первые опыты в книжной графике, еще и думать не смел, что когда-нибудь приду к произведениям этих гениев мировой литературы как почетительный толкователь в графике.

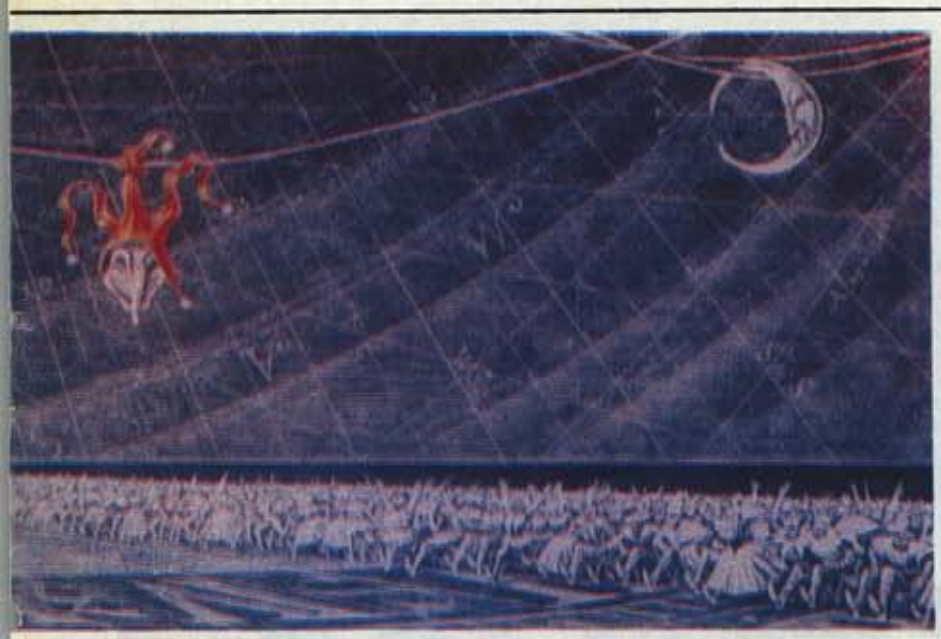
Нет, я ничуть не жалею о годах, посвященных архитектуре. Я даже рад, что судьба моя сложилась так, а не иначе. Разумеется, вовсе не обязательно книжному графику проходить школу зодчества, но и бесполезной я ее не считаю. Прежде всего потому, что архитектура воспитывает в художнике потрясающее чувство ответственности за каждую проведенную на бумаге линию, за любое творческое решение. Как только представишь, что от прихоти твоего карандаша зависят суще-

СОНЕТЫ.

РОМЕО.

**«ВСЬ МИР — ТЕАТР,
А ЛЮДИ В НЕМ — АКТЕРЫ...»
В. ШЕКСПИР.**

В ЭЛЬСИНОРЕ.

СОНЕТЫ.

БЕДНЫЙ ИЙОРИК.

СМЕРТЬ ТИБАЛЬДА.

ственные обстоятельства жизни людей, что ты обязан соразмерить свою выдумку с тем, чтобы будущим посетителям или жильцам здания было уютно, так сразу же начинаешь гораздо строже и серьезнее относиться к своему делу. Убежден, что такой подход необходим и в книжной графике.

Кроме того, в зодчестве существует «архитектурный надзор» — контроль над реализацией проекта. Не вредно это и иллюстратору, дабы не ограничивал он свою деятельность лишь рисунком, а строил книгу от начала до конца, от начертания шрифта до цвета колленкора на обложке. Надо научиться ходить в типографию, как архитектору — на стройку, надо, как прорабов, знать по имени-отчеству выпускающих, печатников, переплетчиков. Но на этом аналогии в работе над зданием и изданием не заканчиваются. Видите ли, постройка — среда телесного, физического обитания человека, а книга — среда обитания духовного. Обе эти сферы лежат у корней, у истоков существования общества.

Сходство между ними — это, в-первых, функциональность назначения, необходимость для жизни. Давно доказано, что информационный голод для человека столь же мучителен, как и просто голод. Во-вторых, и дом и том создаются из реальных материалов: кирпича и бумаги, бетона и картона. И в обоих случаях материалы эти соединяются некими конструкциями. Значит, и архитектор и художник должны понимать природу и возможности этих материалов, быть в известной мере инженерами своих творений. В-третьих, и книга, если иметь в виду готовое полиграфическое изделие, и здание, завершённый строительный объект, являют собою реализованные, овеественные габариты и пропорции — никакие, кажется, другие произведения искусства не обладают такой явной, осязаемой «вещностью». И, в-четвертых, тому и другому необходимы оформление, декор, украшение — с тем, чтобы полезное было еще и эстетичным. Речь идет, конечно, не об аляповатых архитектурных или графических «излишествах», а о главном назначении эстетики — целесообразно сделать радующим глаз.

Что же касается меня самого, то к графике я пришел через архитектуру, а не так давно с помощью книги вернулся к зодчеству. Дело было так. После выхода в свет шеститомного собрания сочинений Александра Грина с моими иллюстрациями меня попросили передать в музей писателя оригиналы рисунков. Приехал в Федосино, а никакого музея там нет, есть только пара маленьких комнат в доме номер 10 по Галерейной улице, где когда-то жил писатель. Так стало обидно...

Вместе с группой энтузиастов и поклонников творчества Грина мы попытались придумать и собрать экспозицию, в какой-то мере воссоздающую романтическую и мужественную атмосферу гриновских книг. Нам выделили дополнительное помещение, и появились по указанному адресу Клиперная комната и Каюта Капитана, Корабельная библиотека и Якорный дворик. Там почти нет вещей и обстановки, принадлежавших самому писа-

телю, вполне реальные очертания, все в нем расположено на своем, раз и навсегда определенном месте — тут Грин был предельно точен. Зурбаган, Лисс, Гель-Гью, Покет, пролив Бурь, остров Рено — все это мы нанесли на карту с сургушной печатью и двумя веревочками там, где увидел их автор книг.

Снайперская точность вымысла самого, казалось бы, фантастического и оторванного от действительности, — одно из удивительнейших свойств большой литературы. Так сложилось, что, за немногими исключениями, я как художник сталкиваюсь с произведениями крупных писателей. Флобер и Мериме, Джованьоли и Стивенсон, Роллан и Цвейг, Драйзер и Войнич, Александр Куприн, Николай Островский, Всеволод Вишневский, Михаил Булгаков... В кругу таких имен художнику существовать, поверьте, не просто. Образы, мысли, чувства, рожденные выдающимися перьями, требуют и от иллюстратора очень многого. Спартак, Овод, Павка Корчагин — эти герои книг, борцы за справедливость, отдавшие в борьбе свои жизни, обрели в сознании каждого читателя вполне определенный облик. И автор иллюстраций неизбежно оказывается в том же положении, что и автор экранизации. Надо доказать тысячам людей, что человек, которого они любят с детства, был именно таким, каким вослед писателю увидел его ты.

Но еще более сложную задачу поставил я перед собою, когда взялся за Дон-Кихота. О, это великий образ — я не знаю ему равных в мировой литературе!

Еще не так давно роман Сервантеса воспринимался читателями как книга сугубо развлекательная. Комедия забавных положений — и ничего более. Лишь в прошлом столетии роман был открыт заново как произведение глубоко трагическое. Центральные его персонажи начали жить своей собственной, оторванной от сюжетных коллизий жизнью, стали образами нарицательными. Не считать, вероятно, какому количеству творений в других видах искусства, в музыке, в живописи и скульптуре, в театре и кинематографе да и в литературе тоже дали

ДЖУЛЬЕТТА.

телю, но иллюминатор старой яхты, который подарил нам матрос, живущий по соседству, пришелся очень кстати. Так же, как стол и два кресла, отданные музеем Айвазовского, подзорная труба XVIII века, компас, румпель и секстан, преподнесенные моряками (они стали шефами музея), корабельный кранец, на котором мы сделали надпись «Музей А. С. Грина», настоящий, добытый со дна морского якорь с цепями — и многое, многое другое.

Кроме того, мы смастерили из пергамента похожую на старинные пиратские схему-карту страны Гринландии. Выдуманный, блистающий фантазией мир писателя, если внимательно вчитаться в его книги, оказывается, имеет

жизнь Дон-Кихот и Санчо Панса. История необыкновенных приключений странствующего рыцаря и его оруженосца бездонна, неисчерпаема. Она — о жизни и смерти, о любви и ненависти, о вере и безверии, о верности и предательстве, о лукавой мудрости и самодовольной тупости. Она, я бы сказал, обо всем, что волновало Сервантеса и его современников и продолжает волновать нас, живущих на рубеже третьего тысячелетия. Сегодня, в век прагматизма, когда многие ставят практичность и здравомыслие куда как выше верности идеалам и способности мечтать, этот вот смешной старичок — фигура трагическая.

Продолжение на 27-й стр.

авным-давно на одном из домов в старом Тбилиси я увидел надпись: «Танцую я, танцуют все, Хочиш смотри, хочиш не...» Эти шуточные простодушные строки зазвучали во мне, когда три года назад я представился старшему тренеру динамовцев Нодару Парсадановичу Ахалкаци.

— Не знаю, смогу ли я помочь вам,— сказал он.— Не вижу смысла во всех этих разговорах. Я попытался возразить. Ахалкаци внимательно меня выслушал, затем, выдержав театральную паузу в духе мастеров МХАТа, спросил меня: — У вас есть принципы? — Разумеется. — А у меня могут быть принципы? — безразлично, как гроссмейстер, которому заранее известны все ходы, которые сделает неопытный соперник, задал Ахалкаци следующий вопрос. — Конечно. — Так вот. Мой принцип: избегать необязательных разговоров,— закончил Ахалкаци. Он снова

13 мая, после того, как футболисты тбилисского «Динамо» (старший тренер Нодар Ахалкаци), выиграла в Дюссельдорфе со счетом 2:1 у клуба «Карл Цейсс» (ГДР), президент УЕФА Артемьо Франки вручил капитану тбилисцев Александру Чивадзе Кубок обладателей кубков европейских стран. На пути к финалу динамовцы победили английский «Вест Хем» (4:1 и 0:1) и голландский «Фейенорд» (3:0 и 0:2).

Тбилисцы не раз брали верх в споре с самыми именитыми командами, встречаясь с ними в европейских турнирах. Любили футбол за полноту их победы над итальянскими клубами «Интернационале» (1977 г.), «Наполи» (1978 г.) и в особенности над прославленными английскими «Ливерпулем», который, кстати, в нынешнем сезоне в третий раз завоевал Кубок европейских чемпионов.

свободное пространство. И вот уже футболист не глядя отдает пас, уверенный в том, что сейчас туда, в зеленый коридор, на скорости ворвется его партнер, мыслью и действием опередив соперника. Слушая рассказы динамовцев, я осознавал, как близки, как похожи по своей психологической сущности разные виды творчества, будь оно футбольным или любым другим.

Мне вспомнились прочитанные когда-то воспоминания жены поэта Роберта Бернса: «Я увидела, как он расхаживает по берегу, что-то мурлыча про себя. И вдруг он обернулся и стал читать мне вслух стихи, задыхаясь от счастья. Он читал очень гром-

раньше, если бы дома нам жилось полегче, может, я играл бы поинтереснее. К тому же я часто получал травмы и на поле выходил реже, чем хотелось...

Когда я впервые встретился с наставником тбилисцев, мне повезло. Заметив внимательный взгляд Ахалкаци, взгляд, который словно бы разрушал все защитные перегородки, я вдруг вместо того, чтобы задавать тренеру заготовленные вопросы, стал рассказывать ему, что в детстве жил во дворе Художественного театра, что у меня была собака эрдельтерьер и что однажды ко мне подошел сам Василий Иванович Качалов и погладил моего пса... Я рассказывал Ахалкаци о декорационных сараях.

Андрей БАТАШЕВ

“ИГРАЮ Я, ИГРАЮТ ВСЕ...”

...и другие футбольные заповеди тренера тбилисского «Динамо» Нодара АХАЛКАЦИ

помолчал и вдруг сказал:— Впрочем, если это кажется вам необходимым, я отвечу на ваши вопросы. «Хочиш смотри, хочиш не...»— вновь вспомнились забавные строки, но теперь я ощутил в них не только наивное простодушие.

...Самолет приземлился в тбилисском аэропорту в два часа ночи. Казалось, что «ТУ-154» сел прямо в толпу— столько людей вышло встречать победителей. Мелькали многочисленные флаги, серебристо светился огромный картонный макет Кубка, а мощь болельщицкого «Ди-на-мо!» ничуть не уступала мощи реактивных двигателей... В каждом из футболистов ощущалась в эти мгновения радость победы, одушевлявшая взгляды, жесты, убыстрявшая речь, придавая ей особую энергию и остроумие. И только Нодар Ахалкаци, словно ничего не слыша, печально смотрел в другую сторону.

Когда я еще в самолете спросил Ахалкаци, чем вызвана эта печаль, тренер ответил:

— А чего веселиться? Надо думать о предстоящих встречах. С «Черноморцем», с киевским «Динамо».

Во время нашей первой беседы Ахалкаци сказал, что всегда отчетливо представляет себе будущую игру— в цвете, во всех деталях. И часто угадывает результат... Я вспомнил об этом, когда тбилисцы в очередных матчах первенства СССР сыграли вничью с «Черноморцем» (1:1) и проиграли киевлянам (0:1). Похоже, что Нодар Ахалкаци еще тогда, в самолете, который привез в Тбилиси Кубок кубков, предвидел, чем закончатся эти встречи. И в тот момент, когда все кругом, казалось, соревновались в изъяснениях радости, размышлял о том, как быстрее преодолеть этот неизбежный спад.

...В Дюссельдорф Ахалкаци прилетел больным: поднялись давление и температура. Обычно во время игры он не встает со своего места, молча следя за ходом встречи. «Окрики с кромки поля крайне редко могут принести пользу,— считает Ахалкаци.— Если ты проиграл в подготовке, вряд ли удастся спасти положение во время самого матча...» На этот раз, во втором тайме, он поднялся и стоя смотрел, как Гудаев забил гол надежды.

— Это был красивый гол,— замечает Ахалкаци.— А потом и Дараселия забил красивый гол.

Были ли они неожиданностью для него?

— Нет. В нынешнем году в игре этих футболистов часто просматривались блестящие мастерства, без которого им в Дюссельдорфе не удалось бы превратить возможность гола в реальность.

...Прямо с трапа герои сражений за Кубок кубков попадали к болельщикам, и те несли их к выходу не просто на вытянутых руках— на пальцах!— чтобы хотя бы на сантиметр выше поднять над землей Кипиани и Чивадзе, Гудаева и Дараселия...

— Футбол,— считает Ахалкаци,— должен доставлять наслаждение зрителям. Если же вместо настоящей игры— скоростной, высокотехничной, пронизанной остроумием атак,— мы предлагаем некую устаревшую видеозапись, которая наскучила всем трафаретностью ходов и убожеством исполнения, значит, мы плохо служим футболу...

В нынешнем сезоне динамовцы Тбилиси честно и талантливо «служили футболу», и лучшее доказательство тому— их импровизации на зеленом поле.

Импровизация. Ее начало— радостное предчувствие того, что сейчас там, впереди, возникнет

ко, и слезы катились у него по лицу...» «Если ты в долю секунды представил себе композицию, а потом сыграл ее— это не импровизация,— говорил мне лауреат джазовых фестивалей Алексей Козлов.— Но бывают моменты, когда ты впервые слышишь то, что извлекают из инструмента твои пальцы. Слушаешь и изумляешься: ведь ты никогда и не предполагал, что такое существует в тебе...» И будто продолжением этих слов звучат размышления Нодара Ахалкаци:

— Иногда игрок ощущает: на него словно бы что-то находит, и он, не отдавая себе полностью отчета в этом, а лишь, как говорят актеры, нутром чувствуя необходимость поступить именно так, меняет решение. И в мгновение ока находит вроде бы нелогичное, а на самом деле— лучшее продолжение.

Для меня важно заметить и оценить эти мгновения, я боюсь помешать футболисту своими замечаниями, когда он творит на поле... Я запоминаю все мелочи, предшествующие импровизации, и иной раз стараюсь в тренировке воспроизвести их, чтобы помочь спортсмену войти в это желанное состояние. И когда в официальном матче игрок поднимается до импровизации, я испытываю счастье...

Чистейшей импровизацией был, на мой взгляд, второй— победный— гол, который забил Виталий Дараселия во встрече с «Карлом Цейссом». Никто— и, я уверен, Дараселия в том числе— не мог предположить, что все так получится. Действительно, справа один партнер открывается, слева— другой. Сама ситуация подсказывает Виталию: ты должен отдать пас кому-то из них. На него летят в этот момент два защитника, третий их страхует, да еще вратарь, которому ничто не мешает выбрать правильную позицию...

У меня было такое чувство, что Виталий сначала решил отдать мяч, но потом вдруг в его сознании произошло что-то неуловимое, и началась вся эта круговерть, когда он одного за другим «убрал» трех защитников и забил этот невероятный, непредвидимый гол.

Ахалкаци в отличие от многих других тренеров никогда не говорит своим подопечным: играйте проще, не делайте ничего лишнего, не фантазируйте. Понятно, что перед игрой он объясняет футболистам, по какой тактической схеме следует действовать, но тут же добавляет:

— Все это относительно. Делайте то, что вы умеете. Если по схеме надо отдать, а вы чувствуете, что лучше обвести,— обводите. Никто вас за это ругать не будет...

Нодар Ахалкаци только в семнадцать лет смог серьезно заняться спортом. Когда ему было тринадцать, умер отец. Нодар старательно учился, помогал матери, и в общем-то ему было не до игры. Окончив с серебряной медалью среднюю школу, Нодар Ахалкаци поступил в Тбилисский институт инженеров железнодорожного транспорта и одновременно в футбольную школу, где его тренером был знаменитый в прошлом мастер Григорий Гагуа. Ахалкаци играл в команде мастеров Тбилисского окружного дома офицеров, в «Локомотиве» (Тбилиси), выступал за сборную Грузии...

— Но все время я испытывал неудовлетворенность собой,— вспоминает он.— Если бы я начал

где мы тщетно пытались найти чудеса, поражавшие нас в «Синей птице», и о том, что уже тогда я понял: в искусстве всегда есть нечто такое, что исчезает, едва опускается занавес...

— Я тоже люблю театр. Если есть возможность— стараюсь наблюдать за работой театральных педагогов и режиссеров,— с неожиданной живостью заговорил Ахалкаци.— Мой друг, главный режиссер Грузинского академического театра имени Шота Руставели Роберт Стуруа, часто приглашает меня на репетиции. Я пристроюсь где-нибудь в уголке и слушаю. Только нужно очень хорошо знать текст, иначе до тебя не дойдет суть происходящего. Интересно, на какие детали обращает внимание режиссер, какие психологические задачи ставит он перед актерами и как добывается своего.

Я думаю, что футбол— это тоже искусство, а игроки— в своем роде актеры. Я запоминаю их лица, глаза, когда они создают свою игру на поле, несмотря на самое сильное сопротивление противника.

Произнеся этот монолог, Нодар Ахалкаци замолк и посмотрел на меня. В этот миг я понял, кого он напоминает. Конечно же— и по характеру и даже по комплекции,— это симоновский Мегрэ, который и в роли футбольного тренера не утратил своей редкостной выдержки и пронизательности. Стремись получить подтверждение этому, я спросил:

— Были ли в вашей практике случаи, когда вы сумели заранее разгадать противника и, доверившись своему впечатлению, подготовили ему ловушку?

— Были, как, наверное, у всякого тренера,— ответил Ахалкаци.

В 1978 году перед встречей с «Наполи» на Кубок УЕФА старший тренер тбилисцев ездил в Италию. И там журналисты атаковали его вопросом: «Как сейчас играет Кипиани?» Годом раньше Давид поразил воображение итальянцев, забив гол в ворота другого итальянского клуба— «Интернационале».

— Это и навело меня на мысль,— рассказывал Ахалкаци,— какого рода сюрприз нужно преподнести нашим соперникам. До этого я не был уверен, что выставлю Давида на матч.— у него была небольшая травма. Но теперь решил: он будет играть. Только не так, как предполагают итальянцы. Они знали, что Кипиани обычно оттягивается назад и из глубины начинает комбинацию. На этот раз, учтя его физическое состояние, мы выдвинули Давида вперед— к свободному итальянскому защитнику «либеро». На этом месте играл спортсмен уже в возрасте, утративший высокую скорость. Он не успевал за нашим форвардом, а футболист, которому было поручено опека Кипиани, совершенно растерялся в новой ситуации. Все это стало неожиданностью для итальянского тренера. Он начал кричать на своих игроков: разберитесь, мол, что к чему. Но, пока они разбирались, Кипиани забил один гол, а затем организовал второй...

Последние слова Ахалкаци прозвучали с неожиданной грустью, словно произнес их не он, а тренер проигравшей команды.

— Да...— задумавшись, заметил Ахалкаци,— выигрывает команда, проигрывает— всегда!— тренер. Если нарушаются взаимоотношения руководителя команды и какого-нибудь знаменитого игрока, то

обычно в отставку уходит тренер. Больно это... И тем не менее я за то, чтобы в команде были «звезды». Потому что яркие игроки привносят в футбол особенности ярких индивидуальностей.

— Многие уверены, что вы убежденный сторонник атакующего футбола...

— Я не подразделяю футбол на оборонительный и атакующий. Нужно и обороняться и нападать. Есть тренеры, которые заранее отдают мяч противнику и ждут, когда он начнет атаковать. Единственная их цель — выстоять и, может быть, если повезет, забить. По-моему, это не футбол.

И все же мой вопрос не был неожиданным. Динамовцы Тбилиси, даже выходя в гости, не отсиживаются в обороне, а, запустывая соперника неожиданными, взрывными комбинациями, бесстрашно штурмуют ворота, завоевывая зрительские симпатии и превращая «чужие» стены в «свои», как это было, например, в Англии, где тбилисцам, обыгравшим «Вест Хем» со счетом 4:1, стоя рукоплескал весь стадион...

Соперники динамовцев, как правило, готовы принести в жертву красоту футбола, лишь бы не дать тбилисцам сыграть в свою — открытую непредугадаваемую — игру. Так, кстати, действовали и футболисты «Карла Цейсса», которые пытались остановить «Динамо» с помощью жесткой персональной опеки.

— К Кипиани был прикреплен Краузе, — вспоминает тренер тбилисцев. — Я был уверен, что в конце концов он устанет быстрее, чем Давид. Ведь очень трудно все время бегать за кем-то, мешая ему и заранее отказываясь от возможности что-то создать самому. Это утомляет психологически...

— Что-то в этом роде было в одном из матчей нашего внутреннего чемпионата, — вступает в разговор Давид Кипиани. — Тогда соперники точно так же приставили ко мне «сторожа». Не хочу называть его имени. Молодой парень, может, будет еще хорошо играть. Случилось так, что я неудачно упал и подвернул ногу. Ко мне подошли врач и массажист, вытащили на беговую дорожку, стали заливать ногу хлорэтилом. Потом я поднял голову, смотрю — мой «персональник» стоит в метре от меня. А на поле игра идет, понимаете. Я говорю: «Чего же ты сейчас-то рядом стоишь?» «А мне велели тебя стеречь». «А если бы я на трибуну ушел? Ты что, стал бы меня сопровождать?» «Обязательно...»

Когда-то «Динамо» (Тбилиси) называли командой настроения, у которой взлеты чередуются с падениями. Говоря о причинах этого, тбилисцы в разговоре со мной как анекдот привели давний эпизод. В тридцатые годы в клубе работал французский тренер Лимбек. И его очень беспокоило то, что его подопечные не упускали случая продегустировать знаменитые грузинские вина. Но когда тренер обратился к руководителям республиканского футбола с просьбой как-то повлиять на спортсменов, те удивились: «А почему бы и вам не принять участия в традиционных застольях?»

Сегодня строжайшая дисциплина — закон для каждого футболиста тбилисского «Динамо». И следствием этого стала стабильность их выступлений. За последние пять лет тбилисцы дважды завоевывали Кубок СССР, были чемпионами, серебряными и бронзовыми призерами первенства страны. Оценивая класс динамовцев, следует учитывать, что они умеют тактически перестраиваться как в ходе всего турнира, так и в течение одного матча. И еще одно достоинство, приобретенное игроками «Динамо» за последние годы, — мужская сила характера. Этот клуб борется с первой до последней минуты матча, борется и тогда, когда, кажется, все — и стечение обстоятельств и даже судья (бывает и такое!) — против него...

Так было в ответном матче с «Фейеноордом» в Роттердаме, матче, в котором решался вопрос, кто же выйдет в финал розыгрыша Кубка кубков.

— Это была самая тяжелая игра за весь турнир, — рассказывает Нодар Ахалкаци. — Трижды мы забивали голы, и трижды судья не засчитывал их. После каждого такого решения настроение у нас не то что падало — все обвалилось внутри... А голландцы, забив нам два гола и чувствуя поддержку арбитра, видимо, поверили, что дело сделано. Но наши футболисты не позволили им развить успех.

...Когда я вижу, как на крошечном пространстве в штрафной площади тбилисцы разыгрывают быстрое сложное комбинации, я вновь и вновь вспоминаю крохотные тбилисские дворики, где мальчишки гоняют мяч чуть ли не круглые сутки. Здесь соприкасаются кроны деревьев и человеческие судьбы; здесь в естественной гармонии сосуществуют старина и современность; здесь бабушки юных футболистов, переговариваясь по телефону и одновременно следя за выражением лиц друг друга (расстояние между окнами не превышает пяти — десяти метров), делятся информацией, почер-

пнутой у внуков, о том, что у великого Пеле все же не было финта, которым обладал великий Месхи...

— У меня трое детей, — говорит Нодар Ахалкаци. — Это — счастье. Но есть у тренера дети или нет, он все равно должен видеть их в своих футболистах...

И когда бы динамовцы Тбилиси ни вышли на тренировочное поле, у них всегда есть зрители — дети, замороженно следящие за каждым движением своих кумиров. И этот детский взгляд соединяет настоящее и будущее грузинского футбола...

Когда новичок впервые приходит на динамовскую базу, Ахалкаци может остановить его словами:

— Ты к кому пришел?

— Я... к футболистам, — теряется тот. — Тренироваться...

— Ну что ж. Не забывай об этом. Всегда помни, к кому и зачем пришел, — усмехается тренер.

Иногда Ахалкаци прерывает обычное занятие:

— А ну-ка покажите, на что вы способны. Удивите трюками!

И начинается состязание на виртуозность: футболисты жонглируют одним, двумя мячами, некоторые даже с закрытыми глазами, демонстрируют остроумные остановки, пасы, переводы мяча...

На тренировке от динамовцев Тбилиси так же трудно оторвать взгляд, как и во время игры. Необычайные передачи, замысловатые финты, неправдоподобные обводки сменяют друг друга, рассыпаясь, дробясь и вновь соединяясь в сложный узор. А затем, когда они начинают тренироваться индивидуально, вдруг возникает ощущение, что каждый из них наделяет мяч какими-то своими, только ему присущими свойствами. Ну, конечно же, вот этот, озорной, лукавый, принадлежит Владимиру Гуцаеву, а вот тот, с академической безошибочностью описывающий сложную траекторию в полуметре от земли, — Кипиани, этот же, с подчеркнутой резкостью ударяющийся о деревянный щит, несет в себе волю Отара Габелия, движения рук которого четки и решительны, словно взмах крыльев...

После окончания общей тренировки на поле остаются вратарь Габелия, Ахалкаци и кто-нибудь из нападающих. «Один... пять... пятьдесят...» — считает удары тренер. И только когда пробит последний — сотый — одиннадцатиметровый, заканчивается это специальное занятие.

— Я с большим уважением отношусь к легкоатлетам, — улыбаясь одними глазами, говорит Ахалкаци. — Вот, например, Виктор Санев три золотые и серебряную олимпийские медали завоевал. Сколько лет бегают, прыгают — и все без мяча! С большим уважением отношусь...

Мне кажется, что Нодар Ахалкаци острее, чем кто-либо, видит в своих игроках тех самых восторженных мальчишек, для которых футбол — это и легенда, и действительность, и мечта. И в самом деле, у этих известных мастеров тоже есть кумиры, о которых они говорят с таким же восторгом, как мальчишки о них самих...

Давид Кипиани:

— Аргентинские форварды Люке, Кемпес, Бертони способны в штрафной площадке, на пятачке, четыре-пять раз сыграть в «стенку». Это высший пилотаж!

Владимир Гуцаев:

— Я в принципе могу предугадать действия почти всех игроков. За исключением аргентинцев. Каждый ход Бертони (он, как и я, крайний нападающий) восхищал и изумлял меня.

Значит ли это, что тбилисцы ориентируются на латиноамериканский футбол?

— Да, мы смотрим туда, — говорит Ахалкаци. — Но стремимся к синтезу между южноамериканским и европейским стилями. А кроме того, не забываем об атлетической подготовке... Я слежу и за другими игровыми дисциплинами: регби, хоккеем, баскетболом. И некоторые комбинации, характерные для этих видов спорта, стараюсь использовать в нашей практике.

— Какими качествами должен, по вашему мнению, обладать идеальный тренер?

— Об этом хорошо сказал Хемингуэй, но, разумеется, применительно к писательской профессии. Так вот, во-первых, нужен талант, большой талант. Потом самодисциплина. Самодисциплина Флобера. Потом надо иметь ясное представление, что из всего этого получится. И надо иметь совесть, такую же абсолютно неизменную, как метр-эталон в Париже. Думаю, что и в футбольной работе требуется что-то в этом роде. Правда, комплекс подобных качеств встречается у нас ничуть не чаще, чем на литературном поприще. Я, например, вижу в себе много недостатков. Не очень хочется о них рассказывать, но, видимо, надо. Я вспыльчив и порой чересчур резок в обращении с ребятами. Не люблю, когда опаздывают, когда тренируются спустя рукава. Я таких спортсменов могу выгнать с занятия...

— Ну, а что вы больше всего цените в своем

тренере? — этот вопрос я задал лидеру тбилисцев Давиду Кипиани.

— Честность, — ответил он. — Ахалкаци — это человек, который никогда не жертвует лицом ради положения. Никто и ничто не заставит его изменить своим принципам — жизненным и спортивным.

Кончается игра — мы едем домой, а Ахалкаци — на динамовскую базу. Там он допоздна будет сидеть за журналом, анализируя и записывая все, что произошло сегодня и что предстоит сделать завтра. Он позже всех ложится спать, а в семь утра уже на ногах — осматривает поле, беседует с врачом, готовится к очередной тренировке.

Если спортсмен чувствует, что тренер недобросовестно относится к своим обязанностям, он может и себе кое-что позволить. Но когда ты видишь, что этот человек больше всех трудится, иной раз даже в ущерб своей семье — и все для того, чтобы тебе было хорошо, — ты просто не имеешь права его подвести.

— Тренер никогда не требует от нас того, что неприятно самому футболисту, — поддерживает товарища Владимир Гуцаев. — Он не говорит, на какой минуте снизить темп, на какой увеличить. Мы чувствуем: он верит в нашу интуицию, а значит, и в нас.

Как же воспитывают «звезд» в тбилисском «Динамо»? Думаю, что ни в физической, ни в технической, ни в тактической подготовке у тренеров тбилисцев нет особых секретов. Главное достоинство этой школы, на мой взгляд, бережное отношение к игроку, умение увидеть в спортсмене его сильные стороны, развить их и доказать ему самому, что он талантлив. Поэтому-то после каждой игры, после каждой тренировки Ахалкаци не пропускает случая обратить внимание игроков на все их большие и маленькие удачу...

Если в жизни кого-то из ребят происходит радостное или трагическое событие, тренер никогда не требует от своего ученика, чтобы тот, подавив в себе естественные человеческие чувства, продолжал тренироваться, как автомат. В такой день все футболисты садятся в автобус и едут в тот дом, в ту семью, где они нужны, чтобы разделить радость или горе...

Несколько лет назад я все попытался у ветерана команды Пируза Кантеладзе, чем же все-таки берет Ахалкаци. И Пируз (он тогда играл последний сезон) рассказал мне такой эпизод:

— В последнем матче я плохо сыграл в первом тайме. В перерыве в раздевалку входит Ахалкаци, топчется около меня, ничего не говорит. А потом вдруг рядом оказался молодой защитник. И Ахалкаци стал разбирать его ошибки в тактике. Но я-то понял, что говорил он все это для меня... Иногда тренер делает вроде бы незначительные, обязательные замечания. Я догадываюсь зачем: чтобы незаметно дать нам передохнуть...

О подобном проявлении тренерского такта говорил мне и дебютант команды Заур Сванадзе, который всего первый сезон выступает за основной состав «Динамо»:

— Утром мы вышли на зарядку перед очередной встречей. А Ахалкаци в тот день прилетел из Голландии, где смотрел игры «Фейеноорда». И вот проходит он мимо, вроде даже и не смотрит на меня, и вдруг я слышу: «Тебе сегодня не надо ничего делать. Просто так погуляй...» Я действительно чувствовал себя усталым, сказать же об этом не решался. А тренер сам обо всем догадался. Понимает он футболиста, будто читает, что у него внутри...

...Да, конечно же, характеры динамовцев Тбилиси раскрываются в игре, в том, как они мыслят, чувствуют, действуют на зеленом поле. Но одного этого все-таки мало, чтобы составить себе представление о том, каковы они вне стадиона. Для этого нужно знать, что все они или уже получили высшее образование, или учатся в институтах; что, скажем, Александр Чивадзе — экономист по профессии; что Отар Габелия учится в Грузинском институте субтропических культур и собирается стать агрономом-чаеводом; что выпускник юридического факультета Тбилисского университета Давид Кипиани все свободное время тратит на изучение специальной литературы, так как «юрист — это профессия, где каждая ошибка может очень дорого обойтись людям»; что студент юрфака Владимир Гуцаев мечтает вырастить сад, привести туда друзей и подарить им выращенные собственными руками виноград и цветы...

...Когда футболисты разъезжаются по домам, отовсюду звучит музыка. И в этом разнообразии приглушенных мелодий слух отыскивает ту, на которую ложатся слова: «Танцую я, танцуют все». И я думаю, что сегодня они могли бы прозвучать иначе: «Играю я, играют все...»

И снова в моей памяти всплывают слова Ахалкаци:

— Все, что имеет аудиторию и доставляет радость людям, — это искусство. Значит, и футбол может быть искусством...

Художник О. П. ФИЛАТЧЕВ

Леонид
ЖУХОВИЦКИЙ

КАК СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Публицистические заметки. Статья вторая

ШАГ СО СТУПЕНЬКИ

Биография счастливого человека началась лет пять назад. До того была просто молодая женщина, в основном благополучная, в мелочах, может, и неудачливая — словом, вполне нормальная. И жизнь ее шла не только не хуже, чем у других, но, пожалуй, даже лучше.

Жила она в Ростове-на-Дону, где окончила университет, работала там же на кафедре психологии, готовилась писать кандидатскую и намеревалась в будущем заниматься научной деятельностью, к которой имела неплохие способности. Зачитывалась Бахтиным, ловила в периодике статьи современных мыслящих социологов, следила за успехами экспериментальной педагогики. А в свободное время ездила по школам и читала старшкласникам лекции на популярную тему о дружбе, товариществе и любви.

Короче, Татьяна Викторевна прочно стояла на ступеньке того эскалатора, что со временем почти автоматически поднял бы ее к самостоятельной работе, кандидатской, а возможно, и докторской степени, к уважению окружающих, к вполне заслуженному достатку — в общем, к тому, что мы справедливо называем достойной, состоявшейся жизнью.

Чего-то недоставало? Да, пожалуй. Чуть-чуть недоставало общения с детьми.

Лекции в школах насыщали все же не полностью ответы на записки, конечно, тоже общение, но холодноватое, отстраненное, как на зимних вокзалах воздушные поцелуи сквозь двойное стекло. А будущая кандидат и, возможно, доктор наук с детства мечтала быть учительницей.

Но мало ли что нам мерещится в детстве! Тем более, что к моменту окончания университета Татьяна Викторевна достаточно критически относилась к типовой школьной педагогике. Короче, в настоящем и будущем не хватало такой малости, что в трезвых житейских расчетах ее и учитывать смешно.

Вот я написал фразу и задумался: а как назвать эту малость? Чего не хватало моей героине (прошу прощения за банальный термин, из-за неумеренного употребления давно уже не пахнущий ничем, кроме типографской краски)? Семья была. Профессия была.

Перспектива была. Даже хобби было — лекции в школах.

Если быть точным, не хватало только счастья. Я написал, что в житейских расчетах мы эту малость не учитываем. Это не риторическая фигура: дескать, вы не учитываете, а я — совсем иное дело. Нет, мы не учитываем. Обратись в тот момент ко мне Татьяна Викторевна за советом — как дальше жить? — скорей всего, я сказал бы: как жили, так и живите. В крайнем случае возьмите подростковый кружок при жэке два раза в месяц. Не ломать же налаженную судьбу из-за инфантильной мечты!

Самое любопытное, что я поступил бы правильно. Такие вещи, как семья, профессия, даже сложившийся быт, создают многими годами и тяжелым трудом. Сломать это недолго, а потом? Новый вариант может оказаться куда хуже. Поэтому я считаю: раз человек советуется — значит, может терпеть. Раз может терпеть — пусть терпит. Право же, строить новое ничуть не легче, чем ремонтировать старое.

Но моя героиня ни с кем советоваться не стала. Рывком, в один сутки, она соскочила с завоеванной долгими стараниями ступеньки эскалатора и бросилась в жизнь, как в незнакомое море, не зная, хватит ли сил доплыть до острова на горизонте и есть ли вообще там остров — может, просто полоска тумана.

Случилось это вот как. Вечером она посмотрела в одном из городских кинотеатров фильм «Ты и я». Картина по построению довольно сложная, но есть в ней и такой сюжет.

Молодой врач, недавний выпускник, мечтавший о работе в глубинке, сблизается «загранкой» и попадает врачом же в наше посольство где-то на Западе, в весьма развитой стране, если не ошибаюсь, в Швеции. Там он живет обеспеченно и неплохо, но чего-то не хватает. В один прекрасный день он увольняется, возвращается домой и едет в ту самую глубинку, о которой мечтал. Там, в бревенчатой больнице, он вылечивает девушку — и так далее.

Картину эту я смотрел, она показалась мне талантливой, но особого впечатления все же не произвела. А сюжет с бегством посольского доктора в романтическую глушь выглядел, на мой взгляд, легковесно и характером не подтверждался.

Но на молодую сотрудницу кафедры психологии он действовал, как движенье спускового крючка. На следующий день в перерыве заседания кафедры она ушла из университета и чуть не бегом бросилась в

находившийся неподалеку Дворец пионеров. Там зашла к директорше и сказала, что хочет работать с детьми. Больше на кафедру она не вернулась.

Сейчас я пытаюсь понять, что же именно в фильме «Ты и я» талантливо, но не первоклассно, могло так подействовать на нее?

У меня есть своя версия — странная и, вероятно, не слишком убедительная. Все же выскажу ее.

Лет, наверное, пятнадцать назад я должен был лететь в Ереван на заседание Советско-болгарского клуба творческой молодежи. Прошла регистрация, увезли багаж, но посадку все не объявляли. Я бродил по аэровокзалу, без особого любопытства поглядывая вокруг, но внезапно остановился и, как провинциал на витрину ГУМа, уставился на женское лицо. Прекрасно понимал: неприлично и просто глупо. Но стоял дурак дураком и смотрел.

Женщина была молодая, рослая, с фигурой стройной и сильной, а может, так казалось потому, что даже в неподвижности ее были энергия и напор. Она стояла у колонны, что-то весело говорила двум молодым мужчинам, и сама улыбка ее была напористой и резкой. Эти двое были явно не рядовые, творческие, один с модной, под Добролюбова, бородой, но при ней они терялись, как статисты при «звезде». Лицо у нее было узкое, прямые волосы до плеч — при движении головы они поднимались единым взмахом, как галочье крыло.

Но главное было не это. Главное — глаза, из которых просто била наружу веселая азартная энергия, была с такой силой, словно где-то в глубине узкого румяного лица была скрыта мощная, свечей в пятьсот, лампа. Что это было — талант, характер, вера в себя?

Через час мы оказались в одном самолете. Через день познакомилась с ней Лариса Шепитько — кинорежиссер редкого таланта и счастливой судьбы, оборванной лет десять спустя автомобильной катастрофой. Лариса Шепитько, автор фильма «Ты и я».

Повторяю — картина не кажется мне полноценной удачей, что-то не сложилось в сценарии, и литературные слабости размыли яркую ленту в нескольких важных местах. Но, видимо, произошло одно из чудес, на которые так щедро настоящее искусство. Сработало не главное, так второстепенное, не сюжет, так деталь, не характер, так мысль — в чем-то все же вспыхнула яростная, бескомпромиссная счастливость Ларисы Шепитько. И пятисотсвечевая лампа, спрятанная где-то в глубине ее глаз, зажгла ответный огонь в другом человеческом лице.

ПОЧЕМУ ЖЕ ИМ ВЕЗЕТ?

Итак, Татьяна Викторевна в течение суток посмотрела фильм, ушла с заседания кафедры и поступила на работу во Дворец пионеров, тем самым кардинально переиначив не только свою сегодняшнюю жизнь, но и отдаленные перспективы.

Этот малый отрезок времени я попытаюсь проанализировать подробно, ибо человек счастливый отличается от обычного не столько из ряда вон выходящими поступками, сколько мотивами и деталями поступков обычных. Скажем, все вступают в брак, но одни потом всю жизнь кусают локти себе и компаньону по супружеству, а другие, идя по такому же коридорчику, тем не менее приближаются к «земному блаженству».

О решающем дне своей жизни Татьяна Викторевна рассказывает так:

— Мне повезло. Директор Дворца пионеров тоже оказалась сумасшедшей. Поговорила со мной полчаса и тут же стала подыскивать место.

Итак, тоже сумасшедшая. В этом определении есть известный резон.

Молодая психологиня, под влиянием фильма бросившая прекрасную работу и пришедшая наниматься на новую без всякой предварительной разведки, с нормальной точки зрения поступила безрассудно, или, ежели быть зафемизован, глупо. Директорша, принявшая ее на работу по первому впечатлению, без рекомендаций и характеристик, тоже поступила глупо. В результате двух глупых поступков обычная женщина стала счастливой, а Дворец пионеров приобрел прекрасного работника.

Почему так получилось? Как это объяснить? Короче всего и определенной — одной из самых любимых наших пословиц: «Дураком везет». Или в старой и более возвышенной модификации Далева словаря: «Дураку везде счастье».

Отвлечемся на минуту от здоровой иронии фольклора и подумаем: а не кроется ли за шутливой формулой вполне реальная закономерность? На мой взгляд, кроется.

Не случайно все мы, тщательно скрывая от окружающих свою хитрость, жадность, эгоизм и прочие сомнительные качества, охотно признаемся в глупости: «А я, дурак, что думаю, то и говорю», «А я-то, дура, влюбилась в него очертя голову!» Вот и Татьяна Викторевна спокойно назвала себя сумасшедшей и любимую начальницу за компанию.

Нет, быть дураком не стыдно. Наша великая лите-

ратура оставила потомкам вдохновенные, любовно выписанные образы дураков.

Толстовские Платон Каратаев или Аким из «Власти Тьмы», конечно же, глупы рядом с Карениным или Иваном Ильичом: ну, ничего не смыслят в житейской дипломатии! Из героинь «Войны и мира» самая глупая — и, вероятно, самая нами любимая — Наташа Ростова. Ну, как вела себя с Борисом Друбецким! А с Анатолом Куралыным? Чеховская Душенка — просто символ глупости. Любой из мужей был умнее Оланы в десять раз. А читателю — даже такому, как Лев Толстой, — милее именно она.

Кстати, и в знаменитой серии наших сказок самый удачливый, самый счастливый герой как раз Иван-дурак, а не его хитроумные родственники.

В чем же сила и удача дурака?

Он откровенен, бесхитроуен, для коварного удара совсем открыт. В этом слабость — дурака легко обмануть. В этом сила — дурака совестно обмануть.

Дурак, не умея петлять, идет к цели прямым путем: чего хочет, то и просит. В результате экономится куча времени, которая у умного уходит на летли.

Не умея рассчитать отдаленные последствия своих поступков, дурак вынужден действовать, полагаясь лишь на свое представление о справедливости, проще — на совесть. С дураком тоже будут поступать по совести, ибо — еще одна веками утвержденная мудрость! — долг платежом красен.

Дурак, как правило, плохо понимает людей. Он может, и рад бы подладиться к собеседнику, да не умеет. Приходится оставаться самим собой, что вызывает уважение и симпатию.

Короче, дурак ведет себя естественно, действует откровенно и по совести, именно этим располагая людей к себе. Наверное, любой из нас с наслаждением обвел бы вокруг пальца Растинька или Остапа Бендера. Но у многих ли хватит низости обмануть князя Мышкина?

Вероятно, в силу изложенных причин и получается, что «дураку везде счастье».

Ну, ладно — глупому хорошо. А нам, умным, как быть? Неужели нам счастье заказано?

Вовсе нет. Счастья в мире много, на всех хватит. Просто давайте попробуем жить естественно, откровенно и по совести.

Может, тогда и пойдем до конца мудрую глубину русских сказок, в которых на поверку самым умным оказывается именно Иванушка-дурачок.

ПО ЗАКОНАМ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Итак, Татьяну Викторовну взяли работать с детьми. Но взята мало, надо еще и оформить. Использовали единственную свободную ставку, и стала наша героиня руководителем драмкружка. Теперь можно было вплотную приступать к новой жизни.

Ставить спектакли, даже самодеятельные. Татьяна Викторовна не удела. Вероятно, могла бы быстро научиться, но не стала. Стала делать то, к чему лежала душа. Черновая идея была — эстетическое воспитание.

Она обошла несколько школ, в которых прежде выступала, и позвала ребят на открытие клуба подростков, увлеченно, хотя и туманно изложив его программу. Человек тридцать на первую встречу все же пришли. Поскольку опыта клубной работы у начинающей руководительницы не было, она сделала то, что умела наверняка: прочла лекцию.

Так уж повелось, что множество живых и мертвых дел начинается у нас одинаково — с лекции. Поэтому в первом шаге Татьяны Викторовны не было ничего особенного. Особенной была тема лекции.

Один из старожилов и основателей клуба, ныне двадцатитрехлетний Леша, сформировал эту тему так: «О карнавализации и мениппе».

Впечатляет? (Для справки. Мениппе — сложный и редкий литературный жанр, в котором написан, в частности, гениальный роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Карнавализация... Впрочем, о ней разговаривать еще будет.)

Я спросил Лешу:

— Как ты воспринял эту лекцию?

Он ответил:

— Я был ошеломлен.

— Все понял?

— Ну что вы! Конечно, нет.

— А интересно было?

— Не то слово. Я понял, что столько не знаю...

Вот так начался клуб.

Теперь я хотел бы решить не жизненно важную, но все же существенную задачу: как дальше называть нашу героиню?

Наша героиня? Занудно. Татьяна Викторовна? Официально и слишком торжественно. По фамилии — Тамбиева? Вообще казенно. Таня? К сожалению, непедагогично — все же руководитель.

Видимо, та же задача встала перед ребятами из клуба, и они решили ее в духе времени: взяли инициалы в английской транскрипции. Получилось нежно, как птичий посвист: ТиВи!

Поскольку за последние пять лет Татьяна Викторовна привыкла к этому имени больше, чем к паспортному, я тоже буду звать ее так.

В том, как ТиВи начала новую жизнь, больше всего меня поражает не внезапный успех странной стартовой встречи, а иное, более общее: то, что буквально с первого шага на новом пути она стала жить по законам счастливого человека. Не постепенно, а сразу.

Как устраивалась на работу, я уже рассказывал. Теперь — эта лекция. С позиций любой методической инструкции она была невозможна и просто нелепа. Вступительная беседа — про мениппе?

Но счастливый человек, как правило, говорит с окружающими не о том, что принято и рекомендовано, а о том, что больше всего волнует его в данный момент. Разумеется, он может зажечься и от рекомендованной темы. Но вот о том, что ему скучно, говорить не станет, это уж точно. Ибо в разговоре счастливый человек не прячет себя, а открывает. Тут, правда, надо сделать оговорку: счастливый человек вовсе не эгоцентрик — он чутко слушает жизнь и от чужих проблем зажигается, как от собственных.

ТиВи заговорила со случайной подростковой аудиторией о вещах, предельно для себя интересных. И случилось закономерное: интерес зажег интерес.

Следующий шаг ТиВи был опять по закону счастливости. Она не стала подстраивать себя под занимаемую штатную единицу (руководитель драмкружка), а естественно и потому легко принялась создавать рабочее место лично для себя. Впрочем, об этом она не думала: просто старалась дать ребятам максимум того, что сама знает о жизни, искусстве, счастье. В результате форма клуба обогнала его суть: покладисто и удобно, как эластичный носок — ногу.

Попробуем разобраться: как вышло, что молодая, не слишком искушенная в жизни женщина, еще неделю назад спокойной существовавшая по законам и правилам кафедры психологии, внезапно стала жить по законам счастливости?

В принципе каждый из нас хочет быть счастливым. Но еще и красиво одетым. И дипломированным. И денежным. И со степенями. И со славой. И с должностью. И с машиной. И еще с чем-нибудь.

Не будем ханжками — все это нужно человеку. Пусть берет, сколько заработал по совести и чести.

Но вот какая беда — рюкзак путника не беспредель! Все не влезет. А влезет — не унесешь. А унесешь, так недалеко. Вот и приходится выбирать.

Объективности ради нужно заметить: счастье занимает много, очень много места. Порой, чтобы влезать его на спину, человек вынужден выкинуть из дорожного мешка и должность, и славу, и деньги, и даже диплом. А ведь жалко! Вот и суетимся и надрываемся, безнадежно пытаемся не упустить ничего...

Как уже говорилось, на кафедре ТиВи ждала степень, должность и прочее... Все это она одним движением вытряхнула из рюкзака. И разом освободилась. Ибо теперь ее единственной заботой стало счастье: счастье выражать себя в любимой работе, счастье общаться с подростками, счастье учить их счастью.

Впрочем, по инерции она еще какое-то время подумывала о диссертации: дескать, соберет дополнительный материал и т. д. Потом эту идею оставила. Ведь диссертация не книга, даже не статья, польза от нее разве что самому диссертанту: дает прибавку к зарплате и утверждает его право заниматься любимой работой. А ТиВи и так, без всяких диссертаций, занималась любимой работой.

Кстати, о зарплате. На новом месте ТиВи положили оклад — 70 рублей. Узнав об этом, я возмущился: прекрасный работник — и минимальная ставка! Потом понял, все верно. Таким, как ТиВи, наверное, и надо мало платить. Вот человеку унылому, душевно ленивому, к работе и людям равнодушному — тому зарплата нужна хорошая. Он, бедолага, тоскливо отбывает свои восемь часов и свешивает в кафе, в кино, к пивному ларьку, чтобы купить себе на пару целковых дневной минимум радости.

А ТиВи получает радость прямо на рабочем месте — зачем же ей платить лишнее?

Это, естественно, шутка. Но, пожалуй, о деньгах стоит поговорить всерьез, верней, об одном связанном с ними парадоксе.

С известной долей условности можно сказать, что к счастью ведут два основных пути. Можно постепенно накапливать реальные житейские блага — деньги, должности и т. д. — надеясь, что счастье к ним приложится потом. И можно, как ТиВи, идти к счастью напрямик, минуя промежуточные ступени.

Парадокс же заключается в том, что человек, стремящийся к реальным благам, часто не получает не только приложения в виде счастья, но и самих этих реальных благ. Да, ему очень хочется. Но ведь и другие хотят.

А тот, кто думает лишь о счастье, порой автоматически получает все остальное. Ведь он выбирает дело по душе, занимается им с увлечением и, как правило, становится рано или поздно настоящим

мастером. А за хорошую работу не только уважают, но в конце концов и платят больше, чем за халтуру.

Жизнь — сверхмарафонская дистанция. Побеждает не тот, кто прямо со старта рвет к призам, а тот, у кого с мгдрых ногей верно поставлено дыхание.

ЮНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА КАРНАВАЛЕ

Искушенный читатель сразу же решит, что тему вступительной беседы ТиВи выбрала во имя хитрой завлекательности — мол, сперва ошарашит ребят неожиданностью, а уж потом, в ошарашенных, станет помаленьку вгонять не карнавальные, а вполне нормальные педагогические идеалы.

Так вот, искушенный читатель ошибется. Для ТиВи карнавализация была не ораторской приманкой, а одним из главных принципов будущего клуба. Видимо настал момент подробнее рассказать о клубе. В чем его особенности? Зачем он понадобился ТиВи?

Сперва интуитивно, а потом и сознательно она стремилась использовать клуб для того, чтобы с помощью эстетики, творчества и общения менять к лучшему жизнь подростков. Прежде всего трудных подростков. Конкретно — учить их счастливости. Задача благородная. Но как ее осуществить?

Для начала разберемся в терминах. Трудный подросток — кто он? Двоечник, нарушитель классной дисциплины, дворовый хулиган, несовершеннолетний преступник? Круг широк.

Ну, а что в этих ребятах общее? То, что с ними нам трудно. Нам, взрослым. Родителям, учителям, милиции.

Но с полным и даже большим правом можно эту монетку повернуть другой стороной. Трудные подростки — это те, кому трудно. Трудно с родителями, учителями, соседями. Трудно с одноклассниками и знакомыми по двору. И даже с собой. Трудно.

С этой позиции в категорию трудных надо включить и нелюдимого, зажатого, болезненно стеснительного паренька, и тихую девочку, измученную сознанием своего мнимого уродства, и отличника, не имеющего друга, и вообще любого одинокого подростка, потому что любому одинокому трудно. И вот всем этим ребятам — от вороватых парней до некрасивых девочек — ТиВи надеялась с помощью клуба вылечить жизнь. Одним из главных лекарств и была карнавализация.

Что это такое?

Современный человек, как, впрочем, и человек прошлых эпох, существует в определенных, достаточно жестких рамках. Вот служба, вот семья, вот быт. Тогда-то явиться, тогда-то уйти. Каждый день похож на предыдущий.

Правда, есть еще свободное время, но и оно свободно лишь до известных пределов. Театр, ресторан, стадион — пожалуй, да. Но и вести себя соответственно и оданься, как принято. На пляже курортного города сколько хочешь валяйся в купальном костюме, но поднимись на четыре ступеньки, и на набережной за тот же купальник тебя может оштрафовать милиционер. Любви все возрасты покорны, но на улице знакомиться неприлично. У первого встречного можно без стеснения попросить сигарету, но не три копейки на трамвай.

Мы живем среди этих далеко не очевидных рамок, почти их не замечаем. Но изо дня в день что-то накапливается, и постепенно окружающее приобретает сумрачный, землистый цвет. В пятницу винные магазины легко делают трехдневный план. Нужна разрядка, говорим мы, объясняя эту потребность недельной усталостью.

Но при чем тут усталость? Дома мы «разряжаемся» раз в неделю, в отпуске — чуть не каждый день...

Конечно, есть профессии, у которых рамки особенно свободны. Скажем, поэту или живописцу вешать табель не надо, и сама работа их в какой-то мере является разрядкой.

Надо сказать, что у детей всевозможные рамки даже многочисленней и тесней, чем у взрослых.

Взрослый хоть дома хозяин — ребенок и там подчинен. Взрослый тоже может выполнять свои обязанности на двоючку, но его не встретит на пороге отец с ремнем. Взрослый зовет в гости кого хочет, ребенок — кого разрешат.

Маленький человек ниц, мы тратим карманный хоть трояк, да по-своему, а он дауривенный на мороженое вынужден просить, да при этом еще порой и нотацию выслушивать. Трудно!

Да, трудно все время быть подчиненным. Родитель давит, учитель давит, старшеклассник давит, сверстник, что посылнее, тоже давит...

Не потому ли дети так привязываются к бессловесным — собаке, кошке, кролику? Не потому ли порой так жестоко мучают их?

Вообще ребячья разрядка иногда принимает формы страшные. И причина ее не всегда в том, что «недовоспитали». Бывает как раз наоборот. Достоинство, самолюбие, творческий инстинкт, наконец, просто свобода маленького человека — это пружина.

которую нельзя безнаказанно сжимать до предела...

В разные эпохи в разных странах существовал — да и сейчас существует — интереснейший праздник: карнавал. Где-то он длится три дня, где-то две недели. И на весь этот срок обычные законы поведения уступают место законам карнавальным. Что весь год нельзя — в дни карнавала можно. Все в масках, все на «ты». Знакомиться на улицах, танцевать на площадях, горланить песни и ходить, обнявшись, не только прилично, но и прекрасно. Люди раскованы, свободны, каждый в городе — хозяин.

Собственно, карнавал — это всеобщая разрядка, после которой легче вновь поднять на плечи многочисленные обязанности будней.

Детям карнавал нужен не меньше, чем взрослым, пожалуй, даже больше. У дошколят в этом смысле положение приемлемое. Конечно, и у них в игре не каждому доведется быть космонавтом или маршалом. Зато есть прекрасные партнеры — куклы, оловянные солдатики, с помощью которых можно свободно и вдохновенно творить собственный мир, где тебе так здорово, что лучше и не надо.

Подростки в куклы не играют, их карнавальные возможности куда скромней. Но зато из этого минимума ребята стремятся выжать максимум.

Карнавал — это раскрепощенность, игра, стопроцентная самостоятельность. На худой конец — когда можно то, что нельзя. Не имея возможности или просто не умея проявить себя иначе, подростки часто цепляются именно за этот худой конец.

Тайное курение, матерщина, выпивка, мелкое шлодничество, бессмысленные драки улица на улице, еще кое-что запретное — вот типовые формы примитивного, нечистого, но все-таки карнавала.

К счастью, есть и иные формы.

Не психолог, не педагог, а писатель бросил когда-то в мир поразительную идею, в которой слились высокая гуманность и детская игра, общественная польза и тайна. Это был карнавал в самом благородном смысле слова — то, чем занималась компания ребят, вот уже сорок лет известная как команда Тимура.

Игра слишком понравилась взрослым, ее поспешно повсеместно внедрили и организовать. Общественная польза осталась, тайна ушла. Кончился карнавал, началась внеклассная работа. Увы, слоны в неволе практически не размножаются, благородство по приказу и плану долго не живет...

Надо сказать, карнавальные формы добра рождаются постоянно и пробиваются на свет божий упрямо, как грибы сквозь асфальт. К сожалению, мы не всегда их замечаем: не у каждого Тимура есть свой Гайдар. Бывает и хуже — свежий побег пытаются загнать назад в почву...

Как-то осенью в красивом приволжском городе трое десятиклассников рассказали мне об очень своеобразном, к сожалению, уже закончившемся карнавале.

Зима в тот год была холодная, яростная. Пешеходы то и дело забегали в подвезды погреться у батареи. Из-за наледей на окнах в домах было полутемно даже днем. Смерзшиеся сугробы казались неколебимыми, как гранит.

Парни ездили в школу кто автобусом, кто трамваем. На лица попутчиков было жалко смотреть — серые, подавленные. К таким морозам, да еще затяжным, не привыкли в средней полосе...

Кому-то из ребят пришла в голову мысль. А потом вся компания, человек семь-восемь, стала писать цветными карандашами и расклеивать в общественном транспорте плакатики размером в тетрадный листок: «Не отчаивайся — весна придет!», «Потерпи — всего месяц до марта!» и еще что-то в том же роде.

Когда же в полном соответствии с этими обещаниями пришла весна, ребята не прекратили свою оптимистическую деятельность. Они вставали затемно, по холоду шли на улицу и до первых прохожих успевали цветными мелками нарисовать на тротуарах солнышко, цветы, голубей. Рядом писали: «Взгляни на небо — уже апрель!» или пару строчек Пушкина, Есенина. Блока...

Кончилась эта история анекдотом. Дворник пожаловался начальнику жэка, тот вызвал участкового, страж порядка подстерег ребят, препроводил к себе и долго допытывался, от какой именно официальной организации рисуют они на асфальте голубей. Потом глубоко вздохнул и сказал:

— Ребята вы, конечно, хорошие, и голубь — он, конечно, символ, но не надо. Мало ли чего... Вы уж лучше ваяйте драмкружок у себя в школе.

Любопытно, что, поколебавшись, они и организовали как раз драмкружок. Но театрами ребята не были, и он продержался недолго.

А голуби с тротуаров исчезли...

Тиви как психолог прекрасно понимала притягательную и созидающую силу карнавала.

Если судить о клубе по перечню так называемых «мероприятий», он мало чем отличается от десятков и сотен сообществ аналогичного направления. Что везде, то и тут: эстетическое воспитание, трудовое

воспитание, экскурсии, встречи с интересными людьми, еще три-четыре привычных пункта.

Но жизнь в ее поверхностном течении не балует разнообразием — коренные различия, как правило, лежат в глубине.

Сводить ребят в музей, прочесть лекцию о поэзии, о живописи — это в конце концов тоже эстетическое воспитание, вот только клд его невелик: современные подростки, выросшие перед выпуклым стеклом светящегося ящика, к дополнительной информации достаточно равнодушны — хватает и телевизионной. Значит, нужны иные формы.

В клубе ростовчан вся жизнь ребят пронизана художественным творчеством. Причем творчеством в его необычных, игровых, карнавальных видах.

Летом весь клуб выезжает в колхоз, в трудовой лагерь. Днем работают, вечера свободны. И почти у каждого вечера своя идея и душа.

Вот, например, день Греции. Накануне вечером собирается ареопал — верховная власть праздника. Заседают по возвышенным и строгим законам античности: пародия в точных рамках истории. Назавтра праздничное шествие и театралный фестиваль. Творческие группы успевают за какой-нибудь час сочинить пьесу на античный сюжет, разучить роли, создать костюмы и декорации...

Баловство, «капустник»? Конечно! Но — история. Но — театр. Но — семнадцатилетний парень из техникума в пылу спора цитирует афинского философа свободно, как вчерашнюю газету.

А вот другой вечер. Другой спектакль — Александр Грин «Бегущая по волнам». Декорации прекрасны и бесплатны: озеро, предвечернее небо, облака. Зрители — ребята свои и колхозные, все, кто пришел на берег. Этот спектакль не пародия, а феерия, но он тоже карнавал, ибо живет один день. Вот сейчас сыграют — и все. Больше не повторится.

А тогда стоило ли стараться ради одного вечера? Стоило! Ибо спектакль этот учит ценить неповторимость дня. Ибо самодеятельное творчество окупает себя не тиражами, а радостью, которую дает...

Ладно, искусство всегда рядом с карнавалом. А труд?

В Загорске, что под Москвой, есть детский дом для ребят, особенно жестоко обделенных природой — слепоглухонемых. Участок неплохой, ограда выходит на Ярославское шоссе. А сам дом старой, дореволюционной постройки, разные коммунальные блага устраивались потом и не всегда удачно. В холодные зимы не хватало тепла, дети мерзли.

Потом блеснул луч надежды. Напротив детского дома, по ту сторону шоссе, поставили прекрасный современный ресторан. Тут же подвели теплоцентр. В ресторане тепла хватало.

Директор детского дома Альвин Валентинович Апраушев сразу сообразил, что лишние семьдесят метров теплоцентрали разом избавят ребят от насморков, бронхитов и прочих сезонных простуд. Пошел в местные организации. Там сказали, что соорудить недолго, а вот собрать нужные подлисы... Это ведь не переулочек — Ярославское шоссе надо перекрывать!

Апраушев — человек спокойный и упорный. Как со ступеньки на ступеньку, поднимался он от инстанции к инстанции, пока не дошел до весьма высоких. Он свою правоту понимал, и в инстанциях поняли. Правда, на взаимное это понимание ушел примерно год.

Короче, сказали: все дела — за неделю. Деньги есть, рабочую силу ищите сами.

Строителей в Загорске хватает, но все при деле, у всех план. Обстановка создалась аварийная: если немедленно не вырыть траншею, решение тепловой проблемы отложится до неопределенных времен.

Тогда Апраушев обратился в еще одну высокую инстанцию: дал телеграмму Тиви.

В Ростовском клубе подростков вопрос решился быстро. Два десятка ребят добрались от Ростова до Загорска, и на третий день после телеграммы во двор детского дома ввалилась рабочая сила, не слишком квалифицированная, но на все готовая. Странная эта команда квартировала на птичьих правах в ближней деревне, кормилась загадочно, но траншея под теплоцентр была готова вовремя.

Трудовое воспитание? Можно назвать и так. Урок гуманности? Естественно. Но еще и риск, игра, приключение, карнавал...

От ребят из клуба я впервые услышал странно звучащее, но весьма симпатичное слово «гостевание». Что это такое?

Прослышав, что где-то есть что-то интересное, собираются компанией от двух человек до восьмидесяти и отправляются в гости. Иногда на соседнюю улицу. А иногда подальше — в Москву, Ленинград, Новосибирск. Или в украинское село с милым названием Прелестное, где школьный учитель рисования совершил нечто вроде духовной революции с помощью живописи: убежденный, что дар художника заложен в каждом ребенке, он не только приохотил к кисти десятки своих учеников, но и зажег их фантастической, кстати, вполне карнавальными идеями преобразования человека. Известно, что ребячий рису-

нок — почти всегда сгусток радости, снежный ком наивного, но вдохновенного оптимизма. Не потому ли на выставки детского рисунка съезжаются специалисты со всего мира? Так вот, учитель решил сделать выставкой детского рисунка все село. Сегодня там разрисованы и расцвечены не только стены хат, не только заборы и сараи, но даже собачьи будки. Утверждают — хотя верится с трудом! — что нынче в этом селе нет ни одного алкоголика...

Нужно ли говорить, что гостевание в этом карнавальном селе и само по себе было карнавалом?

Кстати, съездив в Прелестное, ребята из клуба не просто попользовались чужой свечкой, но и запалили свою: это их усилиями разрисованы теперь заборы и сараи Загорского детского дома...

Приведу еще пример карнавального решения неожиданно возникшей проблемы.

Летом приехали в деревню. Колхоз выделил помещение — школьный спортзал, дал матрасы, одеяла. Вечер, пора укладываться. Но как? Как уложить в одном большом зале семь десятков мальчиков и девочек переходного возраста?

Как бог на душу положит? Не очень удобно, противоречит как педагогическим, так и отчасти гигиеническим правилам. Скомандовать: «Мальчики — направо, девочки — налево»? Отдает казармой.

Тогда Тиви бросила идею:

— Давайте строить бригантину!

За пятнадцать минут зал простынями разгордили на кубрики, натянули паруса, оборудовали кают-компанию и даже подняли флаг. Все устроились удобно и без обид. Поплыла бригантина!

Правда, пока речь шла лишь о каникулярных формах карнавала. Ну, а в октябре или апреле, когда ежедневно школа, дом, обязанности? Тогда как?

Я этого не знал. Спросил знакомого паренька из клуба. Он чуть подумал и ответил:

— Бывает тихий карнавал. Просто сидишь с друзьями в комнате, но знаешь, что все свои, все поймут, можно говорить до конца откровенно. Фактически это то же самое, потому что возникает духовное кольцо...

А вот название своему клубу ребята дали вовсе не карнавальное. «Эстетика, творчество, общение», сокращенно — «ЭТО». Сухо, как протокол. Но за этой протокоальностью — спокойная уверенность в себе. Во все времена посредственные литераторы и актеры старались взять псевдоним поярче. А Пушкину, Щепкину, Толстому вполне хватало собственных скромных фамилий...

Поскольку любой клуб есть организация, меня, естественно, интересовало, на каких организационных принципах стоит «ЭТО». У меня как раз гостевало трое ребят из клуба. Чтобы не пугать их учеными словами — а заодно не пугать самому, — я поставил вопрос в приземленной, бытовой форме:

— Как вы подбираете людей в свою компанию?

Парни немножко подумали, после чего буквально ошеломили меня зрелостью и, я бы сказал, социологичностью мышления. Они сказали, что по принципу отбора компании (из снисхождания ко мне ребята приняли этот термин) делятся на шесть видов:

I. Вариант необитаемого острова — затонул корабль, кого выбросило на дикий берег, те и компания. Чистая случайность.

II. Вариант отбора по ведущему признаку — например, общество филателистов, болгарское землячество в Москве, «Союз рыжих» у Конан-Дойла и пр.

III. Вариант потока — допустим, турбаза или молодежное кафе. Люди меняются, но общий характер, атмосфера остаются.

IV. Вариант целевой группы — скажем, несколько конструкторов решают изобрести велосипед. Приглашают специалиста по шинам, по спицам, завхоза, секретаря-машинистку и т. д. Изобрели — и помахали друг другу ладками: дело сделано, больше собираться незначит...

Было еще два варианта, но их я не запомнил.

Надо сказать, меня ошеломило не столько богатый выбор вариантов, сколько сам уровень мышления этих ребят, не получивших никакого специального гуманитарного образования, разве что у себя в клубе.

Я спросил:

— Ну, а «ЭТО» — он к какому варианту относится?

Один паренек сказал:

— Ближе всего к потоку. Кто хочет, пришел, кто хочет, ушел. Ядро остается, атмосфера остается. У нас в Ростове студент филфака даже делал доклад «Клуб как открытая система».

Его товарищ на секунду напряг лоб и выдал формулу:

— Клуб — это пульсирующая форма духовности.

Я поинтересовался, как у них насчет традиций. Ребята пожалели плечами:

— Неофициальные, пожалуй, есть. Скажем, забота о новеньких.

— А ритуалы?

Все трое покачали головами:

— Нам они не нужны.

А один, чуть подумав, добавил:

— Ритуал в молодежном клубе — это попытка консервировать огонь.

ШЕРИД ЗЕРКАЛОМ

Начало на 20-й стр.

Дон-Кихота изображали комичным чудачком — я в своих работах стремился сделать его мудрым и суровым, как сурова бывает вера, доведенная до логических пределов, до фанатизма. Санчо Пансу считали воплощением приземленного житейского ума — я стремился, чтобы и он не чужд был печальным размышлениям (вспомните-ка его недолгое губернаторство). Но, главное, что враги Алонсо Доброго, как называет своего героя Сервантес, рисовались воображению иных читателей неопасными, эфемерными, пустынными. Дескать, только буйная фантазия странствующего рыцаря могла превратить их в злодеев, гигантов, разбойников. А в моих рисунках ветряные мельницы стали тяжелыми и мрачными bastionами духовного средневековья.

Я напомним лишь две работы из этого цикла — первую и последнюю. В начале — два портрета: Дон-Кихот, а над ним шпага, скрещенная с шутовским жезлом; и Санчо Панса, над головой которого витает наполовину корона — наполовину дурацкий колпак. Завершают серию фигуры Дон-Кихота на Росинанте и Санчо Пансы на осле, они медленно удаляются по растрескавшейся, зияющей черными щелями, выжженной земле к горизонту под странным небосводом — сотней больших и малых колоколов, звонящих на всю Вселенную. Набат зовет этих двух людей — они нужны человечеству так же, как нужны друг другу.

Работая над этой серией, я столкнулся со множеством разнообразных трудностей. Вот, к примеру, лишь одна из них. Я считал своим долгом придавать иллюстрациям по возможности просветительский характер. Внимательный читатель должен узнать по этим картинкам, как выглядели герои книги, жившие в другом веке и в другой стране, какая их окружала обстановка, предметы быта, оружие, украшения, здания. Меч Спартака, буденовка Корчагина, самолет Мересьева — все это обязано быть совершенно достоверным. Тщательно и подолгу я изучаю справочники, архивы, музейные экспозиции, стараюсь побывать в тех краях, которые мне предстоит рисовать. Так, тему Рима в иллюстрациях к роману Джованьоли «Спартак» я изучал и по книгам Светония и Плутарха, и по архитектурным энциклопедиям, и в поездке по современной Италии, где сделал кипу зарисовок памятников античности. А, скажем, увидевшие там же пейзажи Калабрии помогли мне избежать налета некоторой салонности в иллюстрациях к роману Войнич «Овод». Когда же я взялся за работу над романом Островского «Как закалялась сталь», я специально отправился в Киев, Шепетовку, Боярку — на родину писателя.

С «Дон-Кихотом» было не в пример сложнее — и по причине исторической удаленности и в связи с географической недоступностью страны, описанной в романе. Отношения с франкистской Испанией не оставляли надежд на натурные эскизы. Позднее, уже после смерти диктатора, в Барселоне состоялась международная выставка иллюстраций к роману Сервантеса, на которой были представлены и мои работы. И меня избрали академиком-корреспондентом Академии изящных

искусств в Мадриде, президентом которой некогда был Франсиско Гойя. Это было тем приятнее, что подобной чести меня удостоили именно испанцы, чрезвычайно ревностные читатели и почитатели великого романа. И если я когда-нибудь вернусь к этой теме, то лишь из-за набросков, сделанных во время поездки в Испанию, где я побывал вместе с выставкой моих работ. Увиденное в этой стране позволило бы кое-что уточнить в рисунках к роману.

Впрочем, уточнению подлежат лишь детали — главное же, два центральных образа, я хотел бы оставить без изменений. Потому что дважды создать своего Дон-Кихота не может, наверное, ни один художник. Да к тому же, хоть я и стремился наделить облик странствующего рыцаря некоторыми чертами испанского идаляго, все же рисовал я человека вообще — жителя не какой-то страны, а планеты. Точно так же Гамлет или Ромео для меня стали не столько молодым датчанином или молодым итальянцем, сколько юношами Земли, каких можно и по сей день встретить где угодно, в любом краю, на улице, допустим, Таллина или Тбилиси.

Еще работая над иллюстрациями к Сервантесу, я обратился к известной статье, а точнее — записи речи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот». И хотя не во всем я согласен с концепцией, выдвинутой Тургеневым, все же я многое почерпнул из этого его труда. «Гамлет с наслаждением, превеличественно бранит себя, постоянно наблюдая за собой, вечно глядя внутрь себя, он знает до тонкости все свои недостатки, презирает их, презирает самого себя — и в то же время, можно сказать, живет, питается этим презрением. Он не верит в себя — и тщеславен; он не знает, чего хочет и зачем живет, — и привязан к жизни...» — с этим анализом образа Гамлета не согласиться.

Главная пьеса Шекспира, первая приходящая в голову, когда заходит речь о шекспировой драматургии, она невероятно глубоко выразила жизнь. Проблема Гамлета сегодня актуальна не менее, чем сто и двести лет назад, — это проблема конформизма. Он — жертва предательства, и он же — жестокий палач. Рисую его мрачно-оватое, несколько хищное лицо, я невольно старался разрушить существующий стереотип представления о Гамлете как о сомневающемся, нерешительном интеллигенте. В моем восприятии это человек умный, пронзительный, но совсем не добрый. Он сталкивается с предательством, изменой, оскорблением, но возмездие его обладает не меньшим потенциалом смертоносности, и степень чьей бы то ни было вины здесь в расчет не принимается.

Да и Офелия видится мною не как воплощение любви и нежности, а как существо, как бы лишенное характера, потому и способное на низость. И даже Горацио — его объявляют «лучшим из людей» за то всего-навсего, что он не донес на друга. Это страшная, жуткая пьеса — рисунки мои выражают в концентрированной форме фантазмагорно зло, порожденного злом. Я стремился создать не конкретные графические отображения определенных сцен пьесы, а некие символы событий и настроений каждого акта драмы, разыгранной в Эльсиноре.

Такое решение подсказано самой пьесой, в которой символичность, призрачность, условность сплавлены с реалистической достоверностью событий и характеров. Более того, мне кажется, что безумие там становится нормой, а обыденное оборачивается потусторонним. Я имею в виду не только тень отца Гамлета или духов, терзающих Офелию, но и многое другое, что попытался запечатлеть в рисунках. Смерть, отбирающая корону у отца принца датского, актеры в масках, которые словно бы приросли к лицам, возвышенная беседа шута с черепом, шествующая за грань добра и зла невеста героя — все это сумрачные миражи. И не столько нарисовать их было трудно, сколько вообразить, расставить по своим местам в этом вселенском театре.

Вообще в работе над этой книгой я почувствовал себя в некотором роде театральным режиссером. Ключом ко всей серии послужило хрестоматийное высказывание Шекспира «Весь мир — театр, а люди в нем — актеры». Вот почему я избрал для подавляющего большинства рисунков неудобный, казалось бы, формат, сильно вытянутый в длину, до такой степени, что они не будут помещаться на двух смежных страницах, а потребуют, чтобы внутри книги складывались своеобразные крылья. Мне хотелось бы, чтобы каждая такая работа напоминала гигантскую сцену, на которой разворачиваются трагические и комические события этой извечной жизненной драмы.

Все иллюстрации строятся графически как композиции на грани света и тени. Смерть и жизнь. А главное действующее лицо — неумолимое время. Оно постоянно, все прочее временно... Я стремился расположить персонажей и символы их деяний и натур по принципу театральной мизансцены, когда публике видны сразу все действующие лица, но один из них выступает на первый план, в круг, очерченный светом, а другие плавню удаляются в тень, в небытие, не исчезая, однако, из поля зрения, — уходя не уходят. Черно-белое зрелище с одной-единственной кроваво-красной деталью.

Иначе иллюстрированы сонеты, разделяющие в этой книге две пьесы как поэтический антракт. Вы видите здесь музыкантов, играющих на лютне и арфе, и взгляд ваш, только что погружавшийся в глубины измены и убийства, издевки и лицедейства, тяжелых сомнений и молниеносных ударов, ваш потемневший взгляд должен — по крайней мере я к этому стремился — найти отдохновение. Мне хотелось передать в этих работах музыку лирической поэзии — быть может, это самое трудное для художника.

А вот и двое влюбленных из Вероны — пьеса опять-таки открывается портретами главных героев. И как же мне хотелось, чтобы уже по этим лицам, по этим глазам стало понятно читателю, почему Ромео и Джульетта полюбили друг друга так нежно и безоглядно! Не знаю, удалось ли мне это в отношении будущих зрителей, но сам я влюблен в этих почти еще детей, таких юных и прекрасных и таких обреченных. Парадоксально — смертей хватает и в этой пьесе, но удивительно светла сценическая повесть, которой, по уверениям автора, нет печальнее на свете.

Пьеса эта была, как ни странно, чрезвычайно интересна для меня и сугубо архитектурной точки зрения. Мне представляется, что в отличие от других произведений Шекспира она на редкость симметрична. В самом деле: две семьи, двое влюбленных, два наперсника, две страсти, две смерти в финале... И в графическом отображении я попытался передать эту симмет-

рию раннего Ренессанса, этот ритм, это подобие двум рельсам, по которым действие неуклонно движется к развязке. Решение такое, видимо, не бесспорно, о чем мы однажды дискутировали с крупным нашим шекспироведом профессором А. А. Аникстом. Не уверен, что мне удалось переубедить своего собеседника, отстаивающего другие принципы архитектоники великого драматурга. Но последнее слово — за зрителями этого спектакля, упакованного в книжную обложку.

Труд этот теперь завершен. Листы рисунков побывали на выставке. Цветные их фотографии в руках полиграфистов. Сам я занят барельефом бригантини для фасада нового здания гриновского музея в Феодосии (эту работу мы выполняли совместно с молодыми архитекторами А. Бродским и И. Уткиным). А все не могу отрешиться от этих лиц: Гамлета и Офелии, Ромео и Джульетты...

Вы спросите: так зачем же мне зеркало над рабочим столом? Я признаюсь: прежде чем нарисовать гнев и любовь, страх и отвагу, печаль и восторг, мне надо это увидеть. Я должен обнаружить нечто такое на лицах, чего не заметишь обычно в толпе прохожих и даже у актеров на сцене. К тому же хорошо бы иметь время, чтобы разглядеть эти крайние степени страстей человеческих. А кто предоставит мне такую возможность, кроме меня самого? Вот и приходится, пусть не покажется вам это смешным, искать в собственном лице черты Дон-Кихота и Санчо Пансы, Гамлета и Ромео, даже Офелии и Джульетты. И точно так же ищу я в нашей с вами повседневности отзвуки, ассоциативные связи, аналогии с теми великими трагедиями.

Как просто ларчик открывался, не правда ли? Конечно. Но здесь, я полагаю, дело в провидении Сервантеса и Шекспира, создавших творения, которые не подвержены времени. В своих героях и в их историях они сумели выразить высочайшие философские проблемы, увиденные ими в жизни и в жизнь ими возвращенные. Литература следует за реальной действительностью, а книжная графика, иллюстрация следуют за литературой. Можно представить себе взаимосвязь этих понятий как выгнутую цепь. Но на деле это не так — или, точнее, чаще всего не так. На деле изобразительное искусство книги, как бы ни было подчинено оно литературному первоисточнику, черпает главные свои силы из самой жизни. Только тогда картинка, помещенные в книжке, могут представлять собою вполне самостоятельную ценность. Только тогда.

Вообще я очень серьезно и даже с почтением отношусь к высокому призванию книжной графики в этом мире. В сущности, с нее задолго до появления книги и началась культура человечества. Объясняясь голосом, люди начали все явственнее ощущать необходимость в сохранении информации — то есть в сбережении духовного достояния общества. И тогда кто-то где-то первым зарисовал звук. Создал букву. И родился алфавит. Появилась письменность. Именно здесь, по моему мнению, и лежит исток цивилизации. Путь самопознания. Средство самовоспитания.

Когда-то шутки ради я со страниц периодики предлагал соорудить величественный монумент «Неизвестному Книжному Графику» — благодарные потомки». Кое-кто воспринял эту идею всерьез и начал, в тяжелых сомнениях, покачивать головой. Ну, конечно же, художнику не надо памятника — достаточно просто встречи его работы с читателями. Лучшей награды для человека моей профессии не бывает.

Записал
Сергей ВИШНЯКОВ.

КАРСКИЙ ПРОРЫВ

Когда эта книга уже была написана, возник вопрос: а к какому жанру она относится? Наверное, к документальному, поскольку свидетельства героических событий, о которых мы рассказали, хранятся в государственных и личных архивах.

Но вместе с историческими лицами в повести действуют люди, чьих фамилий нет в официальных хрониках, — рядовые строители молодой революционной России. Их фамилии мы придумали. Эти люди участвовали в реальных событиях, таких, например, какою была Карская хлебная экспедиция; они

совершали замечательные воинские и трудовые подвиги, запечатленные в истории нашей Родины. Поэтому, может быть, повесть следует отнести к разряду исторических? Может быть.

Впрочем, важно ли это?

Нам кажется, важно другое: благодарно помнить о тысячах тех простых и прекрасных людей, которые отдали жизнь за счастье своего народа.

Вот их светлой памяти и посвящена наша книга.

Аркадий и Георгий ВАЙНЕРЫ

Часть 1. БЕГСТВО

Указка ползала по карте, как худая голодная пиявка, и главнокомандующему казалось, что там, где ее острый черный кончик задерживался, она глотала опорные пункты, укрепленные деревни, охраняемые разъезды.

— ...Противник численностью до двух полков вышел через деревню Дениславская к узловой станции Плесецкая и после короткого кровопролитного боя захватил ее... — гудел где-то сбоку, над самым ухом, простуженный насморчный голос штаб-офицера. Офицеру не хватало воздуха, его душили аденоиды, и главнокомандующему все время хотелось приказать ему высморкаться, но не было сил заговорить, и от этого Миллер плохо вникал в подробности доклада, их напрочь смывал гундосый, сопливый голос штабиста. Да и в подробностях ли сейчас дело? Сейчас важна суть.

— ...При содействии местных жителей проводников красные обошли по брошенным лесным дорогам укрепленный населенный пункт Котлас и захватили разъезд Четыреста шестнадцать, — бурлил тяжелым носом офицер. — Из-за угрозы быть отрезанными от основных сил наш бронепоезд «Генерал Алексеев» вынужден был отступить без боя, взорвав при отходе мост через реку Емца...

— Где сейчас проходит линия обороны? — перебил

штаб-офицера Миллер, слушать дальше было невыносимо. Хотя в этом тоже была страшная примета всеобщего разрушения и гибели: командующему победоносной армией ни при каких обстоятельствах не мог бы докладывать офицер с заложенным носом.

— ...Нарушена связь... последние донесения недостоверны... части вышли из повиновения... — загудел, забулькал набрякшим носом штабист.

— Но где дислоцированы части, которые не вышли из повиновения и с которыми не нарушена связь? — зло выкрикнул главнокомандующий.

Начальник штаба генерал Марушевский горестно вздохнул, отодвинул насморчного дежурного, сипло сказал:

— Господин командующий, фронта больше не существует. Сегодня утром красные оседлали железную дорогу на Котлас, захватили Емец и Обозерскую, отрезали нас от броневых сил и стремительно катятся на Архангельск. На их сторону перешли Архангельгородский полк, гаубичный дивизион, пулеметные роты «люис-ганов»...

— Вы хотите сказать, Виктор Васильевич, что у нас больше нет связи с войсками и вы не представляете, что происходит на фронте? — сердито поджал губы Миллер.

Вынырнувший из-за плеча Марушевского начальник контрразведки Чаплицкий неприятно засмеялся:

— Генерал Марушевский хочет сказать, что нет фронта...

У Чаплицкого были горячечные глаза фанатика. Или человека, не пренебрегающего кокаином. Или не

оставшего после свалки драчуна. Неприятный субъект. У него на лице всегда написано желание сказать дерзость. Или подпустить шпильку. И лучше всего было бы сейчас прикрикнуть на него, одернуть, поставить на место.

Но состояние бессилия, наваждения, долгого кошмарного сна, лихорадки не покидало, сковывало волю нерешительностью, а тело немощью.

Рассеянно пощипывая бородку, Миллер прислушивался к стрекочущей в виске головной боли, пронзительно злому и надоедливому сверчку, перфорацией высекающему дыры пустоты и забвения в мятой поверхности перепуганных и смятенных мыслей.

Наваждение, обман чувств, мираж. Удивительно долгий, невероятный сон. Не могла так быстро, так внезапно, так необъяснимо свернуться, истлеть, растаять вчера еще огромная империя. Свестись к задымленному, прокуренному, оторванному от всего мира уголку гостинной Архангельского коммерческого клуба, где доживает последние часы его ставка — резиденция главнокомандующего и генерал-губернатора Северного края.

Он смотрел в яростные, сумасшедшие глаза Чаплицкого, и в его душе поднималась вялая ненависть. Но звонко тарахтящая боль в виске сразу смиряла ее, и он вновь погружался в зыбкую сумерь нерешительности, боязни, мистической надежды на какое-то чудо.

— Что же делать? — неожиданно для себя сказал он вслух. Громко.

И в этом крике души — сигнале полной потери воли,

признанию своего бессилия и непонимания происходящего — было такое предсечение гибели, расплыла, исчезновения, что смолкла на миг обычная штабная суета. Даже телеграфный аппарат Бодо остановил свой непрерывный щелк и неумолимое кружение бумажных лент.

И электрический ток ослаб в лампах, будто сигнала ждал. Померк, пожелтел свет, яичным болтуном тревожно густился в прозрачных колбочках, накалил в них докрасна проводки и погас совсем.

Забегали, зашаркали адъютанты, упал в темноте стул, кто-то зашибся и коротко, зло ругнулся, шелетели во мгле бумаги, и в темно-фиолетовых намерзших, задышенных окнах стал все яснее и пугающе проступать багровый отсвет далекого пожара.

— Свет! Принесите лампы! К командующему свечей! — гукали, перекачивались по дому голоса, надсадно кричал в телефонный рожок кто-то из офицеров.

— Почему нет света? Что с электричеством? Дайте срочно свет!..

Золотистые дымящиеся овалы керосиновых ламп и выражение радостного облегчения на лицах у всех, как у перепуганных детей, выведенных из темноты. Брошенный на крюк телефонный наушник: «Электростанция забастовала, рабочие разбежались!»

— Что же делать? — уже тихо, растерянно повторил Миллер, и было ясно, что он не ждет совета или помощи от присутствующих: ему нужна была подсказка сверхъестественных сил, способных разрушить этот длящийся горячечный кошмар ухода в небытие.

Угревшийся у голландской печи лесопромышленник Зубов, единственный штатский в кабинете, терпеливо помалкивал. Но после слов Миллера он вдруг сварливо сказал:

— Это вы, господин губернатор, должны сказать, что нам делать! Вы так яростно настаивали на передаче вам диктаторских полномочий, что я пошел на неслыханную меру: как вице-премьер, я распустил демократическое правительство Северного края! А вы за девять дней неограниченных полномочий ничего не сделали, чтобы переломить обстановку на фронте! Мы, конституционные демократы...

— Замолчите! — свистящим, тонким голосом закричал Миллер. Он вскочил с кресла, затопал ногами и закричал еще пронзительнее, и криком этим он душил в себе страх, отчаяние и тонкую свиряющую боль в виске. — Замолчите, презренный либерал! Вы, вы, вы, сытые, праздные, тщеславные болтуны, довели Россию до гибели! Это не большевики, а вы раскачали устои монархии! Вам была нужна конституция! Вы требовали Думы и Учредительного собрания! Вам была невыносима династия Романовых! Вас не устраивали правительство и армия! Вы все получили теперь — все, чего добивались! Вы развратили народ неосуществимыми посулами и хотите, чтобы мы платили за ваши обещания! Так помалкивайте по крайней мере! Иначе я сейчас же прикажу конвойному взводу расстрелять вас во дворе!..

Миллер обессиленно упал в кресло, и в наступившей тишине вдруг раздалась одинокие отчетливые аплодисменты — это светил горячечными глазами, весело смеялся, хлопал в ладоши Чаплицкий:

— Bravo! Прекрасно сказано! Если вы мне разрешите, господин командующий, я могу освободить от хлопот конвойный взвод. С удовольствием и очень умело я управлюсь в одиночку с этим ответственным и полезным делом! Разрешите приступить?..

Зубов испуганно нырнул в полумрак, подальше от этого сумасшедшего. А Миллер недовольно покосился на Чаплицкого, сглотнул несколько раз, умерив дыхание, и негромко, но твердо скомондовал:

— Генерал Марушевский, приступайте к эвакуации на Мурманск. Абсолютно секретно. Нельзя поднимать панику в остающихся частях...

И мгновенно возникший вал безудержной паники общего бегства неостановимо покатил к причалам торгового порта.

Красноармеец Тюряпин до войны жил в теплом южном городе Ростове. А работал грузчиком на хлебных сыпках компании «Братья Вальяно». Любил он солнце, огромные сахарные арбузы и веселую жизнь портовой фольницы, не признававшей и не терпевшей над собою никакого начальства, кроме артельного старосты. И когда в августе четырнадцатого года околоточный надзиратель вручил ему мобилизационный лист, купил он на прибереженный для зубов золотой империл ведро водки, свиной задок, четыре пшеничных караваев и мешок — бездонный «ламтух» — с арбузами. Товарищи по грузичьей артели чинно приняли угощение, степенно покалякали на прощание, обняли крепко — до костного хруста — и дали твердое наставление: на фронт не ходить нипочем.

— Не твое и не наше дело, — заверил артельный батько. — Пуцай Вильгельм с Николой сами разбираются, раз кашу заварили...

И покотил Тюряпин вверх по Дону до Калача, там

перебрался на Волгу, на палубе парохода общества «Самолет» поднялся до Нижнего Новгорода, а уж оттуда — на Урал, в Сибирь — дорога короткая. Два года бродяжничал, пока не скапали в Чите, и сколько ни прикидывался дурачком без памяти, без имени, без разума — укатали все-таки в маршевый батальон, направлявшийся на Западный фронт.

И открылся тут в нем талант разведчика: не было экспедиции за колючую проволоку, через линию фронта, чтобы не включили туда пластуна Тюряпина. Здоровое молодое тело, налитое хлебной силой, наловченное бесконечной беготней с шестипудовыми мешками по узким качающимся сходам, послушно и терпеливо подчинялось хитрой белокурой голове вольного бродяги. За взятого в плен немецкого обер-лейтенанта дали Тюряпину погоны унтер-офицера, за притащенного на себе с той стороны раненого поручика Сестрорецкого полка Иоганна Федоровича Кизеветтера навесили Георгия. «А с этими немцами — ихними и нашими — скоро генералом стану!» — веселился Тюряпин. Но стать генералом не успел, потому что грохнула революция, развалилась армия, солдаты стали браться, а генералов упразднили вовсе.

И к собственному удивлению, Тюряпин поехал не в Ростов, где ждали его солнце, арбузы и портовая вольница, а вступил в Красную Армию, и третий год подряд голодал, холодал, мерз, мок, отступал, наступал, шагал через болота, тайгу, тундру, вместо тепла южного солнца терпел приполярную стылость, вместо сахаристой мякоти арбузов, которых в здешних краях никто и в глаза не выдал, пил морковный чай с сахарином и приучился даже соблюдать дисциплину.

Шестерым бородатым поморам, молчаливым, дремучим, как старый черный амбар на перекрестке дороги в порт, где они заняли позицию, Тюряпин пояснял:

— Ликвидируем белых, кончим капитализм — жизнь станет вольная, теплая, сладкая. Как арбуз: Вот ты, дядя, хоть раз в жизни ты ел арбуз?

Заросший волосами до самых глаз дядя в облезлой собачьей дохе арбуза не ел. Он думал о том, что если сегодня-завтра красные сюда поспеют, то, может, удастся скрыть от белой интендантской реквизиции коровенку Фросю, и тогда — с молочком, с картохой, с оладьями из отрубей — можно будет дотянуть всех пятах ребятишек до весны. А там — рыба появится, летом вообще легче, клюква пойдет, а скорбут-цинга клюквы как огня боится.

Только бы красные подошли скорей! Вот этот разбитной веселый красноармеец, когда решил остаться с ними в засаде, отправил к своим двух других и сказал им: бежите, мол, без остановки, а сюда возвращайтесь с ротой по сожженному мосту, он всего на полметра притолен, бежите быстрее, часа за три обернетесь коли, мы белых от порта отреем...

— Ни разу в жизни арбуза не ел? — огорчался Тюряпин.

— А это што такое — мяско? Али дичь? — спросил неспешно другой бородач, внимательно всматриваясь в ночь сквозь узкие окошки-бойницы.

— «Дичь!» Скажешь тоже! Сам ты, дядя, дичь! Арбуз — это такой плод, либо, ежли по-научному, точнее говоря, это ягода...

— Ягода? — удивился мальчишка со степенным именем Гервасий. — Вроде клюквы, што ли?

— Клю-ква! Клюква — тьфу, кислота одна и горечь! А арбуз как сахар, и размера во-от какого! — развел на всю ширину руки Тюряпин.

— Во врет служивый! — восхитился мужик в собачьей дохе. — Где же это растут ягоды с котел?

И Гервасий по-мальчишечьи залиvisto засмеялся, за живот схватился, покатылся от веселья и позавидовал: вот что значит городской человек — чего хошь наварит, ресничей не вздрогнет.

Тюряпин тоже усмехнулся, головой покачал несерьдито, сказал душевно:

— Эх, мужики, мужики, вот для того и нужна позарез победа революции, чтобы вы темноту свою осознали, из берлог своих на белый свет повылазили.

А бородач у окна вдруг сказал тихо и сдавленно: — Эй, вы там! Угомонитесь! Едут, кажись...

И в разном наступившей тишине отчетливо зарокотал близкий гул моторов, и тоска подступила к сердцу, и Тюряпин досадливо крякнул:

— Эть, жалость-то какая! Не успели, слышь, к нам ребята! Теперь самим придется...

Передернул затвор, загнал патрон и встал к темному проему в стене.

— А что, ваше высокопревосходительство, в Риме не бывает таких холодов? — дурашливо спросил Чаплицкий.

Миллеру послышалась насмешка в хриплом голосе офицера. Он растерянно заморгал, кашлянул, ответил без всякого проблеска иронии:

— В Италии, где я имел честь представлять военные интересы Империи Российской...

— Империи. Пропили мы нашу империю... Прогуляем... — перебил Чаплицкий. Длинно, с повизгиваньем зевнул и добавил тихо, устало, без выражения: — Теперь двинемся в Италию... Представлять... самих себя.

Офицеры ехали в бронированном «роллс-ройсе» по окраинной, плохо мощенной улочке Архангельска. Мела сырая февральская поземка, ни одного окошка не светило в старых покосившихся домах. Город испуганно затаился, замер, ожидал неведомых перемен.

Миллер сердито, по-петушину крикнул:

— Ну-ну-ну, не забываетесь, господин капитан первого ранга! Есть Мурманский фронт, есть флот! Есть, наконец, союзники!

— Что же вы их не использовали здесь, в своей столице Архангельске? — со злым истеричным весельем спросил Чаплицкий. — Еще вчера ведь и здесь был фронт, и флот был, и союзники? А-а-а?

— Извольте, милостивый государи, не перебивать меня! Вы знаете, что такое стратегия? Ценю малых потерь обретается победа в главном. Кутузова, когда он оставил Москву, обвиняли в трусости... Да что в трусости — чуть ли не в предательстве!

— Вот это точно, — согласился Чаплицкий. — Убедили. Вы — Кутузов. А кто Наполеон?

— Серьезность момента не позволяет примерно воздать вам за невоспитанность, — выдавил из себя Миллер, задыхаясь от возмущения. — Настоящий дворянин отличается от плебея умением и в трудной обстановке сохранять достоинство. Вы никогда над этим не задумывались?..

— Совершенно с вами согласен, господин генерал-лейтенант. — Чаплицкий едко усмехнулся. — Особенно, если учесть одно весьма существенное обстоятельство...

— Какое же? — высокомерно вскинул брови Миллер.

Чаплицкий прищурился:

— Когда мой прадед был министром двора у короля Августа, ваш предок варил пиво в Бадене... Ответить Миллер не успел.

Когда Тюряпин увидел на полого спускавшейся к ним улице свет фар нескольких автомашин, он вдрогнул с удивительной ясностью понял, что с того самого момента, как он, пробравшись в город, разыскал партизан и они рассказали, что солдат-телефонист из миллеровского штаба успел шепнуть им об эвакуации, — то и не надеялся он на подход подкрепления. За несколько часов им было не обернуться. Но и не задерживать штаб — хоть ненадолго — Тюряпин не мог не попробовать. И о том, что отбиться ему не удастся, старался Тюряпин не думать.

До того мига, пока не засветили ярко в сизой черноте ночи слепящие плоски автомобильных огней, которые никому, кроме штаба, принадлежать не могли.

И пока наводил черный плавный пенек мушки между фар и чуть-чуть выше, чтобы вернее вцепиться в водителя, ущемила сердце коротко, но больно быстрая мысль о том, что на Дону уже синие широкие разводья, лед трескается и громко шуршит перед тем, как с гулким ревом сорваться разом и за одну ночь уйти в море, и над городом уже плывет соленый ветер близкой большой воды, и каштаны набухают толстыми почками, и закаты стали длинны, покойны и прозрачно-сиреневы. Эта весна была для кого-то. Тюряпину остался черный амбар на перекрестке пологой дороги в порт, медленно приближающиеся снопы света и черная черточка мушки, упершаяся наконец твердо между двумя огнями, только чуть-чуть повыше.

И осторожно спустил курок.

Еще не услышав хлопка выстрела, передернул затвор, дослал следующий патрон из магазина и снова плавно, ласково нажал спусковой крючок...

К утру партизан вместе с Тюряпиным загнали в брошенную бревенчатую избу на откосе Двины. Их оставалось шестеро.

Разрозненной, но точной стрельбой они и близко не подпускали офицеров.

Севериоков пробормотал:

— Хорошо бы этих сволочей взять живьем. — Зачем? — отозвался Чаплицкий. — Лучше погрейте их зажигательными...

Два пулемета располосовали серый сумрак очередями, из-под крыши начал стелиться грязный дымок, кое-где проглянули розоватые язычки пламени. Стреляли из дома одиночными, все реже и реже.

— Сейчас мы их вытурим оттуда, — пообещал Севериоков.

Чаплицкий внимательно смотрел на его освещенное заревом лицо — сумасшедшие белые глаза наркомана, длинные прокуренные зубы, подергивающийся уголок рта, — и его трясло от холода, усталости и тоски.

Глядя на залегших цепью карателей, он процедил со злобой и горечью:

— Российское офицерство, «цвет нации»!

Чернели глубокими провалами выбитые окна, время от времени в них призрачно мелькал силуэт, и тогда раздавались выстрелы, одинокие, кашляющие — винтовочные, и частая густая дробь пулемета.

Огонь занялся плеще, языки пламени поднимались выше кровли, но никто не выбежал из избы.

Рухнул потолок, до неба взметнулись искры...

Севиюков заухмылялся:

— Все. Счас жарковьем потянет... Эть, гады! Им лучше в огне сгореть, чем нам в лапы...

Уже направляясь к грузовику, Чаплицкий на мгновение остановился и спросил:

— А вы, Севиюков, что бы на их месте?..

— Застрелился бы, небось,— пьяно захохотал прапорщик.— Мне ведь от большевичков пощады ждать не приходится...— И добавил с каким-то мертвенным спокойствием:— Конечно, и я им пощады не давал. Никому... Так что на том свете сойдемся — посчитаемся...

Винтовочной стрельбы конвоя Тюряпин не боялся. А вот когда из подъехавшего грузовика избы стали поливать два огненных хлыста пулеметов, понял Тюряпин, что пришел конец. И отступать было поздно да и некуда: позади обрыв.

И конечно, хорошо бы еще хоть на полчаса задержать бегущих беляков: а вдруг наши поспеют?

Оглохший от грохота, со слезящимися глазами — дым все гуще завлакивал избы,— Тюряпин ровно, не спеша стрелял в черные, по-сорочьи скачущие на снегу фигурки конвоя и, когда захлебнулся, замолк ненадолго один из пулеметов, крякнул удовлетворенно.

И сразу же почувствовал острую режущую боль в щеке и сочащуюся за воротник горячую влагу.

«Убили!» — мелькнула вспокоша мысль и сразу исчезла, потому что боль не проходила.

Тюряпин нащупал рукой и вытащил из щеки длинную гладкую щепку, отколотую пулей от бревна.

«Ничего, ничего», — бормотнул быстро и сердито, выглянул в окно-бойницу, но за спиной кто-то пронзительно коротко вскрикнул, и углом глаза Тюряпин увидел, как завалился на середину избы мужик в собачьей дохе, и посунулся к нему мальчонка Гервасий.

И, разряжая винтовку в торчащий из-за сугроба золотой офицерский погон, мутно поблескивавший во мгле, Тюряпин устало, равнодушно подумал, что так и не увидел, так и не попробовал мужик взаправду существующую ягду чудесную размером в обхват — арбуз. И генералишка ушел — э-эх!

— Гервасий! Гервасий! Иди сюда, парень! — позвал он мальчишку и бросил ему свой подсумок. — Набывай-ка мне пока обоймы...

И сколько прошло времени, было ему неизвестно, пока заросший черным мужик вдруг не откинулся молча назад, и во лбу у него виднелась маленькая дырочка аккуратная.

Потом страшно захрипел, забил ногами и смолк пропахший рыбой тихий помор из Лямцы.

И, схватившись за живот, сел на землю, харкнул кровью белообрый здоровенный промысловик из Няндомы, отбросил в сторону винтовку и сказал откровенно:

— Все! Мне кишки продырявило...

Завалилась прогоревшая крыша.

Тюряпин на ощупь, в крошечной мгле, в дыму и гари, отловил за плечо Гервасия, крикнул ему:

— Шабашим! Счас мы с тобой начнем наружу выходить, понял ты меня?

— Сдаваться? — спросил Гервасий.

— Нам с тобой сдавать нечего, — зло усмехнулся, блеснул в темноте зубами Тюряпин.

— А чего тогда?

— Слушай меня внимательно.

— Угу.

— Я выхожу в дверь первый. Ты считай до двадцати, опосля вылетай следом. И сразу направо, за угол. Сложись колом и лети с обрыва. Даст бог, уцелеешь, не расшибешься...

— Подстрелять, кось, пока до обрыва-то добегу? — деловито поинтересовался Гервасий.

— Авось, не поспеют... Делай, как говорю!

Тюряпин сдвинул на ремне за спину две гранаты и так же деловито добавил:

— Доберешься до наших, скажешь: так, мол, и так, погиб красный боец Константин Афанасьевич Тюряпин за будущую сладкую и вольную жизнь...

Отбросил ногой кол, подпиривший дверь, широко распахнул ее и вышел вон.

И задыхающийся от дыма и жары Гервасий видел в проем, как ровным шагом пошел Тюряпин, надев на винтовку шапку, и смолкли выстрелы.

Тюряпин остановился, воткнул винтовку стволом в снег и стал вольно, сложив руки за спиной. Для полного шика только сигарки не хватало.

Поднялись в рост белые из-за сугробов и пошли к нему быстрым шагом, побежали. И Гервасий вынырнул в этот момент наружу.

Кто-то силло крикнул:

— Вон еще один краснопузый вылез остудиться!

— Беги, беги, пацан! — громко заорал Тюряпин и бросил под ноги — между собою и подступившими почти вплотную белыми — две гранаты.

Ослепительный красно-синий шар вспух на этом месте, отбросил Гервасия к углу избы, вышиб дух.

Но в следующий миг он уже вскочил на ноги, промчался спасительные несколько метров, и бросился, не глядя, в бездонный снежный провал...

«Может, это и есть конец света?» — подумал Миллер, когда машина, найденная Чаплицким взамен подорванной партизанами, въехала в порт. Тысячи людей обезумели. Ими владела одна страсть, одна всеобъемлющая цель гнала их по забитым причалам, в узких выщербленных проходах между складами, пакгаузами, мастерскими — прорваться любой ценой на уходящие суда.

Испуганные, дико всхрапывающие лошади, рвущиеся из постромков, перевернутые телеги, еще дымящие полевые кухни, разбитые снарядные ящики, брошенные орудия, валяющиеся, уже никому не нужное оружие, разграбленные контейнеры, потерявшие хозяев собаки, растоптанные кофры и чемоданы, толпа с уздами, общий гам и крик, перекошенные в сумасшедшем ужасе лица.

И все это освещено багровым пляшущим светом пылающих на другой стороне Двины складов, дровяных бирж, лесопильных заводов.

И как знак окончательной всеобщей потери рассудка — висящий на строплах подъемного крана рояль. Черный концертный рояль.

— Майна! — закричали снизу, и крановщик, то ли по неопытности, а может быть, нарочно, освободил стропы, и рояль рухнул наземь, прямо в толпу, взметнув в низкое страшное небо столб хруста, звона и звериного жуткого вопля сотен несчастных...

У трапа ледокола «Минин» выстроилась в каре офицерская рота с направленными на толпу штыками и расчехленным пулеметом.

— Нельзя!.. Нельзя!.. — хрипел сорвавший голос начальник охраны. — Никому нельзя, здесь только штаб...

Женщина в белой медицинской косынке с красным крестом кричала:

— Хоть раненых заберите!.. И женщин... Что ж вы делаете, красные их всех перебьют!..

Женщину отпихнули, и сразу же унес ее куда-то в сторону поток других наседающих на цепь штыков людей в котелках, шубах, шинелях.

Миллер медленно, как тяжелобольной, прошел по трапу, тонко пружинившему под ногами, и услышал за спиной голос Марушевского:

— Поднимите трап над пристанью! Они сомнут оцепление и ворвутся сюда...

Палуба подрагивала от сдержанного усердия работающих на холостых оборотах машин ледокола. В этом было что-то успокаивающее.

Капитан доложил десятиминутную готовность. Миллер устало кивнул и пошел вдоль юта, держась для уверенности за металлический леер. Он не мог оторвать взгляда от беснующейся, обреченно давящей на пирса толпы. Как же это случилось? Ведь совсем недавно казалось, что до победы осталось совсем мало?..

Миллер поднялся на мостик, прислушался к нарастающему грохоту стрельбы у вокзала. Недавно стреляли по нему... Пронзительно завыл над головой снаряд, и сразу же недалеко от борта взметнулся султан воды и битого льда.

Оглушительно заголосила толпа на пристани, и из этого вопля отчетливо доносились слова:

— Красные!.. Красные!.. В город входя-ят!.. В го-о-род!

Миллер повернулся к капитану, негромко скомандовал:

— Все. Отваливайте от причала.

Капитан смущенно прокашлялся:

— Господин Чаплицкий еще не прибыл, ваше высокопревосходительство...

Миллер аккуратно протер запотевшие стеклышки пенсне и строго сказал:

— Не превращайте временное отступление в бегство, милостивый государь. Господин Чаплицкий на своем посту. Отваливайте. И дайте в Мурманск радио, чтобы за арьергардом вышел миноносец «Юрасовский».

— На «Юрасовском» разбежалась почти вся команда. Остались одни офицеры, — мрачно доложил капитан.

— Молчать! — рявкнул командующий. — Прекратите сеять панику! Выполняйте приказ!

Капитан отошел к машинному телеграфу и со злостью рванул ручки: левой — малый назад, правой — малый вперед. Скомандовал:

— На баке! Отдать носовой! Руль — право, три четверти!..

Высокий нос ледокола стал медленно отползать от бревенчатого пирса. Гора коричневатой-серой воды закипела под кормой, с шумом взлетела на пристань...

Грузовик замер у самой кромки причала, и офицеры, попрыгав из кузова, растерянно смотрели вслед выходящему на фарватер ледоколу.

Дым из труб ложился на битый лед, на воду в полыньях серыми мятыми кругами, стелился за кормой, и Чаплицкий болезненно-остро вспомнил дым из-под крыши избы и мелькающие тени в черных провалах окон.

«Все это ужасно глупо, — вяло думал он. — Сумасшедший дом. А может быть, ничего этого и вовсе нет? Может быть, я давным-давно заболел, сошел с ума и мне все это видится в болезненных грезах воспаленного сознания?»

Но в памяти все еще стоял острый запах горелого человеческого мяса, и Севиюков рядом говорил с недоумением:

— Эть, гады!.. Бросили ведь, ась?.. Эт-та ж надо?!

Чего же делать теперь, ась?..

Чаплицкий вымученно усмехнулся:

— Испробовать милосердие большевичков.

— Ну-у, эт-та уж ломать драный им в сумку! — заорал, выпучив глаза, Севиюков. — Пробиваться надо, вот что, к своим. Вы с нами, господин капеланг?

Чаплицкий покачал головой:

— Да нет уж, господин Севиюков. Ступайте... с богом. А я как-нибудь сам попробую...

Армия-победительница входила в Архангельск: от станции железной дороги катил поток по улицам города, маршировали, перебравшись через разломанный лед Маймаксы, батальоны от Новодвинска, и мягко ступали охотничьи отряды от Неноксы и Няндомы, шел Холмогорский дивизион, вразвалку топала матросская пулеметная команда, четко печатали шаг бойцы непобедимого Шенкурского полка.

Шли победители — в истертых шинелях, прожженных у костров, в порыхлых бушлатах, зипунах, заношенных азиях, изодранных тулупах, затерханных городских пальтишках.

В валенках, чунях, подвязанных веревками сапогах, ботах-«котах» и вечных, самонадежных лаптях.

Армия заканчивала свою огромную изнурительную войну. Армия шла по запущенному, занесенному сугробами Троицкому проспекту, мимо некогда богатой и нарядной Немецкой слободы, мимо полусожженного здания Думы, мимо кафедрального собора — одного из самых красивых соборов России.

Широкими веселыми шагами мерил командарм Самойло небольшую комнату аппаратной, звонким голосом, не заглядывая в бумажку, которая была у него в руках, диктовал телеграфисту:

РЕВВОЕНСОВЕТУ РЕСПУБЛИКИ.

ДВАДЦАТОГО ФЕВРАЛЯ ВОССТАНИЕ ОХВАТИЛО ВСЮ БЕЛУЮ АРМИЮ. В АРХАНГЕЛЬСКЕ УЖЕ ПРОИЗОШЕЛ ПЕРЕВОРОТ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ БЕЛЫХ ВОЙСК ГЕНЕРАЛ МИЛЛЕР БЕЖАЛ МОРЕМ НА ЛЕДОКОЛЕ, ВЛАСТЬ В ГОРОДЕ ПЕРЕШЛА В РУКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

ПЕРВЫЙ КРАСНЫЙ ЭШЕЛОН, ВСЮДУ ТОРЖЕСТВЕННО ВСТРЕЧАЕМЫЙ ВОССТАВШИМИ, ПОДЪЕХАЛ В ОДИН ЧАС ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ФЕВРАЛЯ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТОГО ГОДА К СТАНЦИИ АРХАНГЕЛЬСК.

Паровоз тонко, пронзительно-обессиленно засвистел, пустил вялые усы пара по сторонам и окончательно стал.

Казалось, нет больше в мире сил, способных стронуть его с места у платформы Николаевского вокзала. Двое суток, исходя от натуги, он тянул разболтанный, изношенный, дребезжащий эшелон из Петрограда в Москву, останавливаясь через каждые полсотни верст, и тогда все пассажиры выходили из вагонов и рубили дрова для прожорливой топки слабосильной, сипящей от усердия и старости «овечки».

Холод, вонь, толчея в вагонах не дали Шестакову сомкнуть глаз. И еще он боялся, что у него украдут посылку. Своих вещей у него не было, но, как большинство нынешних пассажиров, битком набивших чуть живые поезда бесконечных железных дорог, он вез посылку.

Разбросанные по всей России люди из своих жалких возможностей немудрыми усилиями наскребали что-нибудь съестное и слали с оказией друг другу посылки. Это называлось «живой привет».

Узнав, что Шестакова вызывают в Москву, Васья Преображенский, старый товарищ по Данцигскому набегу, отчаянный моряк, верный друг, стеснясь,

шутливо извиняясь, всучил ему-таки посылку для матери: мешочек, а в нем бутылка хлопкового масла, три вяленых трески и десять фунтов овса. Овес, сказал Васька, ежели его смолоть на ручной кофейной мельнице и блины испечь,—пальчики оближешь!

Еще необлизынными пальчиками Шестаков всю дорогу держал мешок, тихо чертыхаясь на Ваську: оставить вещи нельзя было ни на минуту, иначе маме Преображенской уже никогда бы не пришлось облизовать пальчиков после сыновних блинов. Поезда кишели ворами, как вшами.

Уже вечерело, когда Шестаков вышел на привокзальную площадь—воспаленный багровый круг солнца, польхнувшись на золоченом шпиле Казанского вокзала, провалился в клубящиеся облака. Крепко закручивал мороз.

Блеклое небо было выжжено стужей, лениво расчерчено серыми мазками облаков, постепенно наливавшихся сиреневыми, потом фиолетовыми тонами.

Шестаков торопливо шел в сторону Домниковки, почти бежал, но вечер неспешно и властно наступал его.

Белесый холодный пар полз по крышам, а небо наливалось густотой тьмы, все сильнее собиравшейся к зениту.

Мать Преображенского жила в районе Сухаревки, недалеко от Сретенки. Васька так и объяснял — «это ж тебе просто по пути, ее дом почти что на полдороге между вокзалом и «Метрополем», где сейчас Второй Дом Советов, а транспорт в Москве все равно никакой не действует».

В этом Васька оказался прав: транспорта не было никакого. Безлюдье, холодно и пусто. Лишь под вывеской «Товарищество Эмиль Циндель» длинная очередь за хлебом—сегодня обещали выдать по полфунта на работающего.

Шестаков отвлекал себя от голода и усталости размышлениями о причине срочного вызова в Москву.

Вообще-то говоря, он был уверен, что его направят на юг, там сейчас будут решаться военные судьбы республики. С падением белого Архангельска наступила наконец передышка в непрекращающейся вот уже два года гражданской войне.

Но в Крыму засел Врангель, и с юго-запада нависают дивизии белополяков. Хотя поляки до весны вряд ли полезут. А наступать на Врангеля, имея обнаженный западный фланг, просто немислимо.

Наверняка Шестакова бросят сейчас в Таврию: еще в этом году схватимся с врангелевцами на Крымском перешейке!

Но почему его вызвали к Красину? Красин военными делами не занимается, он хозяйственник. Правда, сейчас партия дала установку, что бескровный фронт—хозяйственный фронт—и есть главная линия сражения.

Вон через весь фасад магазина Бландова вывешен плакат:

**«ТРИ ВРАГА БЫЛИ: КОЛЧАК, ДЕНИКИН, ЮДЕНИЧ.
ТРИ ВРАГА ОСТАЛИСЬ: ГОЛОД, ХОЛОД, ТИФ.
ТЕХ ПОБЕДИЛ КРАСНЫЙ ШТЫК.
ЭТИХ ПОБЕДИТ КРАСНЫЙ ТРУД».**

«Но ко мне-то какое это имеет отношение? Я ведь солдат,—думал Шестаков.—Ладно, надо быстрее разыскать старушку Преображенскую, передать «живой привет» и торопиться к Красину. Через пару часов будет все известно».

Леонид Борисович Красин стоял у окна в своей излюбленной позе—руки за спиной, плечи чуть нахлещены—и смотрел на Театральную площадь. Прямо перед ним через весь торец здания Малого театра алел огромный лозунг: «ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА! ВСЕ НА РАЗГРОМ ВРАГА!»

Нарком ужинал. Он смотрел в окно и ел краюху черного сыроватого хлеба, круто посыпанную солью. На столе дымилась паром большая фарфоровая чашка с чаем.

С утра ничего не ел, а вообще-то есть и не хотелось. Сил нет. Устал. Гудит тяжело в затылке, и противно теснит в груди, тонко жжет за грудиной.

И даже вчерашняя огромная победа на Совнарком не радовала: сегодня уже занимали и беспокоили новые проблемы...

А вчера Совет Народных Комиссаров окончательно принял представленные им, Красиным, тезисы по внешней торговле. Четыре раза за последние три недели собирался по этому вопросу Совнарком, и только при огромной поддержке Ленина удалось безоговорочно утвердить резолюцию об основных принципах монопольной внешней торговли молодой Советской республики.

А в перерывах между заседаниями Совнаркома—государственный визит в буржуазную Эстонию, мучительно-напряженные переговоры и вырванный у них мирный договор, договор гарантированный, надежный, без лазеек для обмана и вероломства.

И непрерывный поток документов и посетителей. Член Реввоенсовета республики. Народный комиссар путей сообщения. Народный комиссар внешней торговли. Нарком торговли и промышленности. Председатель Чрезвычайной Комиссии по снабжению Красной Армии. Член Совета обороны.

Бесконечный список дел.

Переговоры с немцами...

Хлеб в Поволжье...

Выяснить вопрос о посылке делегации в Финляндию...

Хлеб с Украины...

Наказать военных, самоуправничающих на патронном заводе в Ижевске...

Хлеб.

Сколько можно подготовить в текущем месяце автомобилей для нужд армии?

Хлеб... Хлеб... Хлеб...

Секретарь приоткрыл дверь:

— Леонид Борисович, к вам Шестаков.

Красин промокнул салфеткой губы, кивнул:

— Просите! Жду с нетерпением...

И пока Шестаков еще не вошел, аккуратно завернул остаток хлеба в чистый лист бумаги, спрятал в стол.

Дверь снова открылась—в кабинет вошел высокий военмор, левую руку он осторожно нес на перевязи. Красин шагнул ему навстречу:

— Здравствуйте, Николай Павлович! Рад с вами познакомиться! О вас очень хорошо отзывались Дыбенко и Кедров.

Шестаков сдержанно улыбнулся:

— Спасибо...

Красин приветливо дотронулся до его плеча:

— Они, собственно, и были инициаторами нашей встречи и рекомендовали вас руководителем одного архитответственного дела, которое тут у нас затевается...—Красин принялся листать лежавшую у него на столе докладную записку.

Шестаков осматрелся. Кабинет, он же личная квартира члена Реввоенсовета республики, народного комиссара внешней торговли и путей сообщения, был невелик—двухкомнатный номер Второго Дома Советов, бывшая гостиница «Метрополь». Увешанные картами стены, длинные столы с теми же картами и папками бумаг, худосочные венские стулья, протертый диван. Через открытую дверь во вторую комнатку была видна железная койка, застеленная солдатским одеялом.

— Я представлял вас гораздо старше,—сказал Красин, отрываясь от записки.

Шестаков ответил очень серьезно:

— К сожалению, этот мой недостаток обязательно пройдет, Леонид Борисович.

— Вам лет двадцать пять?

— Двадцать шесть.

Красин жестом пригласил Шестакова сесть около стола, вернулся на свое место.

— Чаю хотите?

— С удовольствием,—просто согласился Шестаков.—Замерз основательно по дороге к вам.

Секретарь принес Шестакову большую чашку с горячим чаем. Моряк с видимым удовольствием охватил ее рукой, стал греть ладонь.

Красин прихлебнул из своей чашки, оставил ее в сторону.

— А теперь, Николай Павлович, я бы попросил вас рассказать о себе, хотя бы в нескольких словах.

— Попробую.—сказал Шестаков и, не удержавшись от искушения, сделал несколько маленьких торопливых глотков. Чай был крепкий, настоящий.—Я из Сибири, отец мой—рабочий. Грамоту он узнал самоучком, но меня отправил учиться в Томск. Окончил училище с медалью...

— Вы там и познакомились со ссыльными социал-демократами?—осведомился Красин.

— Да. Именно с их явками и связями я прибыл в Петербург. Поступил в Технологический, работал по заданию Комитета со студентами и с рабочими.

— В партию уже в Петербурге вступили?

— В тринадцатом году. А летом четырнадцатого Комитет решил меня направить на фронт—для ведения работы среди моряков.

— Вольноопределяющимся?

— Почти. Мне ведь пришлось уйти со второго курса. Вот я и поступил в юнкера флота.

— Ну, а в составе Красного Флота—ледовый поход из Гельсингфорса в Кронштадт, потом—сухопутная война, орден Красного Знамени и Почетное революционное оружие. Прекрасно, Николай Павлович. Именно вы мне и нужны!

Шестаков встал.

— Слушаю, товарищ Красин.

— Вы старый партиец, опытный моряк и военный человек. Для успеха вам необходимо именно такое сочетание достоинств. Поскольку я собираюсь поручить вам задачу, до сих пор считавшуюся невыполнимой.

— Я готов.

— Другого ответа и не ждал. Владимир Ильич

Ленин поручил мне подготовить решение проблемы сибирского хлеба. Вы знакомы с этим вопросом?

— Очень общо.

Красин подвел Шестакова к географической карте Полярного бассейна, просторно развернувшейся от одного края стены до другого.

— Вот, взгляните, Николай Павлович,—устяжь Оби и Енисея. Здесь на сегодняшний день скопилось свыше миллиона пудов сибирского хлеба, большое количество соленого мяса, рыбы и других продуктов. А республика умирает с голоду...

— Мне говорили, что в России сейчас стоят без движения двадцать пять или двадцать шесть железных дорог?—нерешительно перебил Шестаков.

— К сожалению, не двадцать пять, а все тридцать,—муро ответил Красин.—А на тех, что кое-как работают, в ходу не больше одной трети паровозов. Топлива нет, пути разрушены, мосты взорваны...

Он кивнул на карту железных дорог, поморщился:

— Тем не менее хлеб и остальные продукты с Оби и Енисея мы должны доставить в Россию.

— Значит, через Ледовитый океан?

Красин ответил не сразу. Он подошел к окну, долго рассматривал на Малом театре лозунг «Все для фронта! Все на разгром врага!», потом сказал твердо:

— Да, через Северный Ледовитый океан. Это поручение Владимира Ильича Ленина. Когда он выступал на сессии ВЦИКа, он заявил прямо: «На этой задаче нам надо сосредоточить все силы!»

Шестаков походил около карты Полярного бассейна, остановился, всматриваясь в голубые ленточки рек, в белесые пустынные просторы Ледовитого океана, в редкие кружочки населенных пунктов. Задумчиво произнес:

— М-да-те-с... Конечно, это было бы прекрасно... Но, к сожалению, боюсь, что нереально. Места-то—ох какие трудные! Гидрографических описаний почти нет, лощмана—из поморов—разбежались.

— Надо сообразить тех, что уцелели.

— Конечно. Но я слышал, этот хлебушек пытались вывезти англичане. Да обожглись: посадили несколько транспортов на мели, два или три парохода не успели обернуться—во льды матерые вмерзли. Тем дело и кончилось...

— Все знаю, Николай Павлович. Больше того—знаю, что нет подходящего флота: его разграбили интервенты и белые. Нет угля и мазута, нет обученных экипажей...

— Знающих капитанов тоже нет,—подключился к этому безрадостному перечислению Шестаков.—Просто не знаю, как быть, Леонид Борисович.

— Наверное, надо осознать, что это вопрос жизни и смерти. Известно, что эта задача до сих пор считалась невыполнимой. Но... успешно провести караван по-настоящему необходимо.—Красин интригующе воздел палец.—Это ведь не только важная акция Советского правительства в области человеколюбия и экономики...

Шестаков удивленно посмотрел на него:

— А что же еще?

— Политика! Владимир Ильич надеется превратить экспедицию в серьезный таран политический против блокады.

— Политический? А каким образом?

Красин оживленно забегал по кабинету.

— Очень просто. Часть сибирского хлеба, а главным образом лес, смолу, меха, замшу, лен мы вывезем на европейский рынок, чтобы купить машины, оборудование, мануфактуру и все такое прочее. Вот это, вместе взятое, и будет политической акцией. Шестаков все не мог уразуметь идею.

— Как же так, Леонид Борисович? Ведь капиталисты сами отказываются торговать с нами?

Красин терпеливо разъяснил:

— Не капиталисты, а капиталистические правительства! Это разные вещи. Капиталистические правительства отказываются торговать с Советским правительством. Но масса отдельных капиталистов ну просто мечтает торговать с нами. Им все равно, с кем, лишь бы профит, то есть прибыль, была! И я придумал для них лазейку против их собственных законов и государственных установлений: они будут торговать не с Советским правительством, не с государством Советским, а с коммерческими учреждениями.

— Посредническая торговля!—догадался наконец Шестаков.

— Совершенно верно! И первым советским торговцем буду я. А вы должны обеспечить меня товарами. Через неделю я уезжаю в Европу, буду в Стокгольме, Копенгагене, Лондоне. Надеюсь, что тамошние промышленники и торгаши охотно забудут, что я народный комиссар и член Центрального Комитета партии. Для них я—коммерческий представитель Центросоюза, в этом качестве они и будут меня принимать... надеюсь...

— Я вас понял, Леонид Борисович,—горячо сказал Шестаков.—Постараюсь сделать все от меня зависящее.

Продолжение следует.

ИТОГИ КОНКУРСА

В десятом номере «Смена» объявила очередной тур конкурса эрудитов, предложив пятнадцать вопросов, присланных самими читателями. Жюри конкурса сочло возможным дать более трудные, чем в предыдущих турах, вопросы. Писем пришло меньше, однако, судя по почте, многим читателям такое усложненное задание пришлось по душе. Вот, например, что пишет Э. П. Фирилина из белорусского города Молодечно: «Дорогая редакция! Хочу выразить вам чувство благодарности за столь увлекательное путешествие в мир знаний. «Экзамены» тура вели то в древние века, то в современность, то в историю литературы, музыки, то в растительный и животный мир и т. д. Перелистала множество книг, чтобы найти нужный ответ, жаль, что это не всегда получалось. Пусть конкурс станет традицией журнала!»

Из письма Т. Яковлевой из Ставрополя: «Участвовать в конкурсе — большая радость для меня. Очень и очень интересно. Конечно, и трудно. У меня семья, маленький ребенок. Однако я находила время, чаще в ночные часы, и читала, отыскивая ответы на вопросы».

Большое вступление к ответам на вопросы конкурса предложил читатель из Ленинграда В. Гришанов. Между прочим, он пишет, что его, библиомана, книжный бум как-то незаметно отвлёк от научно-популярной литературы. «Сейчас я понял, что и на тех прилавках, которые я раньше игнорировал, можно встретить очень интересные, замечательные издания. Уже за одно это «Смене» большое спасибо».

Отрадно отметить, что в конкурсе участвуют читатели всех возрастов.

Учитывая трудность вопросов предложенного тура, жюри конкурса рассматривало письма, авторы которых одолели десять и больше вопросов. Абсолютной победительницей тура признана Э. П. ФИРИЛИНА, которая точно ответила на 13 вопросов, причем на все наиболее трудные.

Победителями тура также признаны:

Е. Л. НУСИНОВ из Харькова,
В. Г. ГУРЕВИЧ из Хабаровска,
В. С. ОБУХОВСКИЙ из Воронежа,
С. И. МАЗУРКЕВИЧ из г. Загорска, Московской области,
В. В. ТИЛИШЕВСКАЯ из Ростова-на-Дону,
Е. И. ШИПИЛОВА из г. Дубовка, Волгоградской области,
Н. Г. ЛЕСНИЧИЙ из г. Днепрорудный, Запорожской области.

В качестве призов жюри конкурса эрудитов предусматривает следующие книги: двухтомник лирики Ф. И. Тютчева, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, роман Ю. Тынянова «Пушкин», «Приключения Гекльберри Финна» М. Твена. Каждый из победителей получит книги двух из названных авторов.

Шесть читателей удостоены почетного диплома: Г. А. БАЖАНОВА из Кишинева, Н. П. ГОРБАЧЕВ из г. Черняховска, Калининградской области, В. Ю. ВАЩЕНКО из Днепротровска, Н. П. БОЧКО из Киева, Н. П. КАРАСЕВ из г. Ивантеевки, Москов-

ской области, О. Н. НАГАЕВА из г. Междуреченска, Кемеровской области.

Редакция поздравляет победителей и благодарит всех читателей, принявших участие в конкурсе.

Публикуем ответы на вопросы четвертого тура конкурса эрудитов:

1. У художника П. Андрианова есть картина «В. И. Ленин и Я. М. Свердлов на Красной площади 1 Мая 1918 года наблюдают за полетом самолета». Какой это был самолет, где построен и кто его пилотировал?

— Это «Ньюпор-21», называемый полуторпалом из-за маленького нижнего крыла. Машина сконструирована во Франции, построена в Москве на заводе «Дукс». Пилотировал самолет на высоте 300 метров инструктор Московской школы авиаторов И. Н. Виноградов.

2. Когда издано первое собрание сочинений В. И. Ленина и как оно называлось?

— Первая попытка издать трехтомное Собрание сочинений В. И. Ленина под общим названием «За

Конкурс Эрудитов

Игра продолжается. Условия остаются прежними: вопросы на самые разные темы отобраны из ваших писем, дорогие читатели. Отвечая редакции, желательнее писать на одной стороне листа. Чтобы облегчить работу жюри, ответы рекомендуется располагать в том порядке, в каком приведены вопросы.

Жюри определит победителей в конце тура. Призы, как и прежде, — книги и альбомы.

Участвовать в конкурсе может любой читатель, даже если этот тур окажется для него первым.

Срок отправки писем с ответами на вопросы очередного тура до 31 декабря 1981 года (по штемпелю отправления).

Желаем вам успехов!

А теперь задание нового тура

1. Как называлась первая поставленная на сцене пьеса, в которой создан образ В. И. Ленина? Кто в ней был исполнителем роли вождя?

С. Корытченко, г. Арзамас Горьковской области

2. Девизом какого предприятия нашей страны является лозунг: «Пусть атом будет рабочим, а не солдатом»?

Т. Мещерина, г. Воронеж

3. С какой картины «началась» знаменитая Третьяковская галерея?

В. Босой, г. Биробиджан

4. Хребет Московский и гора Кремль находятся в одном месте. Кто их открыл? Где они расположены?

Н. Поликарпова, г. Горький

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Белые начинают и дают мат в шесть ходов.

отдельной открытке и доказанное вариантами в краткой шахматной нотации, участнику конкурса присуждаются два очка. Напомним, пожалуйста, что письма с ответами на девятый тур надо отправлять в адрес нашей редакции не позднее 25 декабря сего года.

Растет способная смена

«Белая ладья». Так именуются всесоюзные соревнования совсем юных шахматистов, которые организуются вот уже несколько лет и стали отличной ежегодной традицией. Нынешним летом ребята «сражались» в Первомайске Николаевской области. В главном финале победу праздновали юные шахматисты Перми, набравшие 18 очков из 25 возможных. На втором месте команда москвичей — 16, на третьем призовом месте — тбилисцы с 15,5 очка.

О том, каковы способности 11—14-летних шахматистов, как напористо, «с огоньком» они играют, наглядно показывают фрагменты двух партий последней «Белой ладьи».

К такому положению после 15-го хода черных пришли перворазрядники Сережа Иволгин из Перми (у него были белые фигуры) и москвич Саша Манашин.

Энергичным шахом «на вскрышку» белые создают опасные угрозы.

16. d5—d6+! Сс8—e6. Любопытную комбинацию задумали белые в варианте 16... Kpg7 17. Kd5 Фd6 18. Kf6!, и дела черных плохи. Теперь же атака на короля стремительно развивается в результате смелой жертвы ладьи.

17. Kc3—d5 Ce5—d4+ 18. Kpg1—h1 Ce6:d5+ 19. Cc4:d5+ Kpg8—g7 20. Cg5:f6+! Cd4:f6 21. Лf1:f6! Kpg7:f6 22. Фd1—f3+ Kpf6—g5 23. h2—h4+! Kpg5—h6 24. Фf3—f4+ Kph6—g7 25. Фf4—f7+ Kpg7—h6 26. Фf7:e8 Фb6:d6 27. Cd5:b7 Фd6—f6.

Ценою ладьи черные отразили бурный натиск на их короля и питают кое-какие надежды на ничью посредством «вечного шаха». Однако соперник быстро лишает белых иллюзий, вынуждая размен ферзей.

28. Фe8—e3+! Kph6—g7 29. Фe3—c3, и черные капитулировали.

Здесь вы видите позицию, возникшую после 10-го хода черных в поединке челябинца Руслана Щербакова (он играл белыми) с Олегом Одинцом из города Антрацит, что в Донбассе.

Активным наступлением пешечного дуэта на своем правом фланге белые решают исход «боя».

11. h2—h4! Лf8—e8 12. h4—h5 Kg6—f8 13. 0—0—0 Фd8—e7 14. g2—g4! c7—c5 15. g4—g5 b7—b5 16. d4—d5 e6:d5 17. Kc3:d5 Fe7—d8 18. g5—g6! f7:g6 19. Cd3:e4 Лa8—b8 20. h5:g6 h7—h6.

Черные хотя и забаррикадировались, но ввиду эффектной жертвы ладьи их пешечный заслон вскоре рухнет, и оборонительные ресурсы иссякают.

21. Kd5—f4! Cc8—b7 22. Ce4:b7 Лb8:b7 23. Фc2—d3 Фd8—c7 24. Фd3—d5+ Kpg8—h8 25. Лh1:h6+! g7:h6 26. Фd5—f7, и черные сложили оружие.

Девятый тур

Белые начинают и дают мат в три хода.

Ход белых. Как вы оцените ситуацию на доске? За правильное решение каждого из трех заданий, присланное на

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.09.81. Подписано к печати 18.09.81. А 05175. Формат 70 × 108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.00. Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 17.50. Тираж 1 145 000 экз. Изд. № 2354. Заказ № 1251. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

12 лет» предпринята в 1907 году издательством «Зерно». Вышли только первый том и первая книга второго тома.

3. Селение Москва стоит близ реки Волга. Где это?
— В Шотландии.

4. Шла вторая мировая война... Какой писатель и по какому радио произнес тогда самую короткую в мире речь? Прочитайте ее.

— В годы второй мировой войны по Британскому радио выступил Бернард Шоу. Он сказал: «Помогайте России!»

5. Где и когда была открыта первая советская сберкасса? Кто стал ее первым клиентом?

— В Петрограде на набережной Фонтанки 1 февраля 1923 года в 10 часов утра. Первый вкладчик пришел в конце рабочего дня. Им оказался рабочий завода «Электросила» Александр Осипович Желонз, принесший часть премии за быстрое и качественное выполнение производственного задания.

6. В четырех крупных произведениях русского

поэта у героинь одинаковое имя. Назовите поэта, произведения и имя героинь.

— А. С. Пушкин. Марией зовут героинь повестей «Капитанская дочка» и «Дубровский», поэм «Бахчисарайский фонтан» и «Полтава».

7. Во время какой демонстрации и кто впервые в России нес красное знамя?

— До недавнего времени считалось, что первым знаменосцем был 17-летний питерский рабочий Яков Потапов. Он поднял древко с полотнищем на совместной демонстрации передовых рабочих и народников организации «Земля и воля» перед Казанским собором в Петербурге 6 декабря 1876 года. Но сейчас найден документ, из которого видно, что первыми в этой роли были крестьяне Василий Горячев и Максим Потапов из села Покровское Чембарского уезда, Пензенской губернии, которые 8 апреля 1861 года ездил на тройке с красным знаменем по деревням, выступая в поддержку крестьян взбунтовавшейся деревни Черной.

8. Когда и где был впервые описан полет на Луну?

— О полете на Луну говорилось в древнеиндийском эпосе «Махабхарата», созданном во втором тысячелетии до нашей эры.

9. Кто был первым в истории Франции композитором, которого восторженная публика аплодисментами вызвала на сцену? Назовите его полное имя. Широкую известность он заслужил в другой области. В какой?

— Филидор. Полное имя — Франсуа Андре Даникан. На сцену композитора вызвали в 1764 году при исполнении его оперы «Колдун». Филидор был сильнейшим шахматистом Европы второй половины XVIII века.

10. Какая рыба и когда плышет хвостом вперед?
— Хвостом вперед плывут мальки горбуши из реки в море.

11. Назовите самую удаленную сейчас от Солнца планету.

— Сейчас это Нептун, которому в январе 1979 года «уступил место» Плутон. В марте 1999 года самой далекой от Солнца планетой снова станет Плутон.

12. Знаете ли вы самый древний военный орден?
— В древнеегипетской записи XVIII века до н.э. упоминается особый знак, которым отмечали доблесть военачальников. Он назывался «Золотая похвала». Это и есть первый из известных военных орденов.

13. В основу произведения популярного писателя легла романтическая история одного из декабристов. Назовите писателя, произведение, декабриста. Кто послужил прототипом героини произведения?

— Роман А. Дюма-отца «Записки учителя фехтования». Прототипы его героев — декабрист И. А. Анненков и его жена Полина Гебль, француженка по происхождению.

14. Среди античных ученых была женщина. Назовите ее имя. Где она жила? В каких областях науки она известна? Она изобрела несколько приборов. Каких?

— Это Гипатия, дочь Александрийского математика Теона. Она известна как философ, астроном, математик и механик. Среди изобретенных ею приборов — астролябия и ареометр.

15. В какой стране растет патриарх деревьев? Каков его возраст?

— Считалось, что это баобаб в Танзании, которому свыше 5 тысяч лет. Но сейчас на японском острове Якусима обнаружен кедр (некоторые ученые считают, что это криптомерия), которому примерно 7200 лет.

5. Когда и где сооружен первый в СССР памятник в честь героя Великой Отечественной войны?

Ф. Моренец, г. Жданов Донецкой области

6. Назовите полное имя художника-коммуниста Пабло Пикассо.

7. Когда впервые опубликовано стихотворение, начинающееся словами:

Раз, два, три, четыре, пять!
Вышел зайчик погулять...
Кто его автор?

А. Блинов,
г. Свердловск

8. Сколько в прежние времена было порогов на Днепре? Назовите их.

И. Колесниченко,
г. Новая Каховка Херсонской области

9. Какому дереву не страшна температура абсолютного нуля?

В. Поликарпов,
пос. Угловка Новгородской области

10. Кто явился прообразом Митрофанушки в «Недоросле»? Как повлияла на него постановка пьесы Фонвизина?

В. Ким, Москва

11. Из какой ткани были сотканы паруса на каравеллах Колумба? Почему она названа именно так?

В. Бянкин,
г. Шилка Читинской области

12. Кто и где издал самую короткую в мире книгу — всего из двух слов? Прочитайте их.

В. Карпеев,
г. Мирный Архангельской области

13. Есть только одна страна в мире, на разных сторонах государственного флага которой разные изображения. Назовите эту страну. Что изображено на ее государственном флаге?

С. Ермаин,
пос. Кочкор-Ата Ошской области

14. Кто и когда первым в мире прыгнул с парашютом? А кто — первым в России? Назовите также первую парашютистку.

С. Ложкина,
г. Кизел Пермской области

15. Кому из космонавтов Французская Академия наук выдала заветные 100 тысяч франков? Кто, когда и с каким условием оставил это заветное?

А. Беляков,
г. Елизово Камчатской области

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ С ОТВЕТАМИ НА ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ТУР ДО 31 ДЕКАБРЯ 1981 ГОДА.

К Р О С С В О Р Д

Составил Г. ЧИБИСОВ,
Москва

По горизонтали:

6. Коренное переустройство с целью усовершенствования. 8. Разновидность гармонии. 9. Роман Д. А. Фурманова. 11. Советский ледокол. 13. Опера Д. Мейербергера. 16. Инструмент альпиниста. 17. Музыкальное упражнение для голоса без текста. 18. Упругий элемент подвески транспортных машин. 19. Русская спортивная игра. 21. Горная порода, строительный, декоративный камень. 23. Декабрист. 25. Представительница коренного населения автономной советской республики. 26. Советская футбольная команда. 27. Народный артист СССР, дирижер в Армянском театре оперы и балета. 30. Стихотворение В. В. Маяковского.

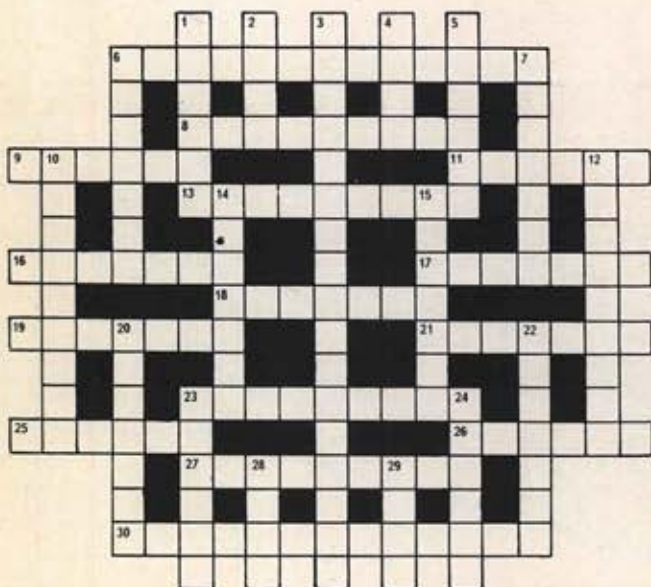
По вертикали:

1. Строфа. 2. Персонаж комической оперы Б. Сметаны «Проданная невеста». 3. Город в Хмельницкой области. 4. Укол в фехтовании. 5. Небольшое драматическое произведение. 6. Маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза. 7. Периодически организуемый торг. 10. Город в Краснодарском крае. 12. Река в Якутии. 14. Промышленное предприятие. 15. Один из героев романа Н. А. Островского «Рожданные бурей». 20. Роман Д. Олдриджа. 22. Воздушный флот. 23. Столица автономной советской республики. 24. Рассказ А. П. Чехова. 28. Импорт товаров. 29. Дерево, разводимое для озеленения, лесозащитных посадок.

ОТВЕТЫ
на кроссворд,
напечатанный
в № 19

По горизонтали:
3. «Весна». 8. Бологое. 9. Савинья. 10. Потье. 11. Шемяка. 12. Громова. 14. «Мазепа». 15. Витраж. 17. Тувинка. 18. «Мещане». 19. Маршал. 20. «Мадонна». 21. Стрела. 23. Рувума. 25. Амирхан. 28. «Волна». 29. Шельф. 30. Концерт. 31. Орхидея. 32. Исаев.

По вертикали:
1. «Холопка». 2. Копьёметательница. 3. Вебер. 4. Соломосилосорезка. 5. Асаев. 6. Литературоведение. 7. «Цыганка». 12. Гватемала. 13. Аквamarin. 14. Мимас. 16. Желна. 22. Тихонов. 24. Мальцев. 26. Марти. 27. Ардов.

Детский дом — теплый дом

В подарок — библиотеки

К читателям и друзьям «Смены»

Вначале два радостных факта недавней, но все-таки истории. В мае 1979 года в Новом Уренгое — юном городе газиков на севере Тюменской области — была открыта библиотека, которой молодые новоуренгойцы присвоили имя «Смены». Проходит менее двух лет, и в марте уже года нынешнего город за шестидесятой параллелью получает новый подарок — превосходную библиотеку для детей и юношества. Да, мы не оговорились, именно подарок. Подарок от редакции «Смены» и многих-многих ее читателей. Без читателей наш эксперимент не стал бы возможным. Это вы, дорогие читатели, так сердечно отозвались на просьбу редакции, прислав книги в адрес тогда еще будущих библиотек. Отчитываясь о проделанном на страницах журнала, мы подчеркивали, что наш эксперимент важен прежде всего общественным своим характером. Малое вроде бы в масштабах страны дело — создание двух библиотек — выросло до масштабов социально значимого, потому что еще раз наглядно подтвердило, как сердечны, отзывчивы у нас люди. Умение отзываться на заботы человека, и близкого и далекого, — в характере нашего народа. Мы с самого начала верили в будущий успех, но, признаться, не предполагали, что идея редакции вызовет такой широкий отклик. Сейчас общий фонд двух новоуренгойских библиотек превышает сто тридцать тысяч книг, из них около ста тысяч — детская литература. Представьте, какая это радость для ребят! А доказывать, что каждая хорошая книга для ребенка — это радость великая, нет, наверное, необходимости. Со времени открытия «книжкиного дома» прошло уже более полугода, а бандероли и посылки с книгами в Новый Уренгой идут до сих пор — так много у хорошей затеи оказалось доброжелателей. Вывод из нашего эксперимента такой: можно и нужно в решении социально-бытовых проблем призывать в помощники верного союзника — людскую отзывчивость.

А теперь факт, в приятные цвета совершенно не окрашенный. Начиная в недавнем, 16-м номере «Смены» разговор о проблемах детских домов, мы отмечали и такую деталь: в детских домах нет своих библиотек. Наверное, очень давно, когда жили мы победнее,

кто-то решил, что детдомовские ребята вполне могут обходиться книгами из библиотеки районной или городской.

И все-таки нужны, очень нужны своим собственным библиотекам детским домам.

Книга — это ведь тоже воспитатель, воспитатель тонкий и умный,

и ребятам, которых судьба лишила заботы отца, нежности матери, книга просто необходима.

Причем не книга вообще, а именно та, что требуется растущему человеку в данный момент для его становления.

И находиться эти добрые друзья должны не где-то далеко, а в самом детском доме,

чтобы, как из семейного шкафа, мог ребенок взять книгу и открыть заветные страницы в любой момент, когда будет у него на то время и желание.

У детских домов немало проблем, ждущих своего решения. Библиотеки, а вернее, их отсутствие — одна из таковых, не терпящих отлагательства.

Проблема есть, но вот как к ней подступиться? Можно, конечно, дожидаться, когда государственные организации изыщут необходимые средства на формирование библиотек в детских домах, и они, вероятно, рано или поздно будут созданы.

Но есть и другой вариант, который позволит в кратчайшие сроки обеспечить детские дома добротными библиотеками.

Две поразительные цифры. Если сложить в общий фонд книжные сокровища всех библиотек страны, то получится собрание из пяти миллиардов томов.

Но оказывается, что государственные библиотеки по своему объему и близко не могут сравниться с личными, — на руках у народа книг сейчас тридцать (!) миллиардов. Малой, совсем малой капли этого моря достаточно, чтобы утолить жажду в книгах детдомовских ребят.

И вот журнал «Смена» вновь обращается к вам, дорогие наши читатели.

Давайте внесем и мы свой вклад в общее дело, создадим библиотеки «Смены» в нескольких детских домах и интернатах для детей-сирот. И пусть это будут библиотеки, с которых можно брать пример. Какие книги присылать? Мы думаем, любые из тех, что, на ваш взгляд, интересны детям и подросткам: художественные, научно-популярные — любые. Только одно важное пожелание: книги должны быть в хорошем состоянии, чтобы служили им долго, не одному поколению детдомовских ребят. Надеемся, что на нашу просьбу откликнутся не только молодые читатели, но и люди старшего поколения, сыновья и дочери которых уже выросли, а когда-то любимые ими книги сейчас

скупают на полках. Особо обращаемся помочь нам в сборе книг пионеров, школьников, студентов, комсомольцев — всех, кого волнует судьба детей, оказавшихся в беде. Комплектование будущих библиотек мы решили организовать в самой нашей редакции, поэтому напоминаем адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, журнал «Смена», «Детский дом — теплый дом». О детских домах, в которых будут открыты библиотеки, собранные читателями, мы, конечно же, расскажем на страницах нашего журнала. Ждем вашего отзыва, ваших книг, дорогие друзья!

От имени редколлегии журнала «Смена» — Альберт ЛИХАНОВ, главный редактор